

ОБЩЕСТВО

ЭКОНОМИКА

НАУКА
— 1727 —

11

2024

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 11, 2024

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д.э.н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д.э.н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д.э.н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Эдуард Соболев. Трудовая миграция на российском рынке труда: ключевые проблемы и подходы к регулированию	5
Татьяна Соколова. Средний класс в России и странах российского «пояса соседства» в условиях меняющегося миропорядка (проблемы теории и практики)	19

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Сергей Трофимов. Развитие методологических основ государственного регулирования нефтегазового комплекса на современном этапе экономических отношений	31
---	----

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

Михаил Жариков. Особенности конкуренции коммерческих банков и компаний финтех	47
Ирина Квашнина. Россия в международном движении капитала: адаптация к новым условиям	61

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Екатерина Романчук. Влияние Всемирного банка на экономическое развитие Республики Узбекистан	74
Максим Бороденко. Внешнеэкономические связи Грузии в условиях геополитической турбулентности	96

РЕТРАКЦИЯ

Отзыв статьи	107
--------------------	-----

CONTENTS

SOCIAL ISSUES

E. Sobolev. Labor migration in the Russian labor market: key problems and approaches to regulation	5
T. Sokolova. The middle class in Russia and the countries of the Russian «neighborhood belt» in the context of a changing world order (problems of theory and practice)	19

ECONOMIC POLICY

S. Trofimov. Development of methodological foundations of state regulation of the oil and gas complex at the present stage of economic relations	31
---	----

FINANCIAL POLICY

M. Zharikov. The specifics of competition between commercial banks and fintechs	47
I. Kvashnina. Russia in the international movement of capital: adaptation to new conditions	61

WORLD ECONOMY

Ye. Romanchuk. The influence of the World Bank on the economic development of the Republic of Uzbekistan	74
M. Borodenko. Georgia's foreign economic relations in the context of geopolitical turbulence	96

RETRACTION

Retraction	107
------------------	-----

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

© 2024

УДК: 331.556.4

Эдуард Соболев

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: edsobol@rambler.ru)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ

В статье исследуются дискуссионные вопросы теории и практического регулирования трудовой миграции в России, дана оценка масштабов внешней трудовой миграции, определяется ее место и роль на российском рынке труда. На основе данных Росстата и других официальных органов с привлечением результатов независимых исследований раскрываются социально-экономические последствия миграции: зарплатный демпинг, рост конкуренции за рабочие места с местным населением, расширение масштабов теневой занятости, формирование очагов социальной напряженности в местах скопления мигрантов. В заключение обосновываются подходы к регулированию трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, кадровый дефицит, риски миграции, нелегальная миграция, миграционная политика.

DOI: 10.31857/S0207367624110018

Введение

В миграционной сфере нарастает неопределенность. Властные структуры никак не могут определиться, нужны ли стране трудовые мигранты и сколько. Эксперты же сталкиваются с трудностями при оценке последствий быстро меняющейся ситуации и прогнозировании дальнейшего развития миграционных процессов.

Не в последнюю очередь такая ситуация связана с отсутствием ясного понимания места и роли внешних трудовых мигрантов на российском рынке труда. Одни исследователи рассматривают внешнюю миграцию как чуть ли не единственный способ решения проблемы кадрового дефицита в условиях исчерпания внутренних резервов повышения экономической активности населения [1; 11]. Другие, напротив, вообще выступают за принципиальный отказ от трудовой миграции или, по крайней мере, ее существенное ограничение [20], считая приоритетом использование трудовых ресурсов из российских регионов с высокой безработицей.

Нет согласия в экспертном сообществе и по вопросу социально-экономических последствий трудовой миграции. Споры ведутся вокруг таких вопросов, как: отнимают ли мигранты рабочие места у местного населения; является ли оплата труда мигрантов фактором снижения заработков автохтонного населения в стране [13; 28; 30].

Отсюда следуют и разногласия по поводу регулирования миграционных потоков, экономической политики в миграционной сфере. Представители

неолиберального направления фактически выступают против регламентации и каких-либо ограничений миграционных потоков, за свободный их доступ на российский рынок труда [1]. Другие авторы отстаивают необходимость существенных ограничений использования в народном хозяйстве трудовых мигрантов [6; 7]. Наконец, остро дискуссионным является вопрос о методах борьбы с нелегальной миграцией вообще и нелегальной занятостью мигрантов в частности.

Настоящая статья концентрируется на исследовании данных дискуссионных и малоисследованных проблем. Работа опирается на труды современных исследователей по вопросам трудовой миграции. Эмпирическая база исследования включает данные Росстата и других официальных органов, привлекаются и результаты независимых обследований.

Оценка ситуации

В экспертном сообществе наблюдается неоднозначная оценка масштабов и динамики трудовой миграции в современной России. Многих экспертов тревожит оскудение миграционных потоков из стран ближнего зарубежья [4]. Распространенность такой точки зрения во многом объясняется запутанностью существующих методов оценки миграционных потоков. Расчет фактической численности внешних трудовых мигрантов, как правило, производится на основе либо данных Пограничной службы ФСБ России (табл. 1), либо сведений о регистрации трудовых мигрантов территориальными органами МВД РФ (табл. 2).

Однако оба эти вида учета — пограничный и территориальный — имеют серьезные недостатки и далеко не всегда адекватно отражают реальное положение дел в миграционной сфере, направленность и масштабы миграционных потоков.

Главные недостатки информации, получаемой на основе учетных данных пограничной и миграционной служб, состоят, на наш взгляд, в следующем. С одной стороны, многие фактически постоянно проживающие в России выходцы из стран ближнего зарубежья регулярно снимаются с миграционного учета, чтобы зафиксировать срок однократного пребывания менее 9 месяцев. С другой стороны, многие покидающие Россию обладатели постоянной регистрации предпочитают ее сохранить и попадают в миграционный учет.

Еще одно важное обстоятельство, порождающее искажение, состоит в том, что статистика пограничной службы фиксирует число пересечений границы (въездов и выездов) без привязки к траекториям конкретных мигрантов. Это существенно преувеличивает интенсивность миграционных потоков, поскольку многие трудовые мигранты на протяжении календарного года могут неоднократно пересекать границу как в связи с личными обстоятельствами, так и (что происходит чаще) во избежание тех или иных проблем в отношениях с миграционной службой. Наконец, серьезной проблемой для исследователей динамики миграционного поведения является периодический пересмотр методики учета миграционных потоков, ведущий к несопоставимости данных на разных временных отрезках. Так, в 2022 г. данные о фактическом миграционном обороте существенно завышены из-за переноса сроков окончания регистраций значительной части иностранных граждан (и их выбытий соответственно) с 2021 на 2022 г. [27].

Рассмотренные недостатки баз данных пограничной и миграционной служб заставляют искать альтернативный источник информации. В данной статье при

Таблица 1

Численность трудовых мигрантов, млн человек
(по данным Пограничной службы ФСБ России)

Год	Прибыло		Выбыло		Сальдо	
	всего	в т.ч. для работы	всего	в т.ч. имевших работу	всех мигрантов	имевших работу
2019	32,9	4,1	32,4	1,1	0,5	3,0
2020	9,6	1,1	10,0	0,2	-0,4	0,9
2021	12,1	2,6	10,9	0,9	1,2	1,7
2022	14,1	3,5	13,9	2,1	0,2	1,4
2023	15,5	4,5	15,1	2,6	0,4	1,9

Источники: составлено по [24].

Таблица 2

Миграционный приток в Россию (2010–2023), тыс. человек
(по данным территориальных органов МВД РФ)

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост*
2010	192	34	158
2011	357	27	246
2012	418	123	295
2013	482	186	296
2014	591	310	281
2015	599	353	246
2016	575	313	262
2017	589	377	212
2018	566	441	125
2019	696,4	410,6	285,8
2020	594,1	487,7	106,5
2021	667,9	238,0	429,9
2022	730,4	668,4	61,9
2023	560,4	450,4	110,1

* Рассчитывается как разность между постановкой на регистрационный учет на срок от девяти месяцев и снятием с такого учета.

Источник: составлено по данным учета мигрантов территориальными органами МВД РФ за соответствующие годы.

анализе численности и динамики трудовых мигрантов мы опираемся на баланс трудовых ресурсов. Преимущество этого источника информации состоит в том, что он предоставляет данные о фактическом единовременном присутствии внешних трудовых мигрантов на российском рынке труда с разбивкой по категориям, выделяемым по принципу региона–донора рабочей силы и вида легальных оснований, позволяющих им участвовать в отношениях занятости и вести трудовую деятельность на территории России [10; 15]. В соответствии

с этими критериями в балансе трудовых ресурсов выделены следующие категории иностранных работников:

- иностранные граждане, имеющие вид на жительство в России вне зависимости от страны, из которой они прибыли;
- выходцы из стран ближнего зарубежья, входящих в состав ЕАЭС, которым для ведения трудовой деятельности на территории России специального разрешения не требуется. В число этих стран входят Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Армения;
- выходцы из стран ближнего зарубежья, не входящих в состав ЕАЭС, имеющие патент на занятие трудовой деятельностью. Преобладающую часть этой категории составляют граждане Таджикистана и Узбекистана. Для этой категории приобретение патента открывает дорогу к неформальным заработкам, так как дает им право оставаться на территории России на законных основаниях и минимально ограничивает выбор сферы приложения труда и выстраивание взаимоотношений с работодателями. Как правило, представители этой категории предпочитают оплатить патент, даже если они не работают официально и наличие или отсутствие патента не интересует покупателя их трудовых услуг;
- получившие разрешение на работу в России представители стран дальнего зарубежья.

Информация, доступная из баланса трудовых ресурсов, характеризует ситуацию с мигрантами в российской экономике несколько по-иному по сравнению с данными пограничной и миграционной служб. Как видно из табл. 3, на протяжении последнего десятилетия при наличии небольших колебаний в целом прослеживалась тенденция как к увеличению доли иностранных работников в совокупной рабочей силе, так и роста численности трудовых мигрантов в абсолютном выражении. По последним данным доля иностранных работников в совокупной рабочей силе достигла рекордного значения в 4,2%, что весьма ощутимо превышает предыдущее пиковое значение 2015 г. В абсолютном значении прирост численности иностранных работников между этими двумя точками был также весьма внушителен, составив немногим менее полумиллиона человек. Постпандемийный период характеризуется не просто тенденцией, а устойчивым увеличением иностранного сегмента российского рынка труда от года к году, и, согласно прогнозным оценкам, именно такая динамика ожидается в ближайшей перспективе.

В целом оценки миграционной динамики, полученные на основе баланса трудовых ресурсов, позволяют сделать вывод, что сокращение притока иностранной рабочей силы пока что не стало реальностью и в ближайшие годы не представляет угрозы для национальной экономики. На наш взгляд, более опасна другая тенденция — неблагоприятные качественные изменения в структуре миграционного притока. В последние годы его расширение осуществлялось в основном за счет трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья с невысоким уровнем квалификации, в то время как и без того не очень высокий приток квалифицированных специалистов из развитых стран, способных обогатить качественный состав задействованной на российском рынке труда рабочей силы, практически иссяк.

Труodefицит и миграция. С экономической точки зрения потребность в миграции есть следствие трудового дефицита на российском рынке труда. По данным

Таблица 3

Динамика численности и доли иностранного сегмента российского рынка труда

Год	Совокупная численность трудоустроенных ресурсов, млн человек	Трудовые мигранты	
		численность, млн человек	доля в трудовых ресурсах, %
2010	93,1	2,0	2,1
2015	92,71	3,39	3,7
2016	91,16	2,83	3,1
2017	89,97	2,60	2,9
2018	89,67	2,66	3,0
2019	90,18	3,06	3,4
2020	89,11	2,14	2,4
2021	90,52	3,13	3,5
2022	91,64	3,47	3,8
2023	91,63	3,81	4,2
2024*	91,74	4,00	4,4
2025*	91,94	4,21	4,6
2026*	92,42	4,42	4,8

* Прогнозная оценка.

Источник: рассчитано по данным баланса трудовых ресурсов за соответствующие годы [19].

правительства, около 2,5 млн рабочих рук будет не хватать до 2030 г., а по экспертным — до 4 млн [9].

В экспертном сообществе имеются несколько объяснений причин возникновения трудового дефицита [14]. Зачастую ссылаются на общее сокращение населения России как на основную причину. Однако трудоспособное население России и, что еще более важно, экономически активное население, по большому счету, остается почти неизменным на протяжении многих лет, а в 2023 г. зафиксирован его некоторый рост. Это свидетельствует об относительно независимой динамике совокупной рабочей силы по отношению к динамике численности населения. Иначе говоря, демографический дефицит и дефицит трудовых ресурсов — это не просто разные категории, но процессы, развивающиеся довольно-таки независимо друг от друга, и даже вполне способные протекать в разных направлениях.

Различаются и возможности общества и государства по регулированию этих процессов. Хотя демографический дефицит в стратегической перспективе и поддается некоторой коррекции под воздействием грамотно подобранных мер государственной политики, направленной на стимулирование рождаемости, здорового образа жизни и оптимизации расселения населения по территории страны, но в среднесрочной, и тем более, в краткосрочной перспективе представляет собой данность, которую сложно изменить и которую следует просто принимать во внимание при выстраивании социальной и экономической политики. Иначе обстоят дела с дефицитом трудовых ресурсов. Трудно поддающиеся регулированию демографические процессы — это лишь один из многих факторов, способствующих его формированию, влияние которого может быть в значительной мере, а иногда

и полностью перекрыто действием других, лежащих как на стороне спроса на рабочую силу (например, уровень автоматизации производственных процессов), так и на стороне предложения (уровень заработной платы, развитие гибких форм занятости, облегчающих участие в рабочей силе уязвимых категорий населения) [26].

Ответ на вопрос, в каком количестве мигрантов нуждается российская экономика, зависит от концептуального подхода к определению места и роли миграции на российском рынке труда. Либерально настроенная часть экспертов считает, что внутренние источники покрытия кадрового дефицита исчерпали себя и привлечение внешних мигрантов — чуть ли не единственный способ решения демографических проблем (в частности, об этом говорят эксперты ВШЭ). Для поддержки рынка труда, по их мнению, необходимо каждый год привлекать от 400 тысяч до 1,1 млн мигрантов [32].

Их оппоненты, напротив, полагают, что мигрантов на российском рынке труда слишком много и они вытесняют местные кадры с рынка труда, разрушают национальную идентичность. Поэтому предлагается ввести налог на трудовых мигрантов, чтобы мотивировать работодателей нанимать россиян. Для решения проблемы дефицита приоритетным направлением является использование трудовых ресурсов из российских регионов с высокой безработицей (в т.ч. из национальных республик). Предлагается взять курс на «дегастарбайтеризацию» рынка труда. «У нас есть регионы с более высокой безработицей. Их жители с удовольствием поедут работать в соседние города таксистами, курьерами, рабочими на стройку. Но нужно им помочь с переездом: предоставить общежитие, билет, гарантировать белую зарплату. Только когда этот ресурс будет исчерпан, мы должны прибегать к найму иностранцев» [25].

В современной демографической политике миграция должна рассматриваться как дополнительный ресурс [16]. К нему прибегают, когда исчерпаны внутренние ресурсы: производительность труда, внутрирегиональная миграция, повышение занятости населения.

Экономические и социальные издержки привлечения мигрантов

Как показывает опыт многих стран, привлечение в национальную экономику иностранной рабочей силы, как правило, не только приносит выгоды, но и сопровождается определенными издержками, которые ощутимо возрастают по мере роста масштаба миграционного притока [35; 36]. Следует сразу же отметить, что издержки сопряжены, в основном, с привлечением неквалифицированных мигрантов, заполняющих не самые привлекательные ниши рынка труда.

Зарплатный демпинг. Прежде всего под воздействием притока мигрантов оказывается занятость и уровень оплаты труда местного населения. Характер этого воздействия является предметом острых дискуссий. Ряд экспертов отрицают какое-либо влияние миграции на эти параметры. Так, Р. Капелюшников недвусмысленно пишет: «Занятость местного населения не падает, а, скорее, растет. Кроме этого, приток мигрантов практически не влияет на уровень оплаты местных работников. Представим себе, у вас на стройке есть рабочий-каменщик. А вам не хватает рабочих рук. Вы наняли десять рабочих из Средней Азии. После этого местный рабочий-каменщик стал их бригадиром. Произошло у него снижение заработной платы? Нет.» [13]. С ним вполне солидарна Ю. Флоринская

из Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, по убеждению которой «мигранты не снижают зарплаты коренных жителей страны. Либо они оказывают нулевое влияние, либо иногда даже наоборот, зарплаты у местных растут, т.к. они переходят на другой уровень занятости. Мигранты занимаются низкоквалифицированным трудом, а местные жители переходят на более высококвалифицированную работу, соответственно, у них зарплаты выше» [30].

Адвокаты этой позиции апеллируют к концепции сегментированного рынка труда, утверждая, что в современной России мигранты занимают на этом рынке особый, относительно автономный сегмент, на занятость в котором представители автохтонного населения страны не претендуют в силу непривлекательности условий труда и непрестижности открывающихся там рабочих мест. При этом даже повышение заработков занятых в этом сегменте работников до вполне приемлемого уровня под воздействием острой потребности в кадрах не делает его привлекательным в глазах местного населения, поскольку отрицательные характеристики рабочих мест перевешивают материальные выгоды.

Однако следует отметить, что доступность иностранной рабочей силы, с одной стороны, является хотя и удобным для работодателя, но отнюдь не самым эффективным с точки зрения долгосрочных перспектив развития национальной экономики способом решения проблемы кадрового дефицита. С другой стороны, такое решение проблемы вовсе не гарантирует укрепления позиций на рынке труда и улучшения статусных характеристик российских работников, отвергающих возможность трудоустройства в непрестижном сегменте, как считают процитированные выше эксперты, поскольку не предполагает генерации доступных для них рабочих мест с более благоприятными характеристиками

По сути, речь идет о выходе на национальный рынок труда достаточно обширных дополнительных контингентов рабочей силы, предъявляющих заниженные требования ко всей совокупности монетарных и немонетарных характеристик рабочих мест и согласных мириться с нарушением своих базовых трудовых прав. На сегодняшний день уровень заработков мигрантов не сильно отстает от заработков местного населения [33]. Однако небольшой разрыв в итоговых заработках, как правило, связан с существенным превышением стандартной трудовой нагрузки, готовностью мириться с ненормированной продолжительностью рабочего времени, высокой интенсивностью, тяжелыми условиями труда, несоблюдением техники безопасности [12].

По существу, имеет место демпинг, который неминуемо ослабляет позиции работника в трудовых отношениях, способствует ухудшению качества рабочих мест в обширных сегментах рынка труда и тем самым снижает мотивацию части коренного трудоспособного населения страны к участию в продуктивной занятости [28]. Это, в свою очередь, с одной стороны, способствует усугублению не демографического, но трудового дефицита (и соответственно — появлению дополнительной потребности в мигрантах), а с другой стороны, является фактором ухудшения материального положения части коренного населения в результате подавления роста заработных плат и вытеснения менее конкурентоспособных претендентов на рабочие места в безработицу или экономическую неактивность [3].

Особенности конкуренции местных и иностранных работников. Представление, согласно которому занимаемые мигрантами ниши рынка труда существуют относительно автономно и не вызывают интереса у местного населения, на первый взгляд, имеет свои основания. На сегодняшний день такие ниши действительно сложились. Однако произошло это именно под воздействием конкуренции, в процессе которой иностранные работники снизили планку требований к работодателям до такого уровня, при котором занятость в соответствующих секторах окончательно утратила привлекательность для местного населения. Наиболее подробно этот процесс вытеснения местной рабочей силы с рабочих мест «порогового» уровня привлекательности был раскрыт в исследовании, проведенном при содействии Международной организации труда еще в первой половине 2000-х годов в трех российских регионах, обладающих разными социально-экономическими характеристиками и профилем занятости (Московской, Омской и Ставропольской областях) [29]. Исследователи пришли к выводу, что вокруг «отвоеванных» мигрантами ареалов рабочих мест, прочно закрепившихся за ними, куда вход местным жителям закрыт, расположена постепенно расширяющаяся «серая» зона активной конкуренции российской и иностранной рабочей силы.

Поэтому не случайно во многих регионах страны власти предпринимают специальные меры по защите условий занятости на местных рынках труда от последствий конкурентного давления со стороны трудовых мигрантов, подрывающего сложившиеся стандарты социальной защищенности работника.

Социокультурные последствия притока мигрантов. Приток иностранной рабочей силы влияет не только на пропорции и отношения национального рынка труда, но и на другие сферы общественной жизни. Это влияние, разумеется, зависит от масштабов миграционных процессов, а также от качества рабочей силы, социокультурных характеристик и уровня притязаний иностранных работников.

Оценки численности находящихся сегодня в России нелегальных трудовых мигрантов находятся в широчайшем диапазоне от менее 1 млн до 12 млн человек. Преобладает мнение, что численность нелегальных мигрантов составляет около 4 млн человек [31]. Минимальную оценку дает МВД России, по данным которого количество нелегальных мигрантов в стране не превышает 630 тыс. человек. Для сравнения: в Великобритании, по данным исследования, проведенного Оксфордским университетом, находятся до 745 тыс. нелегальных мигрантов, в Германии около 700 тыс., во Франции — около 300 тыс. [34].

Подсчет численности иностранных работников в России затруднен в силу того, что в реальной жизни различные категории мигрантов постоянно переходят из одного статуса в другой, въезжают, выезжают, получают вид на жительство, вновь меняют свой статус. Это касается и мигрантов, первоначально приезжающих на учебу. Динамичные изменения социально-экономического и правового статуса мигрантов сочетают в себе легальный и нелегальный компонент, а потому отследить их довольно сложно [20].

Существует точка зрения, разделяемая преимущественно приверженцами либеральных взглядов, согласно которой приток в страну носителей иных культурных традиций способствует обогащению национальной культуры, расширению цивилизационного разнообразия, обогащению национального социокультурного

пространства, что в целом может иметь позитивный эффект, в том числе и в социально-экономической области. Тем не менее бесспорен тот факт, что влияние притока мигрантов на местные сообщества во многих российских регионах, и прежде всего в мегаполисах, становится все более и более ощутимым и в ряде случаев ведет к росту социальной напряженности, возникновению конфликтных ситуаций. Согласно данным социологических обследований, пороговая доля представителей иной национальной и религиозной культуры в составе населения, при превышении которой коренные жители того или иного региона начинают испытывать дискомфорт, составляет около 20% [8].

Приверженцы изначально оптимистического взгляда на последствия миграции склонны считать одной из основных причин неблагоприятного развития событий активность националистического лобби в средствах массовой информации, что формирует у подверженного пропаганде населения предубеждения по отношению к представителям иной религиозной и этнической принадлежности [29]. Однако с такой позицией согласиться трудно. Прежде всего следует отметить, что безусловные выгоды от миграционного притока получают страны, притягивающие таких мигрантов, которые, с одной стороны, обладают достаточно высокой квалификацией, с другой – желанием не просто адаптироваться к изменившейся внешней среде, но вписаться в социально-культурный контекст страны-реципиента, усвоить принятые там нормы поведения, язык, культуру.

По такому сценарию развивается, например, миграция в США – страну, притягивающую наиболее квалифицированных, инициативных и одаренных мигрантов, что определяет экстравертный характер поведения как на индивидуальном уровне, так и на уровне формирующихся национальных землячеств. Поведенческая модель мигрантских сообществ в сегодняшней России, напротив, характеризуется замкнутостью внутри себя, интровертностью. Часто мигранты слабо ориентированы на изучение русского языка, не стремятся к освоению принятых в России поведенческих практик и культурных стереотипов, жестко разделяют окружающий социальный контекст на «своих» и «чужих». В результате на уровне местного сообщества сталкиваются противостоящие друг другу поведенческие модели, что создает благоприятную почву для межнациональных конфликтов [28].

О регулировании трудовой миграции

Принятие решений в области регулирования трудовой миграции, выбор между различными моделями привлечения иностранной рабочей силы, различающимися, в том числе, степенью жесткости регулирующих механизмов, зависит от многих обстоятельств, среди которых одним из главных является состояние национального трудового потенциала и перспективы его развития в обозримом будущем. Представляется, что привлечение мигрантов целесообразно лишь в том случае, если невозможно задействовать эффективные механизмы, позволяющие справиться с дефицитом кадров в тех или иных нишах рынка труда, мобилизуя и развивая технологический и кадровый потенциал национальной экономики. С учетом складывающихся демографических трендов такая ресурсная мобилизация сегодня представляет собой актуальную задачу.

По прогнозу ИНП РАН, к 2030 г. численность трудоспособных россиян достигнет пика — 87,3 млн человек. При этом к 2050 г. показатель снизится до 75 млн. Прогноз по занятости населения имеет 2 варианта — инерционный и высокий. Первый подразумевает ежегодный рост ВВП в пределах 2%, а второй — 3,2% [21].

В инерционном сценарии ожидается занятость в 68,9 млн человек к 2030 г. и 66 млн к 2050 г. Во втором варианте — 69,9 млн и 61,7 млн соответственно. Иными словами, в ИНП РАН ожидают, что динамично развивающаяся экономика потребует меньшего количества рабочих рук. Это связано с быстрым ростом производительности труда. В ближайшее десятилетие она может увеличиться намного быстрее, чем раньше. К примеру, согласно прогнозу, среднегодовой прирост производительности труда в сфере финансов и страхования составит 6,2%, в операциях с недвижимостью — 5,4%, а в телекоме — 4,8%.

Ожидается, что специфика технологических изменений в разных отраслях экономики приведет к изменению структуры спроса на труд. Самое значительное снижение занятости прогнозируется в сельском хозяйстве — с 6,7% в 2019 г. до 5,3% в 2035 г. Доля торговли упадет с 19% до 17%. А вот в социальной сфере ситуация обратная, поскольку заменить человеческий труд в здравоохранении, науке, образовании значительно сложнее. Соответственно, доля этих отраслей будет расти [5].

Строить миграционную политику следует с учетом этих прогнозируемых сдвигов. Прежде всего следует гармонизировать внутренний рынок труда и дать возможность людям из трудоизбыточных регионов переезжать с соответствующими подъемными, обустройством жизни и т.д. в трудонедостаточные регионы.

Необходимо наладить систему контроля трудовой миграции. Чрезмерная либерализация миграционной политики, как показали известные события в Европе, не приносит блага. Система контроля миграции в нашей стране работает очень плохо. В стране не цифровизован миграционный поток. По некоторым оценкам, три четверти мигрантов находятся неизвестно где на нашей территории [17]. Неконтролируемая миграция — это результат неэффективной работы государственных механизмов.

Естественной реакцией на потерю контроля над миграционными потоками являются предложения об ограничении доступа иностранных работников из среднеазиатских республик на российский рынок труда. В последнее время происходит переход от теоретических дискуссий, в рамках которых усиливаются позиции сторонников жестких ограничительных мер, ко вполне конкретным законодательным инициативам на уровне региональных властей ряда субъектов федерации, ограничивающих доступ иностранных граждан к работе в традиционных нишах приложения труда мигрантов, таких как службы доставки, такси и ряд других. Представляется, однако, что такого рода инициативы несут серьезные риски, поскольку могут привести к обострению кадрового дефицита в затронутых сферах, резкому взлету цен на соответствующие виды услуг и, следовательно, к осязаемому падению качества жизни коренного российского населения.

В последнее время в области регулирования миграции уже предприняты некоторые правильные, на наш взгляд, хотя и довольно робкие шаги. Например, по предложению Минтруда, мигранты должны будут уехать из страны в течение 15 дней, если они не заняты по профилю. Инициатива абсолютно правильная.

Государство должно контролировать и разграничивать то, в каких именно нишах рынка труда ощущается неудовлетворенная потребность в рабочей силе, которую сложно удовлетворить, привлекая внутренние ресурсы, и не допускать оседания иностранных работников в серых сегментах рынка труда [18].

При этом вряд ли правомерно сводить проблему контроля только к борьбе с нелегальными мигрантами. При всей ее актуальности эта задача должна быть встроена в общую систему регулирования миграционных потоков. Необходимо отдавать себе отчет в том, что в условиях сложившихся демографических трендов и с учетом текущей и прогнозируемой структуры занятости иностранная рабочая сила будет необходима для покрытия кадровых потребностей национальной экономики. В сложившихся на сегодняшний день реалиях актуально не сокращение миграционного притока, а дополнительные усилия по его регулированию и разработке системы адаптационных мер и механизмов, которая должна распространяться и на территории стран-доноров при тесном сотрудничестве с органами власти этих стран.

Выводы

1. Вопреки довольно распространенному мнению о снижении численности трудовых мигрантов, на протяжении последнего десятилетия прослеживалась тенденция как увеличения доли иностранных работников в совокупной рабочей силе, так и роста численности трудовых мигрантов в абсолютном выражении. В ближайшей перспективе ожидается устойчивое увеличение иностранного сегмента российского рынка труда.

2. Массовый приток трудовых мигрантов сопровождается определенными рисками для российской экономики. Среди них — зарплатный демпинг, рост конкуренции за рабочие места с местным населением, расширение масштабов теневой занятости, формирование очагов социальной напряженности в местах скопления мигрантов. Особо актуальной представляется борьба с нелегальной миграцией и расширением масштабов теневой занятости. Купирование этих рисков является важнейшей задачей экономической и социальной политики государства.

3. В настоящее время трудовые мигранты — это важнейший ресурс рабочей силы, обойтись без которого в обозримой перспективе не представляется возможным, но который подлежит достаточно жесткому регулированию. При этом регулирование внешней трудовой миграции должно быть встроено в общую систему мер, направленных на улучшение качества задействованной в национальной экономике рабочей силы и преодоление кадрового дефицита, в числе которых снижение издержек межрегиональной миграции, вовлечение в продуктивную занятость ряда категорий экономически неактивного населения, стимулирование роста производительности труда.

Литература

1. *Абашин С.* Миграционная политика: на пути к полицейскому государству. Фонд Либеральная миссия. 16 апреля 2022. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/migraczionnaya-politika-na-puti-k-policejskomu-gosudarstvu> (дата обращения: 15.10.2024).
2. *Абашин С.* Миграция—2022: неполные итоги. Фонд Либеральная миссия. URL: <https://liberal.ru/povestka/migracziya-2022-nepolnye-itogi> (дата обращения: 17.07.2024).

3. *Анисимова Г.В., Соболев Э.Н.* О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // *Человек и труд.* 2010. № 1. С. 32–36.
4. *Баскакова М.Е.* Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // *Социально-трудовые исследования.* 2022. Т. 48. № 3. С. 105–117. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117.
5. *Белушов Д.* Как развивалась экономика в 2023 и начале 2024 гг. (тетрадь 1) / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). 16.04.2024. С. 22. URL: <http://www.forecast.ru/> (дата обращения 15.10.2024).
6. *Выжutowич В.* Чрезмерная либерализация миграционной политики не приносит блага // РГ. 11 апреля 2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/11/k-migracii-obnoviat-podhod.html> (дата обращения: 15.10.2024).
7. *Ивахнюк И.* Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // РМСД. 17 ноября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения: 15.10.2024).
8. Интервью замглавы Федеральной миграционной службы России В. Поставнина // *Время новостей.* 20 ноября 2006 г.
9. Интервью с О. Смолиным. Газета.ру 24 сентября 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/24/23997235.shtml> (дата обращения: 15.10.2024)
10. *Жихарева О., Чухнин Е.* Баланс трудовых ресурсов: источник информации о занятости и совокупных затратах труда. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftez241019.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения 15.10.2024).
11. *Зайнчковская Ж.* Миграционная ситуация современной России. Лекция. Полит.ру 20 января 2005 г. URL: <https://polit.ru/articles/publichnye-lektsii/migratsionnaya-situatsiya-sovremennoy-rossii-2005-01-26/> (дата обращения 15.10.2024).
12. Как мигранты выживают в кризис // *Ведомости.* 16 июля 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/07/16/834690-migranti-vizhivayut> (дата обращения 18.10.2024).
13. *Капелюшников Р.* Нельзя тащить экономику на аркане. Finam.ru 27.09.23. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/nelzya-tashchit-ekonomiku-na-arkane-20230927-1300/> (дата обращения: 15.10.2024).
14. *Капелюшников Р.* Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры): препринт доклада. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 60 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2024/04/04/2143616755/WP3_2024_02_____.pdf (дата обращения: 15.10.2024).
15. *Кашепов А.В.* Баланс трудовых ресурсов: Традиционные и современные методы расчета и формирования. ВНИИ труда Минтруда России. 29.03.2023. URL: <https://vcot.info/blog/balans-trudovyh-resurov-tradicionnye-i-sovremennye-metody-rasceta-i-formirovaniya> (дата обращения: 15.10.2024).
16. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.
17. *Крупнов Ю.* Почему трудовые мигранты стали проблемой в России // *Комсомольская правда.* 9 июля 2024. URL: <https://www.kp.ru/daily/27605/4956750/> (дата обращения 15.10.2024).
18. Минтруд попросит работающих не по профилю мигрантов покинуть Россию // *Коммерсант.* 11 марта 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6561523> (дата обращения: 19.10.2024).
19. Минтруд России. Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2024–2026 гг. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2544> (дата обращения: 19.10.2024).

20. МЭФ-2024: Миграционная и демографическая политика, как проблема национальной безопасности и экономики. Текущая ситуация и пути решения. Стенограмма сессии №5. 2 апреля 2024. URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2024-sessiya-5-migratsionnaya-i-demografichesk/> (дата обращения: 15.10.2024).
21. Презентация выступления директора ИНП РАН Широа А.А. на Губернаторских чтениях на тему «Российский рынок труда: дисбалансы и перспективы». ИНП РАН. 11 сентября 2024. URL: <https://ecfor.ru/publication/rossijskij-rynok-truda-strukturnye-sdviigi/> (дата обращения: 19.10.2024).
22. Росстат. 2019. Выборочное наблюдение труда мигрантов. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения 15.10.2024).
23. Росстат. 2024. Социально-экономическое положение России (бюллетень). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 15.10.2024).
24. Росстат. 2024. Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 15.10.2024).
25. *Слуцкий Л.* Провести дегастарбайтеризацию. ТАСС. 24 мая 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17829861> (дата обращения: 10.09.2024).
26. *Соболев Э.Н.* О демографическом кризисе, трудодефиците и потребности в мигрантах / «Демография и экономика: можно ли сберечь народ России» (Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Б.Ц. Урланиса). М.: ИЭ РАН, 2007. С. 77–85.
27. *Соболев Э.Н.* Трудовая миграция в России: тенденции, риски, механизмы регулирования // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 7. С. 1689–1704. DOI: 10.18334/esssec.7.7.121432.
28. *Соболев Э.Н.* Трудовая миграция в России: экономический и социокультурный аспекты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2009. № 4. С. 91–104. eLIBRARY ID: 23234879
29. *Тюрюканова Е.* Трудовая миграция в России / Отечественные записки. 2004. № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2004/4/trudovaya-migraciya-v-rossii> (дата обращения: 18.10.2024).
30. *Флоринская Ю.* Разоблачаем фейк: мигранты отнимают рабочие места и заработки у россиян. 15 ноября 2023. URL: https://www.ranepa.ru/news/migranty-otnimayut-rabochie-mesta-i-zarabotki-u-rossiyan?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения 15.10.2024).
31. *Храмова М.* Эксклюзивное интервью директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. РБК. 10 февраля 2024. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65bbab919a79478bcd1aed9f?from=article_body (дата обращения 15.10.2024).
32. *Юмагузин В.В., Винник М.В.* Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. Т. 58. № 1. С. 48–64. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_48
33. *Denisenko Mikhail.* Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic. URL: https://www.academia.edu/62388974/Labor_migration_in_Russia_during_the_coronavirus_pandemic?email_work_card=title (дата обращения 15.10.2024).
34. *Hymas Ch.* Britain has most illegal migrants in Europe / The Daily Telegraph /2024/10/07. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2024/10/07/britain-has-most-illegal-migrants-in-europe-study-finds/> (дата обращения 15.10.2024).
35. Review of approaches in measuring the need for migrant workers and labour migration planning: Russian Federation and international experience? / ILO Subregional Office for Eastern Europe and Central Asia, International Labour Office. Moscow: ILO, 2009. file:///C:/Users/te-fl/.ms-ad/Downloads/wcms_308943%20(2).pdf
36. World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM). Geneva. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения 15.10.2024).

Eduard Sobolev (e-mail: edsobol@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

LABOR MIGRATION IN THE RUSSIAN LABOR MARKET: KEY PROBLEMS AND APPROACHES TO REGULATION

In the article some controversial theoretical issues and practical regulation of labor migration in Russia are discussed; the scale of external labor migration is assessed, and its place and role in the Russian labor market determined. Based on data from Rosstat and other official bodies, as well as on independent research results, the socio-economic consequences of migration are revealed, such as wage dumping; increased competition for jobs with the local population; expansion of shadow employment; the formation of centers of social tension in places where migrants congregate. In conclusion, some approaches to regulating labor migration are substantiated.

Keywords: labor migration, personnel shortage, migration risks, illegal migration, migration policy.

DOI: 10.31857/S0207367624110018

© 2024

УДК: 339.924; 316.34

Татьяна Соколова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: sokolova99@mail.ru)

СРЕДНИЙ КЛАСС В РОССИИ И СТРАНАХ РОССИЙСКОГО «ПОЯСА СОСЕДСТВА» В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

Общепризнано, что социально-экономическая стабильность в современном обществе возможна лишь в случае наличия значительного (преобладающего) среднего социального слоя (среднего класса), а расширение и укрепление именно этой социальной группы способствует стимулированию внутреннего потребительского рынка и выступает одним из факторов роста предпринимательской активности населения. В статье рассматриваются различные миссии среднего класса. В частности, предпринимается попытка определить роль среднего класса в малоисследованном на сегодняшний день ракурсе — сквозь призму интеграционного взаимодействия России со странами ее «пояса соседства» в условиях геоэкономической турбулентности.

Ключевые слова: средний класс, российский «пояс соседства», постсоветские государства, социальная политика, уровень жизни.

DOI: 10.31857/S0207367624110025

Интеграционное взаимодействие России и стран ее «пояса соседства» в настоящее время проходит серьезную проверку на прочность, испытывая колоссальные перегрузки в ходе геоэкономической неопределенности, нарастающей в условиях меняющегося миропорядка. Устойчивость интеграционного объединения, которое было бы привлекательно для всех его стран-участниц, во многом зависит не только от чисто экономических, но и от социальных факторов. Можно предположить, что наличие существенных «средних» социальных слоев (их совокупность обычно называют «средним классом») способно укрепить уже имеющиеся и инициировать новые процессы интеграции, которые смогут подпитываться заведомо более высоким объективным интересом среднего класса к углублению интеграционного взаимодействия, чем у слоев «высших» и «низших».

Ни в одном из постсоветских государств, однако, до сих пор так и не сформировался полноценный массовый средний класс, который мог бы сыграть роль социально-политического стабилизатора процесса евразийской интеграции [11. С. 51]. Международное сотрудничество на государственном уровне фактически сводится к взаимодействию лишь «высших» социальных слоев и представляет собой, по сути, совокупность контрактов, имеющих как финансовую, так и политическую основу (а в некоторых случаях — лишь последнюю). Вполне очевидно, что при изменении геополитической и геоэкономической ситуации (например, в случае присоединения одной из сторон к международным санкциям, введенным против второй стороны) уровень построенного на этих принципах взаимодействия резко падает.

В связи с этим изучение средних социальных слоев населения представляется весьма актуальным. Комплексные знания о среднем классе необходимы, в частности и для разработки стратегических планов социально-экономического развития государства, включая проведение социально-экономических реформ. При этом одними из важнейших целевых ориентиров являются качественные показатели среднего класса (и в меньшей степени — количественные, по причине неопределенности границ этого социального слоя). Именно средний класс, будучи наиболее восприимчивым к инновациям во всех сферах жизни, показывает всему обществу пример ведения достойной жизни — «нового экономического, потребительского и финансового поведения» [33. С. 152—153]. Еще Аристотель говорил о «собственности средней, но достаточной» как о «величайшем благополучии для государства» и о «средней» жизни (такой, «при которой середина может быть достигнута каждым») как о «наилучшей» [2. С. 507, 508]. Кроме того, укрепление «средних» слоев и увеличение их доли в составе населения является стимулирующим фактором для предпринимательской активности населения [7. С. 152, 153].

Все это позволяет утверждать, что общество, в социальной структуре которого доминируют средние социальные слои (промежуточные между слоями высшими и низшими, между «бедными» и «богатыми»), будет при прочих равных условиях более стабильным в социально-экономическом плане. По мнению Р.С. Гринберга, так называемая «экономика среднего класса» является наиболее социально комфортной, позволяет гармонизировать противоречия между «свободой» и «справедливостью» и обеспечивать устойчивое развитие [27. С. 5, 14].

Теоретические подходы к изучению среднего класса

Средний класс потенциально может выполнять принципиально разные функции в обществе: политические, экономические и социальные (включая социокультурные). Основная *политическая функция* среднего класса — стабилизирующая. Средний класс нередко рассматривается как гарант стабильности сложившейся политической системы [24. С. 61], как идеальный с государственной точки зрения общественный слой — «главная опора государства». Его представители «крепко стоят на ногах» и дорожат достигнутым уровнем жизни, в значительной степени удовлетворены текущим состоянием общества, солидарны с властью и законопослушны (в т.ч. в уплате налогов), социально ответственны, а также являются активными покупателями (в т.ч. инновационных товаров и услуг) [22]. Среди *экономических функций* среднего класса — поддержание платежеспособного спроса, создание новых и сохранение старых рабочих мест, развитие конкуренции — иными словами, обеспечение развития экономики в целом [29. С. 59]. *Социальные и социокультурные функции* среднего класса включают в себя обеспечение устойчивого развития общества (средний класс можно назвать «ведущим агентом социального прогресса» [24. С. 61]); сглаживание общественных противоречий (в т.ч. и по той причине, что среди представителей среднего класса есть как наемные работники, так и собственники); обеспечение «социального равновесия». Одна из значимых функций среднего класса — быть «культурным интегратором» общества, а именно — хранителем и проводником норм, традиций, обычаев и культурных ценностей, способным передать их следующим поколениям. Выполнение такой функции, однако, возможно только в том случае, если доля

среднего слоя в обществе достаточно высока, а дезинтеграция социо- культурного пространства вследствие глобализации и стремления к универсализации не зашла еще слишком далеко, не привела к обезличиванию и утрате традиционных ценностей [31. С. 176].

Универсальной можно назвать такую функцию среднего класса, как внедрение в общество и закрепление в нем нового; тем самым, средний класс способствует общественному прогрессу. Эта функция, обусловленная «активистским» характером поведения представителей среднего класса, способна проявляться и в политике, и в экономике, и в социальных областях [29. С. 59].

С учетом вышесказанного, социальная политика большинства современных государств должна быть направлена не просто на снижение уровня бедности и рост качества жизни в целом, но и на увеличение доли среднего класса в общей численности населения. Формирование и реализация подобной социальной политики связаны с существенными методологическими сложностями при установлении границ этой «средней» социальной группы.

Обычно к среднему классу относят граждан и членов их семей, которые занимают достаточно высокое материально-имущественное положение (включая устойчивую занятость, доход, достойное жилье, доступ к качественным медицинским услугам, возможность дать детям качественное образование и обеспечить себя в старости), имеют высокий социально-профессиональный статус и идентифицируют себя как представителей среднего класса. Иными словами, жизнь среднего класса можно назвать «достойной» — и такая жизнь (в идеале) должна быть у большинства населения в каждой стране [22].

Другой подход к среднему классу заключается в рассмотрении его не с материально-имущественной точки зрения, а как группы, которая несет в себе высокий созидательный социальный потенциал (может действовать в интересах общества в целом), обладает высокой социальной устойчивостью, способна стабилизировать общество, но в то же время при определенных обстоятельствах готова инициировать запрос на проведение социально-политических реформ [23. С. 116]. Ряд исследователей полагают, что наличие массового среднего класса является важным свидетельством прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов в государстве [26. С. 9].

Среди ученых есть и приверженцы принципиально иной точки зрения. Средний класс рассматривается ими не как реально существующий слой населения, а как нормативная модель (конструкция), поскольку, в частности, на стратификационных шкалах признаки принадлежности к среднему классу занимают вовсе не средние позиции. При таком подходе де-факто сравнивается текущее состояние общества с некоторой априори заданной моделью [22]. По сути, средний класс рассматривается в данном случае как статистическая группировка, не имеющая собственного классового самосознания и интереса и не способная в связи с этим стать субъектом коллективного действия, т.е. проявить свойства социального класса [21. С. 107; 15. С. 224].

Иногда средний класс рассматривают не как цельную социальную группу, а как разнородный социальный слой — комплекс социальных групп, социальные интересы которых в чем-то совпадают, но одновременно вступают друг с другом

в противоречия [8. С. 33], нередко парадоксальные. Так, представители среднего класса, очень близкие и по экономическим, и по политическим, и по социальным критериям (а нередко одни и те же лица), могут выступать и за перемены, но одновременно и за стабильность; за новаторство и прогресс, но при этом за возвращение к корням, истокам [15. С. 233].

Нет единства мнений и при определении статистических границ среднего класса. Различают *абсолютный подход* к установлению границ среднего класса (например, фиксируется диапазон среднедушевых доходов семьи по паритету покупательной способности), *относительный подход* (определяется диапазон, измеряемый в процентах от медианных значений дохода индивида для данного государства, региона либо типа поселения), а также *комбинированный подход* (нижняя граница принадлежности к среднему классу — абсолютная величина, а верхняя — относительная) [5. С. 119].

В целом различные материальные и нематериальные критерии (индикаторы) отнесения домохозяйств либо отдельных индивидов к среднему классу можно объединить в три основные группы: материально-имущественные, социальные и субъективные.

Материально-имущественные (экономические) критерии подразумевают определенный уровень доходов, достаточный для того, чтобы члены домохозяйства имели достойный уровень потребления [15. С. 228] и вели достойную жизнь: проживали в помещениях адекватной площади, имели достаточную имущественную обеспеченность (включая движимое и недвижимое имущество) [14. С. 110; 16. С. 58], могли осуществлять накопления, пользоваться высокотехнологичными устройствами и оборудованием [13. С. 34, 36]. К этой же группе критериев относится и соответствующая образу жизни среднего класса структура расходов. Прежде всего это относительно низкая доля расходов на питание и относительно высокая доля расходов на отдых. В упрощенном виде основной материально-имущественный критерий отнесения членов домохозяйства к среднему классу — это устойчивый доход, достаточный для удовлетворения не только базовых, но и более широких потребностей [29. С. 57, 59].

Социальные (квалификационные) критерии указывают на уровень индивидуального развития членов домохозяйств [28. С. 63]. В первую очередь это уровень образования, наличие регулярной занятости, а также профессиональный и должностной статусы, подразумевающие нефизический характер труда.

Субъективные критерии основаны на социально-экономических оценках индивидами уровня своей успешности и экономической адаптированности, удовлетворенности своим текущим социальным статусом. Одним из таких критериев может быть оценка индивидом своего статуса в обществе (например, 4 балла и выше по 10-балльной шкале) [15. С. 221]). Очевидно, что такой метод самоидентификации (социального самоощущения) изначально несет в себе определенную необъективность и потенциально может дать сильно искаженный результат из-за ложных представлений, доминирующих в массовом сознании населения. Впрочем, вопрос объективности других параметров также остается открытым.

Ряд исследователей предлагают исходить из принципа комплексности подхода к сложным социальным явлениям: учитывать не только критерии, относящиеся

к конкретным домохозяйствам, но и ряд показателей, характеризующих общество исследуемой страны в целом (например, уровень социального расслоения). При таком подходе величина доходов и структура расходов среднего класса развитых стран в принципе не могут рассматриваться в качестве эталонных величин [13. С. 36, 42].

Проблемы с выделением среднего класса связаны и с тем, что группы населения, выбранные по отдельным признакам, оказываются крайне слабо пересекающимися. И если считать каждый из этих критериев достаточным для принадлежности к среднему классу, то общая численность выделенной группы будет неестественно большой (подавляющее большинство населения). Если же считать, что все критерии являются необходимыми, то выделенная группа, напротив, получается неестественно малой [21. С. 107].

Средний класс в России: оценка масштабов и ограничители роста

В связи с тем что методология выделения среднего класса является не до конца устоявшейся, оценки доли среднего класса в общей численности населения весьма условны и их разброс велик. Так, для многих постсоветских государств, в том числе и для России, нижняя оценка доли среднего класса составляет всего несколько процентов [22]. В то же время верхняя оценка может достигать, как, например, в России и Белоруссии, 80%. Ближе к истине находятся все же менее «радикальные» показатели. Эксперты НИУ ВШЭ считают, что к среднему классу в середине 2000-х годов относилось 38% россиян (но лишь 7% — к его ядру, т.е. к тем домохозяйствам, которые обладают всеми тремя базовыми признаками среднего класса). По данным *Credit Suisse Research Institute*, к среднему классу в 2015 г. относилось всего 4,1% взрослого населения России [34. Р. 124].

Согласно результатам общероссийского обследования «Человек, семья, общество» (2013 г.), в период с начала 2000-х годов доля среднего класса в России оставалась примерно на уровне 20%. И по мнению авторов исследования, это была скорее всего максимально возможная доля, поскольку потенциала для роста среднего класса в стране нет [14. С. 130]. По оценкам агентства РИА Рейтинг, сделанным в середине 2024 г. на основе данных официальной статистики за 2022 и 2023 г., в России к среднему классу относятся примерно 11% семей, в которых есть хотя бы один работающий человек. Для сравнения: по данным исследования 2022 г., доля семей, относящихся к среднему классу, была 11,5%, а в 2019 г. существенно выше — 14,2% [6].

Некоторые исследователи полагают, что главным показателем, на основании которого следует выделять средний класс, является среднедушевой доход домохозяйства. При этом, если в стране наблюдается существенная социально-экономическая дифференциация, для каждого региона должны устанавливаться свои границы среднего класса [13. С. 41]. Часто используется методика, согласно которой к среднему классу относят лиц, чей доход в полтора раза превышает прожиточный минимум. Например, в России таким доходом обладает до 70% трудоспособного населения [12. С. 344]. В то же время в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., опубликованном в 2013 г. Минэкономразвития РФ, был обозначен существенно иной критерий отнесения к среднему классу — уровень дохода, который должен составлять более шести прожиточных минимумов [20]. Из величины прожиточного минимума,

законодательно установленного в России на период с 1 января по 31 декабря 2025 г., с учетом методики, указанной в этом документе, следует, что для отнесения к среднему классу одинокого трудоспособного гражданина его минимальный доход в 2025 г. должен составлять около 116 тыс. руб. в месяц, для семьи из двух трудоспособных граждан и одного ребенка — не менее 335 тыс. руб. в месяц, для семьи из двух трудоспособных граждан и двух детей — не менее 438 тыс. руб. в месяц (см. таблицу).

Таблица

Величины прожиточных минимумов и соответствующие им нижние границы дохода для отнесения граждан к среднему классу

Категории населения	Прожиточный минимум, руб. в месяц		Нижняя граница дохода, руб. в месяц	
	2024	2025	2024	2025
Для трудоспособного населения	16844	19329	101064	115974
Для пенсионеров	13290	15250	79740	91500
Для детей	14989	17201	89934	103206
В целом в России, на душу населения	15453	17733	92718	106398

Источник: составлено и рассчитано автором по источникам: [17. С. 40; 18].

Несмотря на относительно устойчивый рост доходов населения, имеется два существенных ограничителя роста доли среднего класса: низкий человеческий капитал (отсутствие достаточного образования) и структура рынка труда, не соответствующая уровню среднего класса (дефицит рабочих мест, подразумевающих высокий доход и достаточно высокий социальный статус). Это связано с тем, что структура российской экономики, даже в периоды активного экономического роста, модернизируется очень слабо, продолжая, по сути, оставаться архаичной структурой.

Другая проблема, сдерживающая развитие среднего класса в России, связана с неустойчивостью положения его представителей. Велика вероятность того, что домохозяйство, уровень потребления которого сегодня находится на «среднем» уровне, завтра будет с трудом сводить концы с концами и переместится в низший класс. Так называемая «неустойчивая (прекаризованная) занятость», связанная с вынужденной утратой работником части трудовых и социальных прав, характерна примерно для половины работников в России [4. С. 83, 85–87]. По данным Всероссийского мониторинга финансового поведения населения за период с 2019 по 2021 г., лишь 4% домохозяйств обладали признаками устойчивого среднего класса, а еще только 33% можно было назвать «близкими к среднему классу» [30. С. 127].

Кроме того, в России практически отсутствует социальная мобильность населения, в большей степени наблюдаются процессы классового воспроизводства. Перемещение представителей низшего класса в «средние слои» тормозится, с одной стороны, существенной разницей в экономическом развитии регионов. Так, доля семей, относящихся к среднему классу, составляет в наиболее развитом Ямало-Ненецком автономном округе почти 40%, а в Ингушетии в тридцать раз меньше — 1,4% [6]. С другой стороны, переходу из одной социальной страты

в другую препятствуют существенные различия в доступе к образовательным ресурсам у представителей разных социальных слоев, а также нестабильность доходов населения в связи с общей экономической нестабильностью в стране в условиях все более ужесточающихся международных санкций. В то же время для России характерны довольно открытые профессиональные структуры — именно они служат главными «социальными лифтами» в стране, причем как восходящими, так и нисходящими [28. С. 72, 73].

Если использовать подход, при котором оцениваются позиции индивидов в экономической, властной и квалификационной статусных иерархиях, то по состоянию на 2019 г. на достаточно высоких позициях в каждой из них находилось около 8% взрослого (18 лет и старше) населения России. Эту группу можно назвать ядром среднего класса. Тех, кто входил в так называемую «периферийную часть» среднего класса, т.е. был на относительно высоких позициях в двух из трех иерархий, насчитывалось около трети взрослого населения. Таким образом, суммарная доля среднего класса в России, выделенная по этой методике, составляла около 40% [28. С. 63].

По критерию самоидентификации к среднему классу в России относится до 80% населения. Такая высокая доля связана, по мнению исследователей, прежде всего с социальными иллюзиями и компенсаторным механизмом психологической защиты, поскольку лица с достаточно высоким образованием и (или) квалификацией склонны к необъективным оценкам своего положения в социуме и не готовы отнести сами себя к низшему классу [15. С. 222].

Средний класс в странах российского «пояса соседства»: проблемы настоящего и будущего

В целом в странах постсоветского пространства отсутствует единый подход к определению среднего класса. Большинство критериев носит «умозаключительный» и дискуссионный характер («каждый аналитик использует свою методику»), ни один из них нельзя назвать ключевым и все они требуют верификации и существенного уточнения [5. С. 118; 16. С. 58; 21. С. 107]. Кроме того, применение тех или иных критериев часто зависит от специфики статистического учета в каждой конкретной стране, от того, находятся ли эти данные в публичной доступности, особенностей существования домохозяйств в конкретных условиях (например, связанных с традиционными общественными нормами, с текущей социально-экономической ситуацией, с климатическими реалиями). В итоге, данные по среднему классу в государствах российского «пояса соседства» сильно разрознены и трудносопоставимы.

В Белоруссии, по оценкам экспертов Всемирного банка, к среднему классу относится около 80% населения, что является наиболее высоким показателем среди стран со средним уровнем развития. Близки к этому и показатели, основанные на самоидентификации — к среднему классу относят себя 70–75% белоруссов. В то же время исследователи отмечают, что белорусский средний класс является относительно «бедным» [29. С. 57, 59]. Таким образом, отнесение 80% населения страны к среднему классу объясняется применением мягких критериев, использование же более жестких критериев дало бы совсем другую величину. По мнению некоторых исследователей, среди стран российского «пояса соседства» именно

в Белоруссии проводится наиболее успешная социальная политика, направленная на выравнивание доходов населения и поддержку его социально незащищенных слоев [13. С. 42].

На другом полюсе – те страны российского «пояса соседства», где средний класс как социальное явление практически отсутствует. Это относится в первую очередь к странам Центральной Азии, многие из которых испытали наиболее сильный социально-экономический шок после распада СССР и до сих пор так и не сумели выстроить эффективную социальную политику и преодолеть значительное социальное расслоение. Наиболее яркий пример – Таджикистан, где новым высшим классом («элитой») стала совсем небольшая часть общества, а практически все население можно отнести к низшему классу. В настоящее время в Таджикистане ту часть общества, которая занимает более низкое положение, чем средний класс, обычно делят на три социальных слоя: «базовый» слой (составляющий около двух третей населения), «низший» слой (лица с крайне низкими доходами, в большинстве своем занятые физическим трудом) и так называемое «социальное дно» [32. С. 244–246].

По некоторым оценкам, доля среднего класса в Таджикистане в 2016 г. составляла 22%, в то же время на питание в стране расходовалось в среднем 70–80% дохода домохозяйств (в горных районах этот показатель доходил почти до 90%). В Национальной стратегии развития Таджикистана на период до 2030 г. целевой показатель доли среднего класса на 2030 г. составляет 50%, при этом ведется дискуссия о самом факте существования среднего класса в стране [3. С. 108; 32. С. 248]. Ряд экспертов полагают, что в стране есть средний потребительский слой, который потенциально может сформировать средний класс. Однако в настоящее время его представители не способны не только защитить, но даже осознать свои классовые интересы, и в целом не являются сколько-нибудь активными субъектами общества. Другие исследователи считают, что средний класс в Таджикистане существует, но его доля в общей численности населения страны настолько мала, что он не может выполнять роли «гаранта социальной стабильности». При этом пополнение среднего класса за счет перетекания в него представителей более низких слоев в будущем весьма затруднительно, поскольку в Таджикистане практически отсутствуют социальные лифты [32. С. 244, 245, 247, 249].

В Армении к среднему классу (и то с большой долей условности) относится только 10–15% населения, в классическом понимании среднего класса в стране нет [9]. В Киргизии, по некоторым экспертным оценкам, около 25–30% населения принадлежат к среднему классу и чуть ниже среднего. В Казахстане к среднему классу можно отнести 35–40% населения, при этом в их число входят представители нижнего среднего класса (людей, находящихся на границе между средним классом и бедным населением), а собственно среднего класса в Казахстане всего 10–15% [25]. В Узбекистане доля среднего класса (по структуре расходов) составляет 35–40% населения, однако в последнее десятилетие имеет тенденцию к снижению [13. С. 40]. По другим данным, доля среднего класса в 2015 г. была 28–30%. При этом около 45–48% населения Узбекистана составляли «резерв среднего класса» – при наличии социальных лифтов они могли бы перейти в средний класс [1]. По расчетам ученых Бакинского государственного университета,

составленным на основе обзора СМИ, международных организаций и собственных исследований, к «расширенному» среднему классу в Азербайджане можно отнести около 35% населения, а доля «стабильного» среднего класса составляет всего лишь 5% [10].

Происходящие в мире в последнее десятилетие геополитические и технологические трансформации делают будущее среднего класса в России и государствах ее «пояса соседства», а также в мире в целом, еще более неопределенным. По одному из сценариев (в условиях сохранения однополярного мира с доминирующим положением стран Запада), крупные корпорации почти полностью подчинят себе всю экономику во всех странах, разорив и малый, и средний, и часть крупного бизнеса. В составе среднего класса, помимо среднего звена работников корпораций, возможно, останутся ученые, инженеры, врачи, учителя и часть военных, однако доля этого социального слоя в общей численности населения (в т.ч. и в связи с общим сокращением работников в результате активного внедрения цифровизации и роботизации) существенно сократится; доля низшего класса, напротив, существенно увеличится, а доля высшего класса останется примерно на том же уровне. По другому сценарию, связанному с созданием реального многополярного мира, государственное влияние на общество и экономику будет продолжать оставаться сильным в тех странах, которые образуют антизападный альянс. С целью снизить социальное напряжение государство будет заниматься некоторой поддержкой среднего класса. В то же время, поскольку тип экономики в этом альянсе скорее всего не будет принципиально отличаться от типа экономики стран Запада, экономика будет развиваться примерно в том же направлении, что и при однополярном мире, — в сторону доминирования крупных корпораций в условиях роботизации и сокращения работников [16. С. 59].

Существуют также и сценарии построения общества, государственно-политическое устройство которого направлено на устранение существенной стратификации общества и расширение доли среднего класса фактически до единицы [16. С. 60]. Однако все они выглядят утопическими и не имеющими сколько-нибудь реальных путей реализации.

В краткосрочной перспективе средний класс стран «пояса соседства» скорее всего будет вынужден находиться под давлением российского среднего класса. Прежде всего это относится к Армении, Грузии, Казахстану, Киргизии и Узбекистану, которые приняли основную волну российских релокантов. После февраля 2022 г. из России выехали, по разным оценкам, от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч, и даже до миллиона, квалифицированных специалистов, многие из них с семьями. Представительства ряда иностранных компаний прекратили деятельность на территории России из-за угрозы санкций, но готовы были продолжить трудовые отношения с российскими работниками в своих филиалах в третьих государствах.

Несмотря на то что многие из уехавших российских специалистов стали потом возвращаться (по данным Минцифры от апреля 2024 г., две трети уехавших в 2022 г. из России специалистов IT-сферы вернулись обратно)¹, шлейф влияния

¹ Интерфакс, 5 апреля 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/954212> (дата обращения 12.11.2024).

массового притока россиян на уровень и качество жизни населения в странах-реципиентах сказывается до сих пор. Так, более высокий платежеспособный спрос работников из России ожидаемо привел в странах «пояса соседства» к резкому росту цен, в частности на аренду жилья и в сфере обслуживания населения. Это оказало отрицательное воздействие на уровень и качество жизни многих представителей собственного среднего класса в странах-реципиентах. Например, в Ереване цены на аренду жилья выросли в 2022 г. в 3–4 раза, в том числе и в регионах, близких к столице Армении².

Таким образом, в странах российского «пояса соседства» потенциально возможная интеграционная миссия среднего класса в настоящее время не может быть реализована в полной мере. Как показывают исследования, средние слои населения являются здесь незрелыми. Постсоветским государствам не удалось хотя бы просто поддержать потенциал «старых» средних слоев, не говоря уже о том, чтобы его преумножить [19. С. 75]. Если использовать жесткие критерии, то эти слои очень малочисленны, если мягкие — то в эти слои будут включены многие из тех, чьи экономические и социальные позиции являются шаткими. Следствием незрелости средних слоев является незрелость и общества в целом.

Неустойчивость положения креативного слоя уменьшает вероятность реализации инновационных идей, затрудняет модернизацию устаревших технологий, сдерживает рост среднего класса — и, тем самым, не способствует качественным изменениям общества к лучшему. Возможно, выход из этого замкнутого круга стоит искать и на пути углубления самой международной интеграции. Когда у стран образуется общий рынок рабочей силы, может наблюдаться массовое перетекание наиболее квалифицированных и предприимчивых представителей среднего класса из менее развитой страны в более развитую. В результате может возникнуть так называемый «синергический эффект», позволяющий укрепить позиции среднего класса в сотрудничающих странах.

Литература

1. *Акбаров У.* Кто является представителем среднего класса в Узбекистане? // Интернет-издание «Kun.uz». URL: <https://kun.uz/ru/news/2019/05/09/kto-yavlyayetsya-predstavitelem-srednego-klassa-v-uzbekistane> (дата обращения 21.08.2024).
2. *Аристотель.* Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с. (Филос. наследие. Т. 90).
3. *Бегмуродов С.Ш.* Развитие предпринимательства как путь к формированию среднего класса собственников в Республике Таджикистан // Вестник Технологического университета Таджикистана. 2020. Т. 42. № 3. С. 105–110.
4. *Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинова Е.В.* Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107.
5. *Бобков В.Н., Одинова Е.В., Квачев В.Г.* О критериальной идентификации российских средних классов // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 119–125.
6. В России 11% семей можно отнести к среднему классу // РИА Рейтинг, 24.07.2023. URL: <https://riarating.ru/regions/20230724/630245960.html> (дата обращения 29.09.2024).
7. *Ван Ц.* Социальные трансформации начала XXI века: сравнительный анализ развития среднего класса и профессиональной структуры в России и Китае // Современная

² Armenia Today, 28 декабря 2022. URL: <https://armeniatoday.news/economica/566864/?ysclid=m3gaxlr7xx811436213> (дата обращения 12.11.2024).

- наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 3. С. 152–155.
8. *Вольвач В.Г.* Социально-психологический феномен среднего класса // Инновационное образование и экономика. 2019. № 23. С. 31–34.
 9. *Галстян Д.* Бостанджян: после развала СССР в Армении исчез средний класс // Sputnik Армения. URL: <https://am.sputniknews.ru/20160823/4712512.html> (дата обращения 29.09.2024).
 10. *Гасанов Р.* Средний класс в социальной структуре общества постсоветского Азербайджана / Сайт Национальной библиотеки Азербайджана им. М. Ф. Ахундова. URL: [https://anl.az/down/meqale/sosial_tedqiqatlar/2021/01/12\(meqale\).pdf](https://anl.az/down/meqale/sosial_tedqiqatlar/2021/01/12(meqale).pdf) (дата обращения 21.08.2024).
 11. Евразийская интеграция в турбулентном мире / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб.: Алтейя, 2019. 288 с.
 12. *Зарубина Ю.В., Зайцев И.В.* Средний класс в России: подходы, критерии, тенденции // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2024. № 11. С. 343–344.
 13. *Захарова С.Г., Зенькова Л.П., Крицкая Н.В.* Тенденции изменения социальной структуры общества в Беларуси, России и Узбекистане: креативный подход к выделению границ среднего класса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. Т. 72. № 4. С. 33–43.
 14. *Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тынди́к А.О.* Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. Т. 27. № 3. С. 109–139.
 15. *Миронов А.В., Гешева Е.Г.* Средний класс: его место, роль и значение в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 220–234.
 16. *Новосадов С.А.* Перспективы развития среднего класса для экономики будущего / Мировая глобализация: фундаментальные и прикладные аспекты. Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции (Москва, 31 января 2024 года). М., Центр развития образования и науки, 2024. С. 56–61.
 17. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2025 год. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 789. URL: <http://static.government.ru/media/files/u1gyjb3TTi9n6pxkFppyeA3SPZn0bwXU.pdf> (дата обращения 19.08.2024).
 18. О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, статья 8, пункт 4. Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ. URL: Официальный интернет-портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270070?index=40> (дата обращения 19.08.2024).
 19. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алтейя, 2017. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. 454 с.
 20. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // URL: <http://static.government.ru/media/files/u1gyjb3TTi9n6pxkFppyeA3SPZn0bwXU.pdf> (дата обращения 25.08.2024).
 21. *Радаев В.В.* Средний класс как нормативная модель // Уровень жизни населения регионов России. 2008. Т. 129–130. № 11–12. С. 107–110.
 22. *Радаев В.В.* Средний класс как нормативная модель / Конференция «Динамика средних классов» (3 октября 2019 г.). URL: https://isp.hse.ru/data/2019/10/04/1541835812/06%20Vadim%20Radaev_03-10-2019_RU.pdf (дата обращения 15.08.2024).
 23. *Рослякова Н.А., Новиков А.Б.* Проблемы формирования и развития среднего класса в меняющемся мире // Известия СПбГЭУ. 2019. Т. 118. № 4. С. 115–118.
 24. *Саидов С.Ш.* Вопрос «среднего класса» в Узбекистане // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 2. С. 61–64.
 25. Сколько среднего класса в Центральной Азии? // Stan Radar. URL: <https://stanradar.com/news/full/26308-skolko-srednego-klassa-v-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения 21.08.2024).

26. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. М.: Гендальф. 2003. 506 с.
27. Средний класс в турбулентном мире: динамика и судьба: материалы круглого стола в рамках Московского экономического форума (Москва, 26 марта 2015 г.). М.: Ключ-С, 2015. 104 с.
28. Тихонова Н.Е. Межпоколенческое воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. Т. 11. № 2. С. 61–78.
29. Шевченко С.В. Средний класс в Республике Беларусь: конверсия или эрозия? // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2020. Т. 238. № 2. С. 56–60.
30. Шлихтер А.А. Средний класс в США и России: отличительные особенности, структурные сдвиги, проблемы на рынке труда и социальная мобильность // Общество и экономика. 2023. № 12. С. 119–132.
31. Шмаков В.С. Устойчивое социокультурное развитие Евразии: интеграционный аспект // Respublica Literaria. 2024. Т. 5. № 3. С. 172–183.
32. Шоисматуллоев Ш., Тавалоев М.Т. Тенденции трансформации социальной структуры и развитие среднего класса в таджикском обществе // Таджикистан и современный мир. 2019. Т. 66. № 3. С. 241–254.
33. Юлдашев Ш.Г. Развитие предпринимательства как путь к формированию среднего класса собственников // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. Т. 19. № 6. С. 152–156.
34. Global Wealth Databook // Switzerland: Credit Suisse Research Institute (October 2015). URL: <https://delangemars.nl/wp-content/uploads/2015/10/global-wealth-databook-20151.pdf> (дата обращения 28.09.2024).

Tatyana Sokolova (e-mail: sokolova99@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,
Institute of Economics (RAS)
(Moscow, Russian Federation)

THE MIDDLE CLASS IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE RUSSIAN “NEIGHBORHOOD BELT” IN THE CONTEXT OF A CHANGING WORLD ORDER (PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE)

It is generally recognized that socio-economic stability in modern society is possible only if there is a significant (prevailing) “middle” social stratum (“middle class”), and the expansion and strengthening of this particular social group contributes to stimulating the domestic consumer market and is one of the factors in the growth of entrepreneurial activity of the population. The article examines various missions of the middle class. In particular, an attempt is made to determine the role of the middle class in a little-studied perspective to date - through the prism of the integration interaction of Russia with the countries of its “neighborhood belt” in the context of geo-economic turbulence.

Keywords: middle class, Russian “neighborhood belt”, post-Soviet states, social policy, standard of living.

DOI: 10.31857/S0207367624110025

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 338.45:622.3(470)

Сергей Трофимов

кандидат экономических наук, профессор Академии военных наук

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: tennisist91@mail.ru)

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются вопросы развития методологических и практических положений государственного регулирования нефтегазового комплекса (ГР НГК), обоснована целесообразность разработки практической методологии ГР НГК на современном этапе экономических вызовов, цифровых и технологических изменений. Ключевыми задачами разработанной методологии выступают обеспечение устойчивости и опережающих темпов роста национальной экономики, достижение технологического суверенитета. Регулирующее воздействие направлено на стимулирование внутреннего экономического развития НГК, создание необходимых правовых и институциональных условий, обеспечение бесперебойного функционирования отрасли в условиях становления Шестого технологического уклада. Это достигается за счет принятия выверенного методологического инструментария, комплексного внедрения новейших технологий во все этапы производственных процессов, передового отечественного и зарубежного опыта регулирования, масштабирования наиболее результативных управленческих практик.

Ключевые слова: государственное регулирование, нефтегазовый комплекс, практическая методология, экономически устойчивое развитие, Шестой технологический уклад, технологический суверенитет, опережающее развитие.

DOI: 10.31857/S0207367624110036

Введение

Методология ГР НГК тесным образом переплетена с ходом мировой истории и становлением российского государства, ретроспективой развития национальной экономики и отечественной промышленности на протяжении всего временного горизонта наблюдений. Она фактически изучает происходящие явления и процессы с несколько иного ракурса, обеспечивающего принципиально иные регулирующие решения, максимизирующие конечный результат, достигающие их кратчайшим образом при устранении всех рисков. Это позволяет находить выход и прагматичные решения из любых возникающих ситуаций. Несмотря на колоссальные разведанные запасы минерально-сырьевой базы (МСБ), в стратегическом приоритете также находится интеллектуальный капитал в экономически устойчивом развитии НГК. При принятии решений в ГР НГК необходимо учитывать аналогичные ситуации, происходившие в прошлом, в т.ч. из прочих областей деятельности, решать накопленные вопросы по мере поступления, а не откладывать их, увязывать все ситуации и процессы в единое целое, структуру, органично их соединяющие, т.е. любые действия предпринимаются, соотносясь с текущей ситуацией и исходя из ключевых долгосрочных целей.

Выбранный методологический инструментарий предполагает объективное рассмотрение обозначенных вопросов в своей сути, должен быть обозначен в НПА, рабочих и иных материалах, т.е. необходимо правовое закрепление, носящее общественный характер и доведенное в качестве информации до всех исполнителей во избежание разрозненных действий. Любые вопросы разбираются до самой сути, устанавливаются причинно-следственные связи, выводы являются конкретными, а не общими. Увязывание в единое целое – систему – позволяет устранить те пустоты, через которые могут возникать проблемные аспекты и риски, а весь прошедший опыт, та платформа, на которой функционирует современная экономика и НГК – приводят сквозь призму реальности к принципиально иным решениям и регулирующим действиям. Подавляющее большинство ситуаций по своему виду и типу происходили в прошлом, соответственно, в полной мере следует учитывать опыт предпринимаемых действий, адаптированный сообразно конъюнктуре с использованием современных цифровых технологий.

Современный этап экономических отношений в НГК характеризуется комплексным внедрением новейших цифровых решений, технологий Четвертой промышленной революции и Шестого технологического уклада во все этапы производственных процессов. Беспрецедентные внешние вызовы, стоящие перед российской экономикой, включающие санкционное давление в отраслях промышленного производства, обусловили необходимость разработки принципиально новой методологии ГР НГК, направленной на обеспечение устойчивого, бесперебойного функционирования НГК в современных условиях, достижение технологического суверенитета и опережающих темпов экономического развития.

Развитие методологических основ ГР НГК предусматривает проведение прагматичной бюджетной и налоговой политики, государственное стимулирование внедрения передовых технологических решений, развитие производственной и социальной инфраструктуры, совершенствование институциональной среды. Индивидуальный подход к реализации нефтегазовых проектов учитывает экономические возможности и объективные перспективы реализации, геологические и природно-климатические условия, предусматривает исследование передового зарубежного опыта регулирующего воздействия и управленческой практики, адаптированных к внутренней специфике.

Увязывание в единое целое обеспечивает понимание общей картины, направлений развития, позволяет устранить некоторые риски, избежать множества вопросов, убирает излишние действия и отдельные административные барьеры, сокращает конечные сроки реализации проектов. Необходимо видеть конечную цель, собрать все процессы и факторы воздействия в целостный механизм ГР НГК, что позволит показать причинно-следственные связи и устранить возможные логические разрывы [2, 3].

Приоритеты разработки практической методологии ГР НГК

Понимание системности прошло длительный ретроспективный период развития и преобразований, включающий в себя множество наук и эволюцию научных подходов и методов. В первую очередь необходимы верные методологические принципы, заложенные в основание ГР НГК и осуществляемой деятельности, содержание которых выражено в отраслевых НПА. Принципы способствуют

выявлению сущности происходящих процессов, обеспечению логических выводов, повышению устойчивости платформы, на которой выстроен теоретико-методологический механизм ГР НГК. Сущность обеспечивается через функции и понятийно-категориальный аппарат, позволяет проникнуть в действительность, разложить до основания все процессы и составные элементы, наметить дальнейшие регулирующие действия. Методологический инструментарий также способен разложить все процессы, явления и события до их сущности, выявить наиболее прагматичные предложения по экономически устойчивому развитию НГК, проложить их практическую реализацию.

Системный подход имеет длительные хронологические рамки, в которых претерпел значительные изменения с методологических позиций. Системность охватывает ретроспективу развития вопроса, находится на стыке наук, позволяет делать верные предположения в условиях неопределенности и недостатка информации, максимальный охват которой способствует принятию наиболее эффективных решений, осуществлению методологически обоснованных регулирующих действий. Логическое обоснование содействует соединению разрозненных фактов в результативные государственные решения. Все явления, процессы и факторы воздействия также анализируются в своей сущности, причинах их формирования, устройства, направлений развития и изменений, т.е. НГК находится в связке с представлениями о нем, исследуется как единое целое с четким разграничением составных элементов. Особое значение придается полноте и достоверности поступающей информации. Различные науки преломляются через призму действительности посредством логически выстроенных и эффективных заключений, выводов, необходимых для достижения цели кратчайшим путем. Подобное преломление происходит на основании обобщения теоретико-методологических положений в различных странах в отдельные историко-экономические периоды, в результате чего происходит вычленение наиболее результативного методологического инструментария, выстраивание понятийно-категориального аппарата, накопление информации, необходимой для принятия решений [8, 12].

Результирующие положения находят отражение в отраслевых НПА и программах развития НГК, могут происходить на стыке противоположных точек зрения. Именно учет альтернативных позиций расширяет охват и повышает эффективность регулирующего воздействия. Каждый элемент в системе выполняет определенные роль и функцию, которую возможно выразить в графическом виде, подобрать результативный аналитический и методологический инструментарий, который обеспечивает полноту охвата информации, необходимой для принятия решений ГР НГК. Выработанные решения должны отвечать как государственным интересам, так и содействовать развитию нефтегазовых компаний, приводить различные точки зрения к единому знаменателю и общему основанию. Информация и отраслевые документы обеспечивают дальнейшие регулирующие действия, являются обязательным сопровождением для работы исполнителей в органах государственной власти и нефтегазовых компаниях. Это может быть осуществлено за счет эффективно функционирующей информационной платформы, передачи прошедшего опыта на нижестоящие уровни. Процесс повышения профессиональных компетенций и квалификации ответственных исполнителей является непрерывным.

Методы, формы и инструменты ГР должны затрагивать исключительно сегмент НГК, однако при этом зачастую находятся на стыке различных направлений функционирования государства (социально-экономического, политического, институционального, правовых норм и др.), учитывают ретроспективу разработанных научных положений, касающихся вопросов и перспектив экономически устойчивого развития НГК, становления методологического инструментария, в результате которого образуются новые научные дисциплины, происходит учет различных точек зрения, их доведение и обоснование до исполнителей, т.е. НГК развивается за счет внутренних механизмов, а ГР корректирует направления его становления, устраняет возникающие риски и барьеры.

Механизм ГР НГК должен быть способен самостоятельно устранять любые внутренние и внешние противодействия, а его развитие происходить сообразно внутреннему наполнению, исходя из передовых практик регулирования, имеющихся знаний и информации, выстроенных для достижения целей. Естественное развитие и административное воздействие должны непосредственно быть связаны между собой, органично дополнять друг друга для максимизации конечного результата. Отдельные регулирующие практики могут служить эффективными управленческими решениями на нефтегазовых предприятиях, равно как и в обратном порядке. Ключевые участники экономических отношений должны понимать правильность выбранного направления развития. Именно нефтегазовая рента, расширение ресурсной базы и внедрение передовых технологий в механизм ГР НГК на всех этапах производственных процессов обеспечивают значительные конкурентные преимущества.

ГР приобретает наибольшую эффективность в сочетании с внутренним развитием НГК, его корректировкой до выбранных рамок и значений, причем основы ГР берут свой источник внутри НГК: административные и косвенные методы регулирующего воздействия произрастают из самой сущности НГК, его роли и места в структуре национальной экономики. ГР развивается и совершенствуется по собственному пути, который при совпадении с внутренним развитием НГК обеспечивает максимизацию эффекта, задает вектор движения макроэкономических процессов. Фактически экономика объясняет сложившееся устройство и структуру отраслей и производств. Не должно быть искусственного противодействия сложившейся системе, напротив, необходимо создание всех сопутствующих государственных условий для экономически устойчивого развития, органичное встраивание ГР во внутренние процессы и их последующие контроль и корректировка. Переплетение естественного развития и искусственного воздействия подразумевает возможность минимизации любых негативных последствий. НГК является первопричиной, ГР основано на ресурсной ренте и созданной платформе, не вступает в противоречие с естественным развитием событий. Происходящие процессы являются взаимообусловленными, нацеленными на созидание и развитие всех связанных сфер и отраслей; не должно быть деструктивного воздействия на их первопричину.

Соединение экономической и политической составляющих через структуру внутреннего развития, административного воздействия и теоретико-методологических положений обеспечивает понимание причинно-следственных связей в контексте

прочих сфер производства, формирования собственной методологической основы, необходимой для дальнейшего развития. Кроме того, в миссию нефтегазовых компаний обычно закладывается социальная ответственность бизнеса, развитие территорий нахождения производств, бережное отношение к окружающей среде и другие неэкономические направления; миссия, являющая собой больше чем извлечение прибыли, предполагает отличающиеся векторы развития [14].

В результате применения современных технологий и нового методологического инструментария, учета социальной и экологической составляющих появляются новые научные направления, происходит глубокий анализ мировых и отраслевых экономических процессов. Новые научные направления в НГК способны охватывать все социально-экономические вопросы. Понимание общей ситуации проистекает из природы происходящих процессов. В условиях смены технологических укладов необходимы принципиально иные регулирующие решения, основанные на имеющемся, пройденном опыте, полноте информации, внедрении цифровых технологий во все сферы ГР. Цифровые технологии работают на том, что существует, в т.ч. применительно к внутреннему развитию НГК, соотносясь с развитием ГР, тем, что внедряется административным образом. Точность принятия решений обеспечивается полнотой информации применительно к конкретной ситуации, уровнем социальных взаимосвязей, взаимодействием государства и нефтегазовых компаний. Научные направления могут основываться на пересечении различных сфер деятельности и исторических этапов. Новый методологический инструментарий предполагает получение качественно иных научных результатов, которые через практическую реализацию государственных программ, стратегий, отраслевых и прочих НПА, внедрение новейших достижений НТП во все сферы, полноту информации и учет социальных взаимосвязей обеспечивают понимание общей ситуации, принятие наилучших решений ГР, а следовательно, кратчайший способ достижения целей [6].

Регулирующие решения принимаются в контексте общего видения ситуации в целом, исходя из структуры внутренних взаимосвязей, полной аналитики происходящих процессов. Практическая реализация осуществляется по целому спектру выбранных направлений; для этого должны быть эффективно распределены полномочия и обязанности среди исполнителей, т.е. производственная деятельность на предприятиях и действия в механизме ГР НГК должны являться функциональными, соответствовать миссии и происходящим изменениям, быть направленными на достижение целевых ориентиров. Регулирующее воздействие может исходить от обратного, т.е. с конечной цели до первоначальной точки; в отдельных случаях выстраивание программы действий происходит не в первую очередь, однако при их практической реализации осуществляются детальный анализ, контроль и корректировка результатов со стороны, а не только изнутри происходящих процессов. Методологическое направление предполагает адаптацию передового зарубежного опыта применительно к российской специфике.

Стратегические и тактические ориентиры, этапы их выполнения должны быть жестко отделены друг от друга. Эффективность ГР НГК произрастает из понимания источника происходящих процессов и причинно-следственных связей, выстраивания вектора развития. Особое значение придается блоку контроля

и корректировки результатов. Создание платформы функционирования НГК позволяет выявить суть происходящих процессов, выстроить регулирующие действия и перспективные направления развития на основе выбранного методологического инструментария. Механизм ГР НГК совершенствуется в т.ч. благодаря и на основании взаимодействия нескольких систем, возможности маневрирования при принятии решений. Методология показывает не только направления развития, но и имеющиеся в распоряжении ресурсы и возможности, позволяет максимизировать потенциал. Методологический и практический инструментарий должен предполагать возможность быстрого и успешного перемещения в рамках заданного направления. Взгляд со стороны способствует изучению собственных возможностей, органичному переходу от теории к практике через призму накопленного опыта.

Теория и практика служат двумя сторонами единого процесса; по сути практика есть верхняя ступень теории, реализация опыта и потенциала через некие обобщения, осуществленные в реальности, т.е. исполнители в ГР НГК встают в некоторое положение относительно его экономически устойчивого развития как в части теории, стратегического планирования, так и конкретных действий. Данный переход является наиболее значимым, организующим последующую деятельность звеном, которое возможно осуществить на определенной платформе, т.е. методологически выверенных действиях ГР. Границы возможностей существуют лишь в теоретическом представлении, могут вытекать из внешнего понимания об объекте ГР. Важно масштабное видение общей ситуации, соединение теории с практикой через ретроспективу происходящих процессов и причинно-следственных связей [4, 10].

Теория и практика объединяются в единое целое на отдельных этапах развития. Фактически практика изучает теорию через прошедший опыт и напрямую завязана на самой сути процессов и явлений, понимании источников, планировании и прогнозировании показателей. Переход к ней от теории подразумевает верно подобранный методологический инструментарий, его воплощение в действительности. Происходит создание принципиально иных условий, на которых основывается функционирование и развитие НГК, а методология обозначает устойчивость функционирующей платформы; вся деятельность подчинена достижению результатов. Методология завязана на теории, текущем положении, внутреннем потенциале роста и конкретных действиях. Видение целевых показателей, деятельность, направленная на их достижение, повышают эффективность функционирования механизма ГР НГК, в т.ч. за счет изучения рисков, создания принципиально новых направлений развития. Должен быть изучен потенциал внутреннего роста, что позволяет более результативно внедрять формы и инструменты ГР НГК; т.е. изучение процессов и явлений выполняет важнейшую роль переноса теории в практическую плоскость, обеспечивает реализацию стратегических императивов. Теоретическое исследование обеспечивает созидательную функцию на практике, соединение различных сегментов в единую связку, органичное взаимодействие разрозненных элементов; в данном контексте практика в ее различных аспектах напрямую вытекает из планирования и прогнозирования. ГР являет собой в т.ч. организующую функцию в различных сферах.

Деятельность, направленная на созидание и совершенствование, привносит свои особенности в системно-функциональный подход и механизм ГР НГК,

является платформой для экономически устойчивого развития, т.е. методология исследования служит неотъемлемой составляющей практической реализации ГР, претворению стратегических планов в установленные сроки, осуществлению взаимодействий на стыке различных систем. В отдельные периоды происходит принципиальное изменение представлений о подходах и методах ГР НГК, направлениях его развития. Это может быть обусловлено внутренними и внешними противоречиями, экономической и политической ситуацией, сменой технологических укладов, необходимостью назревших преобразований и др. Накопленный опыт предоставляет возможность принятия оптимальных решений в конкретный момент времени, являет собой обобщение экономических, социальных и иных характеристик, выраженных в конкретных регулирующих действиях. При принятии решений необходима полнота информации, учет прошедшего опыта, соотнесение с основными целями, миссией, экологической и этической составляющими. Опыт позволяет как комплексно, так и точно решать возникающие вопросы в конкретный момент времени, минимизировать затраченные ресурсы, содействует разрешению любых спорных аспектов. Он может быть аккумулирован в нормативной базе, стратегических документах развития, аналитических докладах, в рамках прочих сфер экономики, резолюциях отраслевых мероприятий, научных публикациях, статьях в периодических изданиях и колонках в социальных сетях ведущих ученых, руководителей и экспертов. Все это содействует тому, что государство и нефтегазовые компании начинают внедрять принципиально иные решения, основанные на уже измененной платформе, учитывающей прошедшие негативные явления, и нацеленные на достижение обозначенных показателей.

Внутренние и внешние противодействия могут существенно скорректировать общую ситуацию и служить отправной точкой перехода к новой парадигме развития экономики, как это произошло в случае санкционной политики и ответных мер в виде импортозамещения в национальной промышленности. Они могут разворачиваться в течение продолжительного времени, развивать применяемый методологический инструментарий, затрагивать все сферы деятельности общества. Общее представление о текущей ситуации может изменить и скорректировать уровень вмешательства государства в происходящие экономические процессы. Регулирующие решения на практике в полной мере опираются на прошедший опыт, здесь важна последовательность государственных действий, охватывающая все аспекты функционирования НГК.

Теория должна быть увязана со стратегическим планированием и прогнозированием, анализом текущей ситуации и перспектив регулирующих действий. Практика ГР НГК также осуществляется по нескольким выбранным направлениям, подразумевает планомерный переход между отдельными этапами развития. При этом все подразделения государственного аппарата должны функционировать в едином методологическом русле, в рамках которого разрешаются текущие и долгосрочные вопросы, происходит понимание сущности изучаемых процессов и причинно-следственных связей. Обеспечение функционирования происходит с позиций необходимости и достаточности, часть ресурсов направляется на НИОКР и иные перспективные направления развития. Это обусловлено наличием ряда факторов и сторон, с которых осуществляются анализ и учет различных точек

зрения, перевод теоретических конструкций в созданную за счет методологического инструментария действительность.

Методология позволяет наиболее прагматично решать возникающие вопросы, находить оптимальный выход из сложившихся ситуаций. Анализ может осуществляться со стороны и позволяет изучить всю ситуацию целиком, т.е. методологический инструментарий способен сформировать устойчивую платформу, в рамках которой будут успешно реализованы собственные и адаптированные передовые практики. Таким образом, теоретическая конструкция механизма ГР НГК создается специально для того, чтобы устранить негативные и спорные аспекты, повысить эффективность и задать необходимый вектор развития при результативной работе всех участников нефтегазового рынка. Административное воздействие непосредственно сопряжено с внутренним развитием, позволяет максимизировать результат, устранить любые барьеры для создания собственной платформы функционирования НГК и механизмов воздействия на него [1, 15].

Развитие методолого-практических положений ГР НГК

Накопленный опыт служит важнейшей платформой для заключений, которые в последующем позволят избежать множества ошибок и устранить риски. Законодательное закрепление методологического инструментария, применимого для достижения обозначенных цели и задач, предполагает облегчение прохождения пути, ускорение реализации и простоту применения конкретных административных и экономических методов, форм и инструментов ГР НГК. Подобная простота, конкретика и доступность, доведенная и объясненная исполнителям, в т.ч. на низовых звеньях государственного аппарата, обеспечивает скорейшее решение поставленных вопросов.

Стратегическое планирование и исполнение в данном контексте не пересекаются; осуществляются только контроль и корректировка действий. Инициатива, в т.ч. законодательного характера, вполне может исходить снизу, однако регулирующие решения, носящие стратегический характер, должны исходить с верхнего уровня структурной иерархии как государства, так и нефтегазовых компаний. Успешный опыт в рамках реализации одного проекта возможно масштабировать в рамках государства при наличии соответствующих условий. Должно быть практическое применение теоретических конструкций и законодательных инициатив, множество точек развития в функциональном разрезе, в т.ч. по территориальному кластерному типу, которые преимущественно носят прикладной научный характер. Именно их количество, условия деятельности, благоприятная институциональная и профессиональная конкурентная среда обеспечивают кадровый и научный потенциал, возможности, способствующие экономически устойчивому развитию [19].

Экономическая программа развития должна нести в себе некую заложенную парадигму и предусматривать пути обхода в случае невыполнения планов или отклонения от них. Как справедливо отмечал П.А. Столыпин: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего. И Вы не узнаете нынешней России»¹ [16. С. 489]. Так, выбранный методологический инструментарий должен быть практически

¹ Беседа с председателем Совета министров П.А. Столыпиным (из интервью газете «Волга» 1 окт. 1909 г.).

осуществимым, приведенным в исполнение, адаптированным к действительности, отвечать поставленным целям и задачам; понятийно-категориальный аппарат — конкретным, структурированным и классифицированным, исключать двойные толкования и, вследствие этого, возможности маневрирования. В основе всего лежат выбранные методологические принципы, общенаучные подходы и конкретно-научные методы. Важно точно рассчитать момент применения конкретной регулирующей меры, учитывать общенациональные, региональные и местные условия для ее внедрения.

Методы, формы и инструменты ГР НГК должны применяться на практике с учетом понимания их сущности и специфики; важны точность момента, скорость принятия решений, изучение действительных причин происходящих процессов, их источников и формируемых следственных связей, т.е. необходимо дойти до сути. Отдельные направления ГР НГК могут не быть связаны между собой, не пересекаться в период своего функционирования; необходимо зафиксировать место в структуре национальной экономики, относительно которого будут производиться внешнее наблюдение, осуществляться аналитика, учитываться взаимодействия с другими отраслями, производствами и сферами деятельности в целом, последовательность принимаемых решений, которые базируются на функционирующей устойчивой платформе. Выстраивание процессов происходит после их изучения, важно место приложения усилий и ресурсов, их концентрация.

Методологический инструментарий и понятийно-категориальный аппарат должны быть целостными, позволять достигнуть цели в установленные сроки без логических провалов и иных рисков. По ним возможно изучать причинно-следственные связи, общеэкономические тенденции, которые впоследствии позволяют скорректировать выбранное направление развития. Одни явления, ситуации и события могут повлечь за собой другие, причем как в НГК, так и в экономике в целом, охватывать все направления деятельности, быть представленными в теоретическом выражении, что обеспечивает прояснение и полноту общей ситуации, выстраивает этапы развития отечественного НГК, приводящие их к настоящему моменту, отражает противоречия и точки роста. НГК как объект исследования и приложения ГР является искусственно выделенной теоретической конструкцией, образующей взаимосвязи с другими сегментами экономики и направлениями деятельности. Важно практическое осуществление заложенных в НПА и аналитических докладах мер и предложений. В силу того что НГК затрагивает все отрасли российской экономики и деятельности общества, и несмотря на постепенное увеличение ВИЭ в структуре мирового энергопотребления, в абсолютном выражении по-прежнему будет наблюдаться рост производства, отвечающего современным требованиям к качеству выпускаемой продукции, в т.ч. по экологическим параметрам.

Понятийно-категориальный аппарат позволяет увязывать в целое разрозненные факторы, выстроить в единую логическую цепь последовательность событий и явлений, способствующих выявлению закономерностей, позволяющих выделить наиболее перспективные направления развития НГК. Следует отметить значимость целеполагания, полноты исполнения НПА, ответственность за их реализацию. Комплексные регулирующие меры должны содействовать повышению устойчивости НГК, минимизации рисков и последствий для функционирования

его механизма ГР в результате неблагоприятной конъюнктуры. Подведение под единое методологическое обоснование обеспечивает выделение определенных теоретических конструкций (механизм ГР НГК), позволяющих трансформировать их в соответствии с поставленными целями и задачами. В конечном итоге это содействует изучению всех факторов и событий, воздействующих на объект регулирования, позволяет выявлять причинно-следственные связи и последовательность действий, конкретизировать место НГК и направлений его развития в структуре национальной экономики. Цифровые технологии позволяют выявлять наиболее значимые аспекты в своей сути, без отвлечения на сторонние факторы, соединять воедино специфику ГР различных направлений и сегментов НГК, что позволяет анализировать общую ситуацию с учетом всех факторов и аспектов воздействия по сравнению с прочими отраслями экономики и альтернативными вариантами развития. Важен конечный результат, который обычно происходит в значительно более короткие сроки в условиях сложившихся институциональной и инфраструктурной платформ. Методология призвана обеспечить базовую составляющую, на которой строится дальнейшее развитие.

Причинно-следственные связи помогают выстроить оптимальные теоретические конструкции, устраняющие любые внутренние недостатки и риски, позволяют проявить общую ситуацию в контексте взаимодействия с прочими сферами экономики и направлениями государственной деятельности. Важен процесс внутреннего развития, сопряженный с обозначением собственных позиций и возможностей в общей структуре. ГР призвано обеспечить реализацию внутреннего потенциала, скорейшую адаптацию к происходящим изменениям, максимизирующую конечный результат и опережающую прочих субъектов экономической деятельности, гибкость при принятии решений. Важны целостность видения общей ситуации, выявление истинных причин происходящих процессов, что содействует практической реализации оптимального методологического инструментария. Дальнейшее развитие прорабатывается с учетом взаимодействия с прочими направлениями деятельности, является методологически целостным, что обеспечивает скорейшее практическое решение, основанное на сложившейся к настоящему моменту платформе, имеющихся в распоряжении технологиях и ресурсах [5, 13].

При реализации нефтегазовых проектов важна внутренняя энергия развития. Опережение конкурентов обуславливает стремление к монополизации производств, строительству глобальных нефтегазовых корпораций, обладающих достаточной ресурсной базой, финансовым и административным возможностям, тесным взаимодействиям с правительствами и органами государственной власти. Масштабы данных корпораций не должны служить препятствием к их эффективной деятельности. Цифровые технологии позволяют наиболее полно выявлять существующие и потенциальные риски, ключевые тренды отраслевого и экономического развития в целом, понимать сущность происходящих процессов без примеси субъективных представлений. Действия органов государственной власти, предприятий и институтов нацелены на достижение обозначенных стратегических показателей, т.е. происходит изучение и трансформация объекта регулирования под воздействием методологических приемов. Выявление наиболее значимого зачастую подразумевает устранение всего излишнего, а в отношении выбранного методологического

инструментария — пригодность при различных сценариях развития; при обращении к нему появляются возможности поиска и реализации новых направлений и точек роста. В свою очередь, это обеспечивает укрепление производственных и иных взаимосвязей. Методологические и практические аспекты важны при стратегическом планировании, обеспечивают скорейшую реализацию обозначенных показателей. Практическая направленность обусловлена выстроенной методологической платформой, а действия различных государственных ведомств — не дублируют друг друга, допускают собственные цели и задачи на обозначенном участке действий, понимание общеэкономической ситуации и трендов развития.

Понятийно-категориальный аппарат должен включать в себя используемый методологический инструментарий, т.е. способствовать преломлению теории в практическую плоскость. Практика осуществляется на созданной теоретико-методологической платформе, где происходит планомерный переход от общеэкономических процессов в целом к НГК в частности. При разработке долгосрочной стратегии экономически устойчивого развития НГК важно ориентироваться на передовые внутренние и зарубежные государственные и корпоративные практики, что позволяет выявлять оптимальные регулирующие решения, применимые к определенной ситуации. Частный пример, в т.ч. в отношении отдельного месторождения или проекта, возможно распространить на НГК в целом. Понимание макроэкономической ситуации в контексте различных тенденций, стратегических целей, задач и направлений развития позволяет корректировать выбранные меры ГР НГК, этапы становления и развития, ускорять экономические процессы, устранять административные барьеры, что в конечном итоге приводит к значительному мультипликативному эффекту в связанных направлениях деятельности [9].

Процесс и этапы становления в определенный момент времени не всегда могут отображать конечный результат, являться необходимым звеном в контексте общего развития. В силу стратегической значимости НГК необходимо максимизировать эффект от связанных направлений деятельности, понимать его место в общеэкономической структуре, повсеместно внедрять цифровые технологические решения, возводящие эффективность функционирования на принципиально иной уровень. Процесс становления и развития, связывающий различные отрасли экономики и сферы деятельности, обычно включает в себя несколько этапов, обуславливающих значительные трансформации на пути к завершенной, методологически обоснованной цели. Это приобретает особую актуальность в части регулирующих действий на всех этапах развития, причем изначальные планы должны быть обозначены, а первоочередное основание — обладать внутренней энергией для развития, которая многократно увеличивается в результате принимаемых регулирующих мер.

Не следует упускать из виду общее видение ситуации, т.к. незавершенность форм и инструментов ГР НГК, пробелы в правовой базе могут создать дополнительные риски, препятствующие необходимым темпам экономического развития, в то время как их отсутствие способствует ускорению данных темпов, выстраивает необходимую институциональную основу, содействующую полной загрузке теоретико-методологической платформы, благоприятствующую притоку дополнительных инвестиций, перераспределению финансовых потоков и трудовых ресурсов в кратчайшие сроки. Целостное развитие НГК неотделимо от макроэкономического

роста, является его составным элементом, способствует внедрению цифровых технологий в прочих сферах экономики, благоприятствует их дальнейшему развитию, повышает устойчивость ТЭК в относительно менее благоприятные периоды, нивелирует возможные негативные проявления конъюнктуры, что в полной мере проявляется в антициклической форме ГР НГК. Органичность развития основана на внутреннем балансе, методологической основе; целостность подразумевает выверенную теоретико-методологическую проработку.

Экономически устойчивое развитие НГК осуществляется в рамках выбранного методологического направления с использованием обозначенных методов, форм и инструментов ГР. Намеченные целевые ориентиры, независимо от их значимости и сроков осуществления, вполне способны стать более простыми в достижении при использовании конкретизации способов, средств и технологий, уточнении механизмов регулирующего воздействия. Изменение отдельных первоначальных параметров не должно отразиться на действительном значении выбранных мер регулирующего воздействия, единых в своей совокупности. Объективность при принятии регулирующих решений позволяет выявить сущность процессов, собрать разрозненные элементы, выступающие переходом от теории к практике. Следует не выпадать из выбранного направления развития, понимать сущность происходящих явлений и процессов без примесей субъективного восприятия, что возможно в т.ч. благодаря использованию цифровых технологий.

Теория через методологическое обоснование приходит к конкретизации выводов, позволяет выявлять действительно значимые цели и задачи. Технологии и направления их достижения проходят теоретико-методологическую обработку для последующей практической реализации. Созданные направления развития неотъемлемым образом сопряжены с регулирующими действиями, произрастающими из понятийно-категориального аппарата, преобразуют действительность в соответствии с трендами технологического и цифрового развития. Экономическая устойчивость НГК возможна при формировании новой макроэкономической реальности, позволяющей одновременно сочетать в себе несколько трендов и направлений развития [7, 17].

Значительная часть регулирующего воздействия предполагает повсеместное внедрение технологий Четвертой промышленной революции и Шестого технологического уклада, многократно повышающих эффективность функционирования НГК. Действительность преобразуется под государственным и корпоративным воздействием, их интересами в условиях ускорения технологических изменений. Первоначально это может происходить в некоем представлении, теоретических конструкциях, и лишь впоследствии — на практике. Выбранные направления развития должны быть максимально приближены к действительным условиям функционирования, раскрывать обозначенные цели и задачи, сущность происходящих изменений, связанные направления развития, отрасли и сферы экономики. Именно масштабность изменений обеспечивает платформу для прорывного качественного роста.

Одним из основополагающих аспектов экономически устойчивого развития НГК является разработка отраслевых документов стратегического развития, в рамках которых обозначаются цели, задачи и ключевые приоритеты. Необходимо избегать

двойных толкований в нормативно-правовой базе, использовать механизмы, средства, технологии и методологический инструментарий для существенного сокращения сроков достижения целевых ориентиров. Это позволяет повысить эффективность при принятии регулирующих решений, произвести корректировку отдельных параметров и аспектов ГР НГК, благодаря которым теория внедряется в практическую действительность.

Объективность в НГК подразумевает уточнение понятийно-категориального аппарата, возможность изменений в рамках выбранного направления развития, выстраивание фактов и событий по направлению к цели. Теоретико-методологические положения и представления преломляются, органично встраиваются в практическую действительность, соотносятся с технологиями Четвертой промышленной революции и Шестого технологического уклада, т.е. облекаются в практическую плоскость посредством разворачивания новой действительности, моделирования представлений о ней, исходя из имеющегося опыта. Регулирующие НПА должны соответствовать ей, преследовать достижение обозначенных задач, задавать определенное представление о НГК как объекте ГР [11, 20].

Выводы и рекомендации

Экономически устойчивое развитие НГК разворачивается одновременно по нескольким направлениям, которые в отдельных случаях могут внутренне противоречить друг другу. Принимаемые решения должны соотноситься между собой, создавать объективное восприятие реальности, содействовать достижению обозначенных ориентиров в установленные сроки, иметь подтверждающие обоснования о практической эффективности осуществляемых регулирующих мер. Наличие подобных обоснований служит показателем преломления и формирования действительности, ее отдельных сфер и составных элементов в соответствии с представлениями о ней. Данные изменения раскрывают свою сущность в контексте цифровых глобальных и отраслевых тенденций. Сферы деятельности могут становиться связующим звеном между отдельными этапами развития, более полно раскрывать действительное состояние отдельного сегмента или показателя НГК, долгосрочных перспектив его развития.

Цифровые технологии в значительной мере предопределяют ход дальнейшего развития НГК, берут на себя значительное количество функциональных обязанностей, высвобождают большую часть ресурсов нефтегазовых предприятий [6]. В отдельные этапы необходимо возвращаться к первоначальному моменту, оценивать эффективность регулирующих действий со стороны. Существенные различия в направлениях развития одновременно могут выступать свидетельством их внутреннего единства, формированием условий становления наиболее значимых аспектов в соответствии с внутренними предпочтениями. При решении стратегических и текущих вопросов необходимо выявлять главное, суть, отсекают все излишнее. Технологические решения могут выступать значимым связующим звеном на пути достижения стратегических целей, изучения собственных позиций в контексте развития национальной и мировой экономики, драйвером развития национальных нефтегазовых производств, соединением теории и практики в единое целое.

При этом важно структурировать и распределить функции, обязанности и степень ответственности исполнителей, благодаря которым развитие НГК становится

более целостным, объединяет в себе накопленный опыт. Подобное структурирование предполагает наличие связующих элементов между отдельными этапами развития, т.е. НГК возможно представить в качестве поля деятельности, на котором реализуются передовые регулирующие практики, внедряются методологический инструментарий и технологические достижения, что содействует повышению эффективности его механизма ГР. Регулирующие процессы должны происходить естественным образом, стимулировать экономически устойчивое развитие объекта воздействия. Применяемый методологический инструментарий также должен являться целостным, соответствовать текущей ситуации и долгосрочным перспективам развития, отображать действительность, тенденции ее развития, структурировать составные элементы механизма ГР НГК, призван показать собственную результативность именно в своей совокупности в конкретный момент или период времени, содействовать разделению функциональных обязанностей между ведомствами, ответственными лицами. Благодаря этому происходит содействие претворению в действительность намеченных планов, создается реальность, ориентированная на собственные цели.

Функциональные обязанности подразумевают отсутствие дублирования полномочий, планомерный переход теоретических конструкций в практическую плоскость через методологическое обоснование; важен профессионализм исполнителей, их прямая ответственность за качество и результат в установленные сроки. Практика должна соответствовать ранее обозначенным стратегическим ориентирам, функционировать в многофакторной и многокритериальной среде, где происходит осуществление теоретико-методологических положений, посредством которых достигаются обозначенные ранее цели и задачи. Данные положения органично встраиваются в объектно-предметную структуру, разделение функциональных обязанностей. При этом существенная роль отводится цифровым технологиям, позволяющим существенно повысить общую эффективность ГР НГК, устранить излишние и деструктивные элементы в его механизме. Происходит преобразование методологического инструментария в отношении действительности и формирования новых условий, что напрямую отображается на деятельности и функционировании государственного аппарата, содействует распределению полномочий внутри него, появлению новых целевых ориентиров. Развитие по нескольким направлениям в НГК в значительной степени позволяет сократить риски, а производимые корректировки его механизма ГР — сделать его более гибким, в кратчайшие сроки адаптировать к цифровым изменениям.

Реализация методологического инструментария может быть основана на системно-функциональном разделении, благодаря чему возникает необходимость в корректировке и усовершенствовании механизма ГР НГК, что подразумевает отсутствие слабых мест внутри него. Важно рационально оценивать степень воздействия каждого фактора при принятии регулирующих решений, благодаря чему развитие будет происходить в рамках заданного направления. Основные факторы, формы и инструменты механизма ГР НГК должны являться наиболее конструктивными в текущих условиях, занимать позиции, содействующие экономическому росту НГК, т.е. используемый методологический инструментарий призван способствовать выработке наиболее значимых регулирующих решений.

НГК занимает ключевую позицию в структуре механизма ГР российской экономики, что предполагает:

— исполнители должны соответствовать профессиональным требованиям и компетенциям, быть ответственными за результат. При этом учитывается контролирующая функция государства, содействующая развитию методологически обоснованных экономических направлений, созданию необходимых институциональных и инфраструктурных условий;

— регулирующие решения — ориентироваться на развитие НТП, их внедрение во все сегменты НГК, т.е. государство берет на себя своего рода созидательную, организующую функцию, формирование принципиально новых регулируемых аспектов с полным теоретико-методологическим обоснованием и учетом научно-технологической составляющей.

Важен подбор кадрового состава исполнителей с ориентиром не только на аналитическое, но и интуитивное понимание происходящих процессов, обозначением технологии достижения конкретной цели и задачи. В структуре механизма ГР НГК жесткое разграничение методов, форм и инструментов позволяет избегать инфраструктурных стыков, перекладывания ответственности между исполнителями и иных рисков.

Государственные регулирующие меры и действия выполняются преимущественно последовательно, учитываются возможности маневрирования и корректировки в случае изменения условий их становления и конъюнктуры, должны быть закреплены в НПА и иных документах, т.е. не являться деструктивными для участников нефтегазового рынка, вызывать необходимость ответной реакции с их стороны. Закладываются изначально верные стратегические ориентиры, при этом особая роль отводится тактическому планированию, отсутствию разрывов и временных лагов в принимаемых мерах, учете и контроле возникающих рисков. Средства достижения целей и задач могут определяться исходя из функционирования и технологий Шестого технологического уклада [18].

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют // М.: Вопросы экономики, 2004. 416 с.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
3. Винокуров М.А. Роль государства в корректировке модели экономического роста России. СПб.: Питер, 2014. 192 с.
4. Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс. Научный доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2018. 54 с.
5. Гегель Г. Наука логики. М.: АСТ, 2019. 912 с.
6. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
7. Джевонс У.С. Основы науки. Трактат о логике и научном методе. М.: Либроком, 2016. 744 с.
8. Дмитриевский А.Н. Избранные труды: в 7 т. Т. I: Системный подход в геологии: теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 2008. 454 с.
9. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
10. Кононов Ю.Д. Пути повышения обоснованности долгосрочных прогнозов развития ТЭК. Новосибирск: Наука, 2015. 147 с.

11. *Мастепанов А.М.* Ожидаемая трансформация основных угроз энергетической безопасности России и меры, необходимые для их нейтрализации // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2021. № 9. С. 5– 12.
12. *Мелентьев Л.А.* Методология системных исследований в энергетике. Избранные труды. М.: Наука, 1995. 300 с.
13. *Милль Дж. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Ленанд, 2011. 828 с.
14. *Некипелов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю.* Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 18–31.
15. *Рузавин Г.И.* Методология научного познания. М.: Юнити-Дана. 2012. 287 с.
16. *Столыпин П.А.* Грани таланта политика. М.: Росспэн, 2006. 623 с.
17. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
18. *Трофимов С.Е.* Методологические основы государственного регулирования нефтегазового комплекса России. М.: ИНФРА-М, 2022. 314 с.
19. *Уэст Дж.* Масштаб: Универсальные законы роста, инноваций, устойчивости и темпов жизни организмов, городов, экономических систем и компаний. М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2018. 512 с.
20. *Шапот Д.В., Малахов В.А.* Опыт развития методологии и разработки управленческих моделей межотраслевого баланса. М.: МЭИ, 2018. 176 с.

Sergei Trofimov (e-mail: tennisist91@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Professor,
Academy of Military Sciences
(Moscow, Russian Federation)

DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF STATE REGULATION OF THE OIL AND GAS COMPLEX AT THE PRESENT STAGE OF ECONOMIC RELATIONS

In article discusses the development of methodological and practical provisions of state regulation of the oil and gas complex, substantiates the feasibility of developing a practical methodology for state regulation of the oil and gas complex at the current stage of economic challenges, digital and technological changes. The key objectives of the developed methodology are to ensure sustainability and advanced growth rates of the national economy, and achieve technological sovereignty. The regulatory impact is aimed at stimulating the internal economic development of the oil and gas complex, creating the necessary legal and institutional conditions, ensuring the uninterrupted functioning of the industry in the context of the formation of the Sixth technological paradigm. This is achieved through, among other things, the adoption of verified methodological tools, the comprehensive implementation of the latest technologies in all stages of production processes, advanced domestic and foreign regulatory experience, and scaling the most effective management practices.

Keywords: state regulation, oil and gas complex, practical methodology, economically sustainable development, Sixth technological paradigm, technological sovereignty, advanced development.

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 339.7

Михаил Жариков

доктор экономических наук, профессор Кафедры мировой экономики и мировых финансов Факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: michaelzharikoff@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ И КОМПАНИЙ ФИНТЕХ

Цель статьи — сформировать понятие об особенностях поведения компаний, занятых разработкой финансовых технологий, а также об угрозах и возможностях, создаваемых в результате их появления на финансовом рынке. Статья актуальна в связи с тем, что в экономической науке есть задача — установить, какие существуют механизмы адаптации традиционной банковской структуры к условиям финансовой цифровизации, а также имеется потребность ответа на значимые вопросы и вызовы для современного общества, формирующиеся под влиянием финансовых инноваций, с целью минимизировать социальные издержки и максимизировать социально полезный эффект. Практическая значимость результатов статьи определяется наличием новых данных о феномене конкуренции на рынке финансовых услуг, где принадлежит крупнейшим банкам монополия, которая может смениться монополией финтехов. В статье сделаны выводы, содержащие рекомендации для органов финансового контроля, что позволяет сформулировать стратегические направления для регулирования деятельности финтехов в связи с нарастающим народнохозяйственным значением мер кибербезопасности и надежности сделок в эпоху тотальной цифровизации.

Ключевые слова: финтех, коммерческие банки, финансовые инновации, цифровизация, финансовый контроль.

DOI: 10.31857/S0207367624110047

Место и роль новых финансовых технологий в структуре современных капиталистических отношений

В трудах К. Маркса и других ученых-марксистов, таких как К. Каутский, Р. Гильфердинг, В. Ленин, на рубеже XIX–XX вв. вплоть до второй половины XX в. капитал был подробно изучен как феномен и основа современного общества. С учетом различий в подходах к этому понятию у самих марксистов в целом, они считали капитал и сформировавшийся на его базе капитализм одним из этапов развития общества, т.е. особой социально-экономической формацией. Был и еще один важный аспект, в котором они были согласны друг с другом, а именно — то, что этот этап конечен и что за ним следуют другие, более социально-ориентированные и справедливые. Важное отличие в понятиях марксистов о капитале проявляется в том, что если В. Ленин считал появление монополий и крупного монополистического капитала высшей ступенью развития всего капитализма, за которым следует неминуемый его крах, то К. Каутский и Н. Бухарин писали о том, что монополистический капитализм — это новый этап или новая формация в развитии общества, за которым не обязательно следует неминуемый

коллапс собственно капитализма как формации. К началу XXI в. монополии, действительно, проникли во все сферы жизни, укрупнились в ходе централизации и концентрации, отчего стало сложно разделять капитал на виды, которые выделил в свое время К. Маркс, т.е. торговый, ссудный, промышленный. Слияния и поглощения как инструмент этого укрупнения привели к образованию почти генетической связи капиталистических отношений в горизонтальной и вертикальной структуре производства добавленной стоимости, когда стали стираться границы между капиталом в товарно-денежной, банковской и промышленной формах, и чтобы не путаться, всему этому явлению дали название финансового капитала, представленного финансово-промышленными группами. Однако несмотря на существование таких групп, транснациональные корпорации и транснациональные банки в качестве экономических субъектов — все-таки вполне специализированные структуры со своими целями и позициями на рынке [4].

Совсем иначе представляется роль банков, когда их сравнивают с другими финансовыми организациями [1]. В начале XX в. банки и банкиры возглавляли капиталистическую систему. Функция коммерческого банка отчетливо проявилась, когда банки начали использовать денежные средства и депозиты иных лиц, отданные им в рост под процент. В 1873 г. У. Бейджит писал в своей книге «Ломбард Стрит» (цитируя известную фразу Д. Рикардо), что до тех пор, пока банк использует собственные средства, он является лишь капиталистом. Такое сравнение может показаться устаревшим в XXI в. вследствие появления разнообразных финансовых организаций, но в той или иной мере институциональные инвесторы, хедж-фонды, взаимные фонды, пенсионные фонды, частный капитал, управляющие активами — все они используют деньги иных лиц для достижения своих целей. Сегодня к определению Д. Рикардо можно добавить еще одну характеристику, связанную с тем, что современные финансовые институты являются интерфейсом взаимодействия между отдельными лицами и их же капиталом.

В отличие от классической практики банков прибыли или убытки, возникающие от работы многочисленных и многообразных финансовых компаний, перекладываются в итоге на владельцев активов, а в инвестиционном процессе, наоборот, субъекты используют собственные средства [5]. Фонд в этой ситуации служит лишь инструментом долевого участия в прибылях и капиталах. Банки тоже используют депозиты, т.е. денежные средства иных лиц, чтобы осуществлять и расширять кредитную деятельность, но потребители или клиенты рассчитывают на то, что в будущем они получают свои депозиты в изначальном объеме с процентами. Они вряд ли будут мириться с убытками банка по кредитным операциям в периоды кризиса. Вместе с тем они не обязательно получают большую прибыль в период экономического подъема, поскольку решение о выплате дивидендов принимает собрание акционеров [3]. Банки, со своей стороны, принимают на себя и то, и другое — и убытки, и прибыли. Такая практика может дестабилизировать состояние банка, балансирующего на грани либо той, либо другой перспективы и конъюнктуры. Наконец, банк обладает серьезным преимуществом при предоставлении финансовых услуг, поскольку формирование депозитов и кредитные операции являются комплементарными видами предпринимательской деятельности в сфере финансов. Банки в результате стали предоставлять отдельные виды

услуг или вообще все существующие виды финансовых услуг, которые необходимы клиентам, начиная с выпуска кредитных карт и заканчивая ипотекой или консультациями по вопросам покупки ценных бумаг.

Позиции коммерческих банков и финтехов на рынке финансовых услуг

Банковский капитал и финансовый капитал в целом постоянно растут, и к концу первой четверти XXI в. их величина достигла колоссальных размеров. В 2007 г., т.е. до мирового финансового кризиса, совокупные активы небанковских финансовых компаний составляли 100 трлн долл., или 171% мирового валового продукта и 46% всех активов, существующих в той или иной форме капитала. К 2019 г. эти активы увеличились в два раза и составили 223% мирового валового продукта и половину всех активов. Порог 2019 г. очень важен для деятельности банков, в связи с тем, что в 2020 г. началась эпидемия коронавируса и характер предоставления услуг изменился [13]. Тогда срочно потребовались инструменты предоставления услуг через сеть. И учреждения банковского сектора, неспособные быстро адаптироваться к изменившимся условиям и среде бизнеса, уступили некоторую долю своего рынка финтехам. Доля банков уменьшилась в относительных размерах в рамках системы финансов в целом, поскольку здесь начали появляться все новые и новые субъекты. Однако, несмотря на это, банки продолжают играть доминирующую роль в кредитных операциях [2]. Поэтому в вопросах соперничества или конкуренции банков с какими-то другими значимыми финансовыми институтами можно наивно полагать, что им грозят какие-то риски. Тем не менее, если что-то сейчас и угрожает их деятельности, то эти факторы связаны с распространением платежных платформ и других финансовых компаний, интегрировавших в себе функции опосредования финансово-экономической деятельности с современными достижениями в области информации, телекоммуникации, интернета [9]. В настоящее время, по данным Банка международных расчетов, около 50% всех активных операций в мировой практике, включая ценные бумаги и непосредственно кредиты, находятся в сфере интересов структур, которые относятся к категории небанковских, по сравнению с 38,5% доли коммерческих банков. При этом их доля очень быстро растет. Только в 2019 г. она выросла почти на 9%, тогда как кредиты банков выросли всего на 4,6%. Несмотря на это, банки продолжают оставаться преобладающим источником специализированных кредитов. По данным на конец 2019 г., банки предоставили 83% всех кредитов в мире [6]. Наиболее очевидный сдвиг в этой сфере происходит в США с их богатой историей развития рынков капитала, начиная 1940-х годов, когда большие объемы средств, накапливаемые взаимными фондами, получили распространение. В 1980-х годах началась лихорадка долгового страхования, и особенно — облигаций, не имевших рейтинга инвестиционного уровня. Начался бум долга домохозяйств через секьюритизацию, когда кредиты использовали для покупки облигаций и последующих операций купли-продажи. Тем не менее опасения по поводу нарастающего процесса секьюритизации после финансового кризиса вылились в тенденцию, приведшую к тому, что 20% таких активов оказались на балансовых счетах банков. Остальные страны последовали опыту США, и не только потому что власти заставляли банки сокращать портфели

высокорисковых активов. В зоне евро доля финансовых активов, принадлежащих банкам, упала с 60% в совокупном объеме в 2007 г. до 40% в 2019 г. Большую роль в этом процессе сыграла многолетняя политика дешевых денег центральных банков развитых стран. Бесперспективность получения доходов по депозитам и вкладам в банках заставляла экономических субъектов искать альтернативы. Большие доходы обещал рынок ценных бумаг и прочие финансовые рынки. Брокерская деятельность, сделки слияний и поглощений, организация и сопровождение первичных размещений акций привлекали внимание банков, поскольку, несмотря на высокие риски, они освобождали балансовые счета банков от обязательств содержать депозиты. Центральные банки и государство, в принципе, тоже выгадывали от такого положения на финансовых рынках, поскольку низкая ставка позволяла пользоваться дешевым кредитом на различные национальные программы и социальную политику. Одновременно с этим падала необходимость и острота проблемы страхования депозитов, которые потоком стремились в более рискованные инвестиции. И хотя финансовые риски иногда зашкаливали, как в примере ипотечных деривативов, которые спровоцировали обвал и мировой финансовый кризис в 2008 г., но долгосрочная политика низких ставок в целом приучила экономических субъектов к тому, что выгоднее работать на финансовом рынке, стимулировать экономику за счет долгового финансирования, не боясь инфляции и других рисков. Ситуация стала меняться, когда программы налогово-бюджетного стимулирования в период коронакризиса разогнали цены и инфляцию, которую центральным банкам пришлось гасить за счет повышения ставок. Рост ставок укрепил национальные валюты, депозиты вновь обрели популярность, а инвестиции стали затухать, особенно в строительстве и новейших отраслях. В результате обязательства банков стремительно выросли. Государственная задолженность вышла на уровень, который прежде считался запредельным. Росла доходность по гособлигациям, одновременно падал их курс и снижался кредитный рейтинг. В бюджете многих развитых стран обслуживание долга заняло ведущие позиции финансирования. Правда, такая динамика характеризует, главным образом, развитые страны, а многим другим еще только предстоит выйти на этот путь развития [7].

География распространения финтехов

В развивающихся странах складывается несколько иная картина. Они очень сильно зависят от банков по причине ограниченной ликвидности на рынках капитала. Некоторые из их рынков капитала находятся в зачаточном состоянии. Некоторые из стран лишь недавно отнесены к категории стран с развивающимися финансовыми рынками. Другие страны, приобретя этот статус в 1990-е годы и в начале XXI в., потеряли его ввиду серьезного финансового кризиса, охватившего страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки в конце 1990-х годов, а потом и в ходе мирового финансового кризиса. Распространение интернет-компаний и развитие рынков капитала вширь и вглубь в некоторых наиболее значимых развивающихся странах начались со второй половины второго десятилетия XXI в. и, в общем, приобрели положительную динамику благодаря финтехам, которые взяли на себя функции банков в тех географических рамках рынка, которые для

банковской деятельности прежде считались недоступными. Эти финтехы берут за свои услуги небольшую комиссию, в отличие от банков [14]. Следует отметить, что, вне зависимости от уровня развития страны, во всем мире обслуживание банковского кредита обходится весьма дорого. Так, около 7 млн домохозяйств в США до сих пор не имеют доступа к банковским кредитам, поэтому они опираются на деятельность компаний, организующих платежные операции и переводы денежных средств, иногда прибегая к услугам организаций, в некотором роде похожих на ростовщические лавки. Они пользуются услугами ломбардов и даже традиционных менял, занимающихся выдачей средств в день требования, но берут за это очень высокий процент. Кредитные и дебетовые карты обходятся в 1–4% по обслуживанию и в некоторых развитых странах, поэтому чаще всего электронными деньгами могут воспользоваться средний класс и высокодоходный слой общества, получая за свою лояльность, например, компенсацию в форме накопленных бонусов за километры или мили авиаперелетов. По подсчетам ведущих статистических агентств, среднестатистическое домохозяйство в США, которое пользуется электронными деньгами, фактически платит 149 долл. за годовое обслуживание пластиковых карт. И каждое домохозяйство, использующее карты, получает 1133 доллара в год за лояльность в виде подарочных бонусов и долларов, которые может потратить на определенные товары в организациях-партнерах в качестве вознаграждения. Об этом, в частности, говорится в исследовании 2010 г., проведенном экономистами Федерального резервного банка в Бостоне.

Структурные трансформации на финансовом рынке и рынке банковских услуг подготовили почву для появления принципиально новых участников, которые на базе мобильной телефонизации, удаленного доступа, цифровизации бизнес-моделей интегрировали в себе ряд важных функций и заняли свою нишу, получив название финтехов. Хотя эта категория не совсем удачно и полно отражает содержание самого феномена интеграции финансов и технологий, поскольку не объясняет, какие именно финансы и технологии интегрируются, но тем не менее финтехы имеют разные проявления и круг деятельности. И в целом, их задача состоит в упрощении и удешевлении услуг, которые традиционно были прерогативой банков [8]. В частности, финтехы создали новые платежные системы, которые достаточно просты и недороги в обращении. Одна из таких платежных систем UPI около десяти лет назад была создана в Индии. На базе современных телекоммуникационных средств она формирует связь мобильных телефонов (чаще всего смартфонов) с биометрическими данными и банковскими счетами, предоставляя более дешевые возможности доступа к финансовым услугам для миллионов граждан страны, которые до определенного момента, в особенности до эпидемии коронавируса, никогда не имели счетов в банках. Эпидемия сыграла тут большую роль, поскольку очень быстро потребовались бесконтактные и удаленные способы доставки денежных средств и организация товарно-денежных потоков для обеспечения товарами первой необходимости. С этой точки зрения Индия была относительно готова к локдаунам, поскольку в период с 2014 по 2018 г. уже 315 млн индийцев, у которых до этого не было никаких банковских счетов, открыли их и положили на них депозиты в сумме свыше 800 млрд рупий, или 12 млрд долл., получив при этом 283 млн дебетовых карт [12].

Оценка издержек и выгод внедрения новых финансовых технологий

В связи с тем, что процессы конкуренции приводят к обострению вопроса управления и минимизации рисков, механизмы оптимизации бизнеса становятся все более значимыми. Исторически сложилось так, что самый главный риск для банковской деятельности возникает вследствие формирования баланса долгосрочных обязательств и краткосрочных кредитных операций. Большинство небанковских структур осуществляют трансформацию средств на балансе по срокам обращения депозитов и ликвидности, в результате чего банки оказываются уязвимыми в периоды паники. По данным Совета финансовой стабильности, 29% из 200 трлн долл. в виде активов, которые находятся в руках небанковских финансовых институтов, представляют собой риски, которые не берут на себя банки, и доля эта растет. Большинство небанковских активов сконцентрированы в инвестиционных фондах, которые обеспечивают ликвидность. Они стремятся стать в один ряд с другими институтами, банками, и поэтому принимают срочные депозиты. Привлечение средств на депозиты небанковских структур осуществляется часто за счет пенсионных фондов. Пенсионный фонд, в отличие от банка, застрахован от вероятности немедленного оттока депозитов, поскольку он выплачивает страховую премию постепенно, например в течение следующих 30 лет после выхода клиента на пенсию. Пенсионный фонд при планировании собственных инвестиций понимает, что какая-то часть ликвидности может приносить дополнительный доход, если инвестировать ее в небанковский сектор. Таким образом, аккумулированные средства пенсионного фонда создают доход в фонде управления акционерным капиталом сроком более 10 лет. Эта распространенная финансовая инновация стимулировала деятельность конкурентов банков и создала большие прибыли в отрасли. Однако поскольку непредвиденные обстоятельства все равно периодически возникают, и расчет на сроки востребования средств не всегда оправдывается, небанковские институты создают своей практикой большие риски [10].

Рассмотрим выгоды, которые возникают в сегменте финтехов благодаря конкуренции с традиционными кредитно-денежными институтами. Получая средства пенсионных фондов и других фондов долгосрочного характера, например страховых, финтехи, как и коммерческие банки, пользуются возможностями, которые им дает экономия благодаря существованию эффекта масштаба. Далее включается механизм финансовых технологий и инноваций, который до конца неизвестен по причине малой транспарентности в отрасли. Со своей стороны, крупные банки диверсифицируют издержки, связанные с их деятельностью, включая затраты на работу отделений и издержки маркетинга, перекладывая их на плечи многочисленных клиентов. Финтехи, в т.ч. платежные платформы в интернете, поступают точно так же, диверсифицируя издержки за счет еще большего числа пользователей, привлеченных сниженной комиссией за обслуживание. Возможность получения дохода за счет клиента, который открывает счет в банке, начинает приобретать широкие масштабы вместе с ростом размеров бизнеса и массовости. И если коммерческий банк может предлагать выгодные по цене услуги благодаря наличию множества клиентов, его возможности ограничены арифметической прогрессией, тогда как стоимостное выражение услуг,

предоставленных в рамках платежной платформы в интернете, может расти в геометрической прогрессии и иногда экспоненциально – вместе с расширением сети, не имеющей национальных границ. Из средств массовой информации часто слышатся жалобы органов финансового контроля США по поводу того, что в банковской системе страны растет уровень концентрации вследствие волн слияний и поглощений, в результате которых в США рынок банковских услуг практически полностью контролируют четыре крупнейших банка, несмотря на существование нескольких тысяч других мелких банков. Однако сравнительное преимущество финтехов, платежных платформ и т.д. отличается от преимуществ в банковской деятельности тем, что здесь один финтех может сконцентрировать на себе работу всей сети и поглощать максимальную прибыль в отрасли просто потому, что, например, у компании Meta число пользователей достигает трех миллиардов благодаря Facebook [11].

Тем не менее монопольные позиции и тех, и других финансовых институтов могут меняться из-за появления все новых угроз. Например, появление мобильных банковских приложений, с одной стороны, способствовало упрощению, ускорению элементарных операций, для совершения которых прежде надо было идти в отделение банка и стоять в очереди. Мобильные банковские приложения произвели настоящую революцию в сфере традиционных банковских услуг, которая в архаичной форме дожила до начала XXI в. и, по сути, уступила свое место онлайн-банкингу лишь с наступлением эпидемии и локдаунами. С другой стороны, те же мобильные приложения, обеспечив предоставление некоторых банковских услуг в круглосуточном режиме и даже по выходным и праздничным дням, поставили ряд региональных американских банков в марте 2023 г. на грань провала, и если раньше паника и очереди за вкладами создавали для банка угрозу обвала только в будние дни и часы рабочего дня, тем самым страхуя банк, по крайней мере на какое-то время, в течение которого можно было разработать план действий на следующий день или день, следующий за выходными, или найти ликвидность для удовлетворения острой потребности в деньгах со стороны клиентов, то теперь мобильное приложение позволяет выводить средства со счетов, минуя временные и прочие рамки. В результате, банки Silicon Valley и First Republic потерпели катастрофу, и чтобы она не перекинулась на остальные банки и финансовую систему США в целом, Федеральной резервной системе пришлось вмешаться и создавать кредитные линии наиболее проблемным среди региональных банков. В настоящее время происходит взрывной рост небанковских финансовых фирм как по количеству, так по и качеству операций, отчего балансовые счета, которые банки используют для осуществления кредитных операций, теряют свою ценность или значимость для массового клиента. Кроме того, широкое распространение деятельности крупных интернет-компаний позволяет им использовать конкурентную силу собственных электронных платформ, вступать в острую борьбу с банками путем подключения пользователей или подписчиков в основной сфере деятельности. Такая концентрация создает ощущение, будто вся отрасль сосредотачивается в виде одной-единственной кнопки, при нажатии которой финансовая система в определенный момент времени может рухнуть. Примеров тотальной концентрации в мировой практике

достаточно много. Например, в Сингапуре есть мобильные приложения Grab, а в Индонезии – Godjik, и оба они начинали свою деятельность с предоставления услуг вызова такси, а теперь превратились в значимых финтехе. Или другой пример – Mercado Pago, которое является финансовым подразделением крупнейшего латиноамериканского сайта электронной торговли Mercado Libre. Они и подобные им финтехи или платформы, интернет-площадки создали более позднюю модель финансовых услуг на базе первоначального доминирования на простейшей услуге в смартфоне, которую клиенты используют каждый день. Другие яркие примеры этого феномена включают компании Alipay и WeChat Pay в Китае. Еще одна платформа Ant Group, впоследствии финансовое подразделение Alibaba, возникла в связи с тем, что покупатели в свое время активно становились подписчиками и клиентами Alibaba, электронной интернет-платформы, которая давала им надежный способ платежа или денежного перевода. Услуга Alipay первоначально предоставлялась на основе счета эскроу, чтобы перечислять средства продавцам после того, как покупатели получили приобретенные продукты. Однако вскоре был осуществлен запуск этой функции в виде мобильного приложения на смартфоне. В 2011 г. эта компания стала пионером в использовании в своей деятельности QR-кодов для проведения платежей, и теперь, десять лет спустя, формирование этих кодов настолько просто, что каждый мелкий субъект, предприниматель может его сгенерировать для удобства и скорости процесса купли-продажи. В настоящее время владельцу магазина достаточно предъявить этот код, чтобы получить денежный перевод. Такое средство платежа стало широко распространяться, создавая за счет массовости сначала китайского населения, а потом и населения многих других стран, основу взлета компании Alipay. Сегодня эта компания имеет свыше 1,7 млрд пользователей, и через ее системы и интернет-приложения проходят платежи на сумму 16 трлн долл., что почти в 25 раз больше, чем соответствующий показатель для PayPal, крупнейшей компании, платформы онлайн-платежей, работающей за пределами Китая.

Конкурент системы Alipay появился в 2013 г. в лице компании Tencent, которая добавила платежную функцию к ведущему китайскому мобильному приложению WeChat для пересылки разнообразной информации, включая финансовую. В результате за десять лет развития обе компании добились того, что обрабатывают около 90% всех сделок через мобильные приложения в Китае. У коммерческих банков в Китае данная тенденция развития вызвала настоящий шок, поскольку Alipay и WeChat берут за свои услуги всего 0,1% в виде комиссионных сборов с каждой сделки, т.е. меньше, чем процент, который банки берут за обслуживание, например, дебетовых карт. В разных странах мира комиссионные сборы за осуществление посреднических сделок резко упали именно вследствие распространения таких компаний. Для компаний, занятых в области финансовых технологий, такая деятельность является привлекательной в плане развития конкуренции. В Индонезии эти комиссионные сборы упали с 2 до 0,7%. По внешней видимости складывается представление, что растет удовлетворенность клиента за счет роста потребительского излишка на рынке банковских услуг. Однако при этом большая угроза состоит в том, что платежные платформы могут стать механизмом перекачки и клиентов, и ликвидности в виртуальное пространство

небанковского сектора, и прежде всего в пользу финтехов. Так, уже сегодня есть технологии, которые на основе информации, аккумулируемой в процессе совершения сделок компаниями Ant, Grab и Tencent, позволяют устанавливать кредитоспособность или кредитный рейтинг заемщика. Компания Ant начала выдавать потребительские кредиты в 2014 г. К 2020 г. развитие ее деятельности привело к расширению рыночной доли до десятой части всех потребительских финансов в Китае. И хотя в эту деятельность в последнее время начали вмешиваться органы государственного финансового контроля, данный финтех не утратил своей значимости на рынке.

Следует также упомянуть о таком достаточно важном преимуществе банков, как оценка кредитоспособности заемщика. Банку, в отличие от финтеха, легче дать оценку возможности или невозможности предоставления займа клиенту благодаря большому опыту и наличию накопленной кредитной истории заемщика или оценки состояния и наличия у него имущества. Банки проверяют степень обеспечения гарантий, на основе которых предоставляется кредит под залог движимого и недвижимого имущества. Большая база в виде кредитной истории позволяет минимизировать издержки, связанные с мониторингом деятельности или жизни заемщика. В XXI в. все чаще информация становится институтом залога вместо имущества, особенно в развитых странах. С другой стороны, информация о потребителях, которой располагают финтехи или платежные платформы, тоже является многообразной, диверсифицированной. Однако, чтобы ею воспользоваться, требуются существенные ресурсы и вложения, поскольку структуризация, анализ, классификация, стратификации данных — очень трудоемкий и затратный процесс, требующий специальных знаний и технических средств. Кроме того, финтехи ограничены в правах использования клиентских данных, и обычно они могут этим заниматься до тех пор, пока государство не вмешается в их деятельность. Например, до начала активной кампании за ограничение деятельности финтехов в Китае была создана некая асимметричность информации, в рамках которой кредиторы знают больше о готовности заемщиков выплачивать долги, чем сами заемщики. За последние пять лет крупнейшие интернет-компании, компании финансовых технологий выдали в кредит по 450 долларов на душу населения в Китае, или около 2% совокупного кредита в стране.

Еще один источник конкурентных преимуществ банковского и небанковского секторов заключается в существовании синергетического эффекта благодаря одновременному предоставлению кредитов и других финансовых продуктов, таких как управление активами, страховая деятельность. Компания Ant осуществила выход в сектор управления активами в 2013 г. в результате запуска продукта Youdao, на основе которого потребитель, имеющий денежные средства, может заработать определенный процент от размещения их в фонде денежного рынка. В 2019 г. был момент, когда Youdao стал крупнейшим в мире фондом денежного рынка по размеру. Далее его деятельность стала сворачиваться, когда центральный банк Китая обязал группу Ant ограничиться и добровольно замедлить экспансию. Тогда группа Ant стала дополнять свою деятельность другими направлениями и начала экспансию на рынок страхования жизни, автогражданского страхования, медицинского страхования в партнерстве с другими компаниями.

В отличие от банков интернет-компании обладают технологическими преимуществами использования своих платформ для осуществления банковской деятельности, поскольку функция организации платежей все больше виртуализируется, и для этого требуются инженерные навыки или компетенции. Такая деятельность даже получила распространение в США, где операторы кредитных карт VISA и MasterCard, которые являются лидерами в организации сети и инфраструктуры пластиковых карт не только на национальном рынке, но и за рубежом, стали испытывать проблемы сохранения клиентов, привлеченных легкостью и дешевизной услуг финтехгов. В результате конкуренции традиционные операторы пластиковых карт в США стали отставать в уровне технической оснащенности от финтехгов, включая зарубежных. Развитие платежных платформ усилилось во время эпидемии коронавируса, вынудившей потребителей делать все покупки в интернете. В это время компания PayPal почти удвоила свою капитализацию на рынке капитала, которая составила около 310 млрд долл., тем самым став самой крупной интернет-платформой по уровню рыночной капитализации в мире. Компания Stripe, занятая в сфере организации и сопровождения корпоративных денежных переводов и платежей, к настоящему времени достигла капитализации в 95 млрд долл. и, таким образом, стала крупнейшей публичной частной компанией США в своем роде. Успех компании Stripe как платформы бизнес-приложений говорит о том, что не только розничная банковская деятельность оказалось под угрозой острой конкуренции со стороны финтехгов, но и банковская деятельность, направленная на исключительное обслуживание корпораций или юридических лиц. Она воспользовалась техническими преимуществами и завоевала высокое доверие со стороны различных предприятий благодаря легкости осуществления платежей через веб-сайты, подключенные к платежной технологии Stripe. Впоследствии Stripe начала экспансию в сферу услуг, сферу управления личными сбережениями и прочих платежных операций.

Однако интернет-платформы не могут осуществлять весь спектр разнообразных видов услуг коммерческих банков, поскольку у них нет такого баланса активов и пассивов, чтобы обеспечить масштабную кредитную деятельность. Здесь преимущество коммерческого банка перед финтехом состоит в том, что он хранит крупные депозиты, которые он может предоставлять в виде кредитов корпорациям. Однако постепенно и это преимущество размывается под влиянием интернет-компаний. И некоторые из них с помощью первичных размещений акций при достижении капитализации в объеме около 40 млрд долл. приобретают своего рода банковскую лицензию, становясь полноценными публичными организациями, обязанными публиковать соответствующую финансовую отчетность и отвечать всем своим капиталом за кредитные риски. Если многие другие интернет-платформы пойдут по тому же пути, то позиции банков претерпят значительные изменения. И финтехи могут занять центральное место в системе классических финансов. Таким образом, крупнейшими в этой сфере могут оказаться группа Ant, Grab или Mercado Pago, а не HSBC, Santander или UBS.

Однако большинство интернет-компаний избегают приобретения лицензии на предоставление банковских услуг. Финтехи решили идти по пути наименьшего сопротивления, действуя по принципу «снятия сливок» в отрасли. Лицензия

на банковскую деятельность означает для финтехов большую ответственность, обременительную для практики и бизнеса. Банки находятся в сфере достаточно жесткого регулирования со стороны государственных органов финансового контроля, и, чтобы выполнять свои функции, они обязаны вести соответствующую финансовую, бухгалтерскую отчетность по государственным и международным стандартам. Реализация ключевых банковских функций предполагает высокие затраты, т.е. банковская деятельность характеризуется высокой капиталоемкостью и достаточностью собственного капитала. Мировой рынок банковских услуг оценивается в сумму около 3 трлн долл. В среднем владение акциями ведущих банков мира приносит 5–6% прибыли на одну акцию. Таким образом, степень свободы и простор для осуществления ключевых и побочных функций на уровне коммерческих банков весьма ограничены. Со своей стороны, деятельность финтехов является значительно более гибкой и пока не подпадает под особый надзор государства. Рынок финансовых продуктов, создаваемых финтехами, платежными компаниями, интернет-платформами и т.д., обеспечивает валовой доход в размере 2,5 трлн долл. При этом отдача на одну акцию в этих компаниях достигает 20%. Так, сначала группа Ant стремилась позиционировать себя как лицензионную банковскую организацию на интернет-площадке. Она первоначально предоставляла кредиты и учитывала их на балансе как ценные бумаги или осуществляла их пакетирование на основе секьюритизации ценных бумаг, продавая их другим финансовым институтам. Однако из-за критики в адрес руководства страны и органов финансового контроля основатель группы Джек Ма перестал быть фаворитом правительства и утратил поддержку со стороны государства. Государство принялось активно управлять деятельностью финтехов. А поскольку основное требование государства к эмитентам ценных бумаг — наличие определенного объема собственного капитала как гарантия активных операций, то распространение норм регулирования банковской деятельности на финтехи привело к значительным издержкам и сокращению прибыли. Еще одним сегментом функционирования этой компании было финансовое посредничество. Группа Ant выступила в качестве проводника между банками и другими финансовыми организациями, пытаясь образовать связь и коммуникации между заемщиками и кредиторами. Однако органы финансового контроля страны обеспокоились тем, что группа Ant вряд ли может обладать широкими возможностями в этой сфере бизнеса, и потребовали от нее увеличить уровень достаточности капитала. В результате группа Ant была вынуждена создавать новую бизнес-модель, благодаря которой произошел ее резкий взлет. Быстрый рост финтехов привел к тому, что банки перестали быть единственными институтами, претендующими на лидерские позиции в кредитной деятельности и посреднических услугах, связанных с сопровождением первичного размещения акций или эмиссии ценных бумаг, куда стремятся вклиниться многие интернет-платформы. Кроме того, баланс сил на рынке традиционных банковских услуг постепенно сдвигается в пользу небанковских структур, хотя, по данным Совета финансовой стабильности, международного консультативного объединения представителей органов финансового контроля крупнейших стран мира, капиталистические институты, как правило, продолжают выступать в качестве наиболее важных игроков.

Негативный момент деятельности финтехов связан с потенциальным усилением их монополистической власти на рынке. В настоящее время экспертное сообщество, в основном, обсуждает проблемы роста влияния финтех-монополистов — интернет-платформ, концентрирующихся на перекрестных видах деятельности. Особое внимание привлекает проблема охраны и трансфера пользовательских данных. И если прежде финтех в режиме онлайн был способен с высокой степенью достоверности установить, удовлетворяет ли клиент необходимым квалификационным требованиям, чтобы претендовать на получение кредита, то в текущих условиях усугубления проблемы кибербезопасности необходим более эффективный и быстрый подход к оценке качества и классности субъекта на основе опыта финансовых организаций, которые предоставляют подобные услуги. Таким образом, сложилась идея совместного использования данных, которая получила название открытой банковской деятельности, или открытого банкинга. Она нашла одобрение со стороны органов финансового контроля, прежде всего в Европе. Другая проблема заключается в том, что интернет-платформы, на самом деле, злоупотребляют своим доминирующим положением на рынке, используя эффект масштаба и экономии издержек, поскольку деятельность интернет-платформ охватывает широкие массы населения мира. И, накопив значительные средства благодаря этой массовости, они превращаются в важнейшего субъекта финансовых, экономических, правовых отношений на пересечении законодательств разных стран мира. Этим объясняется реакция органов финансового контроля в Китае на активную деятельность крупнейших компаний финансовых технологий и интернет-платформ. В частности, проблемы группы Ant начались в ноябре 2020 г., когда органы финансового контроля запретили ей выходить на биржу со своими акциями, т.е. осуществлять первичное размещение акций. Теперь все компании этой отрасли вынуждены разрабатывать новые формы и оболочки для своих продуктов, получать новые лицензии на ведение соответствующих видов деятельности, а также повышать уровень достаточности капитала. Таким образом, они должны работать практически как банки, стремиться быть похожими на традиционные банки.

Уроки трансформации финансов в результате процесса цифровизации

Выводы, которые следует сделать по итогам проведенного исследования, касаются вопроса, способна ли нарождающаяся система цифровых финансов и финтех выдержать серьезный кризис, не опрокинет ли она и без того хрупкую международную финансовую архитектуру. В Европе органы финансового контроля видят в расширении деятельности финтехов серьезную проблему и угрозу. Власти сталкиваются с перспективами увеличения объема данных, которые будут аккумулироваться в системе платежей, следовательно, могут применяться в других сферах деятельности. Это связано с тем, что в области правового обеспечения функционирования экономики и ее институтов или инфраструктуры невозможно представить существование системы организации платежей в отдельности от приоритетов в сфере использования данных. Это заставило Еврокомиссию начать активные действия по обсуждению и принятию общеевропейского законодательства, чтобы сосредоточиться на защите приватности и конфиденциальности личных данных резидентов. Дополнительную роль при этом играет задача минимизация рисков роста рынка фиктивного или спекулятивного капитала.

Возможно, что банковские балансовые счета будут продолжать оставаться источником финансирования кредитов в будущем, но поскольку банки — это единственные институты, которые по закону могут принимать депозиты и создавать условия для их страхования, их роль вряд ли исчерпается в этом отношении. Тем не менее появление более широкого спектра участников на рынке банковских услуг усложняет задачу органов финансового контроля. И если в период мирового финансового кризиса 2007—2009 гг. Федеральная резервная система США осуществляла интервенции на рынок капитала для стабилизации финансовой системы и архитектуры, ей было значительно проще устанавливать критерии финансовых и кредитно-денежных учреждений, которые могли рассчитывать на помощь в виде свободной ликвидности, то теперь, в условиях такого же потенциального кризиса, делать различие придется не только между коммерческими и инвестиционными банками, которые могут (или не могут) принимать депозиты и одновременно использовать их на инвестиции, но и между существующими банками и нарождающимися финтехами. Мировой финансовый кризис научил органы финансового и кредитно-денежного контроля, центральные банки действовать более эффективно. Результаты нового финансового регулирования, в принципе, дали свои плоды. И в марте 2020 г., и в марте 2023 г., когда рынки капиталов охватила паника, банковская система в ведущих странах мира осталась в целом невредимой, особенно крупные, системообразующие финансовые институты. Однако, в противоположность функции кредитора последней инстанции для коммерческих банков, ФРС стала выступать в роли маркетмейкера последней инстанции и напрямую осуществлять интервенции на кредитные рынки. Масштаб количественного смягчения в США и ЕС приобрел такую динамику, которая спровоцировала стремительный рост цен и необходимость увеличения ключевой ставки. Новые попытки стабилизации финансовых рынков усложняют задачу ФРС в части определения субъектов, которые подлежат спасению (bail-out). Понятно, что финтехи вряд ли подлежат спасению в условиях финансового кризиса в обозримой перспективе. Однако в случае их роста и распространения, возможно, центральным банкам придется пересматривать данный подход, поскольку допустить провал одного крупного финтеха может означать заражение по цепочке других финансовых институтов как традиционной банковской системы, так и формирующейся виртуальной или цифровой. По мере изменений, которые происходят в мире сегодня под влиянием финансовой цифровизации, аппарат реагирования или инструментарий органов финансового контроля и центральных банков нужно будет адаптировать к новым реалиям.

Литература

1. Ангелина И.А., Антонец В.Г. Тенденции цифровой трансформации рынка финтех-услуг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 2—1. С. 314—324. DOI: 10.34670/AR.2024.89.74.020
2. Андреев А.В. Финтех в торговом финансировании // Банковское дело. 2022. № 8. С. 62—63.
3. Бердников Р.А. Инновационные финтех-технологии управления корпоративными финансами в эпоху цифровизации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2024. Т. 13. № 2 (47). С. 29—33.
4. Березкин Ю.М. Ранний Маркс и современный «финтех» // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 2. С. 389—406.

5. *Гиниятова Д.К.* Финтех как фактор, стимулирующий развитие экономики: современное состояние и будущее // Академическая публицистика. 2022. № 3–2. С. 63–68.
6. *Кишцецкая А.М.* Финтех: современные тенденции и вызовы для денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 137–151. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-137-151
7. *Корсунова Н.Н.* Периодизация финтех и ее роль в банковском обслуживании корпоративных клиентов // The Scientific Heritage. 2021. Т. 65. № 3. С. 31–34. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-65-3-31-34
8. *Луняков О.В.* Традиционные и альтернативные кредитные рейтинги: финтех-компании vs банки // Банковские услуги. 2022. № 1. С. 18–27. DOI: 10.36992/2075-1915_2022_1_18
9. *Магомадова М.М.* Анализ состояния отрасли финтех-индустрии в России // ФГУ Science. 2022. Т. 28. № 4. С. 125–132. DOI: 10.36684/37-2022-28-4-125-132
10. *Наркевич С.С.* Подходы к классификации инновационных финансовых технологий (финтех) // Инновации. 2019. Т. 247. № 5. С. 54–60. DOI: 10.26310/2071-3010.2019.59.69.008
11. *Туржанский Г.А.* Финтех и его влияние на мировой финансовый рынок // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1. № 1. С. 96–108.
12. *Хасанишина К.А.* Стратегии взаимодействия банков и финтех-стартапов // Финансовая экономика. 2021. № 4. С. 94–96.
13. *Doszhan R.D., Dutta A., Kuanova L.A.* Fintech and covid-19: reflections and considerations for a financial market // Вестник университета Туран. 2024. Т. 102. № 2. С. 25–37. DOI: 10.46914/1562-2959-2024-1-2-25-37
14. *Martynov P.* Affiliate marketing as a part of the digital marketing strategy of banks and fintech companies // Technoeconomics. 2023. Т. 2. № 2 (5). С. 45–53. DOI: 10.57809/2023.2.2.5.4

Mikhail Zharikov (e-mail: michaelzharikoff@gmail.com)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Department of World Economy and World Finance,

Financial University under the Government of the Russian Federation

(Moscow, Russian Federation)

THE SPECIFICS OF COMPETITION BETWEEN COMMERCIAL BANKS AND FINTECHS

The article aims to form the notion of the specific workings of companies developing financial technologies as well as threats and opportunities created as a result of their emergence on the financial market. The article is time-relevant because economic theory today has a need to understand whether there are methods to adapt the traditional banking industry to conditions of digitalization in finance. It also offers answers to important questions and challenges for modern society that came into being under cutting-edge financial innovations, to minimize social costs and maximize the benefits for society. The practical significance of the article's outcomes is determined by the newly uncovered data of the phenomenon of competition on the financial services market where the banking monopoly may be replaced by the monopoly of fintechs. The author comes to conclusions that contain some recommendations for bodies conducting financial control which allow to formulate strategic ways of regulating the functioning of the fintechs caused by growing national security concerns of using financial technologies, cybersecurity and integrity of transactions in times of total digitalization.

Keywords: fintechs, commercial banks, financial innovations, digitalization, financial control.

DOI: 10.31857/S0207367624110047

© 2024

УДК: 339.9; 336.02

Ирина Квашнина

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: irina.kvashnina@gmail.com)

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ КАПИТАЛА: АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ

В статье рассматривается влияние внешних санкций и ответных мер Российской Федерации на трансграничные потоки капитала. Анализ международной инвестиционной позиции показывает, что после рекордного оттока капитала по всем каналам в 2022 г. происходит замедление этого процесса, а в части прочих инвестиций имеет место их приток. Положительная динамика наблюдается и в российских инвестициях за рубеж. Несмотря на усиление внешнего давления, в том числе через вторичные санкции, все участники внешнеэкономической деятельности адаптируются к новым условиям. Органы управления сформировали комплекс мер, который позволяет достаточно эффективно контролировать и регулировать капитальные потоки. Большая часть иностранных компаний в разных формах остается в РФ или переносит производство в дружественные страны с сохранением российского рынка. Российский бизнес реструктурирует свои активы, переводит их в другие юрисдикции, покупает оставленные иностранными собственниками компании, ищет новые рынки и фондовые площадки. Вместе с тем принятие обоюдных ограничений на трансграничное движение капитала имеет негативные последствия и риски для российской экономики. В их числе: повышение волатильности рубля в связи со снижением влияния финансового счета, увеличение долговой нагрузки; падение ликвидности фондового рынка; проблемы с управлением предприятиями после перехода к российским собственникам, технологическое отставание и др.

Ключевые слова: движения капитала, платежный баланс, санкции, прямые иностранные инвестиции.

DOI: 10.31857/S0207367624110058

Происходящие в последние годы изменения в мировой экономике и геополитике самым непосредственным образом отражаются на участии РФ в международном движении капитала. Введенные после начала Специальной военной операции на Украине западными (в широком смысле) странами и их союзниками беспрецедентные санкции в отношении российской экономики, а также принятые ответные меры, сказываются на объемах и конфигурации перемещаемых капитальных потоков в Российскую Федерацию и из нее, вынуждая всех субъектов внешнеэкономической деятельности адаптироваться к новым условиям.

Изменения в структуре и динамике трансграничных потоков капитала

Последовавшее за глобальным финансовым кризисом 2007–2009 гг. наращивание внешнеэкономической активности сопровождалось, в том числе, и восстановлением инвестиционной деятельности. Рост совокупных активов и обязательств в 2016–2021 гг., даже несмотря на кризис, вызванный эпидемией COVID-19, привел к тому, что их объемы в 2021 г. достигли максимальных размеров и сравнялись в годовом выражении с пиковыми значениями 2013 г. (табл. 1). Увеличение в период с 2016 по 2021 г. потоков капитала сопровождалось повышением их роли относительно ВВП – 157% в среднегодовом исчислении

против 123% в среднем за 2013–2015 гг., что позволяет говорить (даже с учетом корректировки ВВП в долларовом выражении) о некотором увеличении открытости российской экономики в указанный временной отрезок (табл. 1).

События 2022 г. внесли существенные изменения в платежный баланс и международную инвестиционную позицию Российской Федерации [1]. После начала СВО недружественные страны ввели широкомасштабные санкции против РФ, в том числе направленные на ограничение доступа государства, бизнеса и граждан к их зарубежным активам, а также на минимизацию возможностей получения капитала, технологий и инвестиций на основных зарубежных рынках. Среди ответных мер российского руководства можно выделить введение ограничений на движение капитала, усиление валютного контроля, ужесточение регуляторных механизмов в отношении иностранных компаний.

Таблица 1

Накопленные активы и обязательства РФ
(млрд долл. США, на 1 января)

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Активы	1178	1241	1347	1344	1514	1569	1652	1613	1553
Прямые инвестиции	375	427	477	436	501	472	487	398	314
Портфельные	68	72	74	69	80	108	117	81	68
Производные фин. инструменты	11	7	5	6	5	7	6	1	0,4
Прочие инвестиции	355	358	358	364	373	387	410	552	573
Резервные активы	368	378	433	469	554	596	631	582	582
Обязательства	839	1021	1067	969	1155	1052	1167	843	696
Прямые инвестиции	348	478	530	497	587	540	610	462	334
Портфельные	142	216	230	207	302	256	274	149	148
Производные фин. инструменты	9	7	5	5	6	8	6	1	0,8
Прочие инвестиции	340	321	302	260	260	248	271	230	213
Чистая международная позиция	339	220	280	374	360	517	485	770	857
Чистая международная позиция без резервных активов	–29	–158	–153	–94	–195	–52	–146	188	275
Совокупные активы и обязательства	2017	2262	2414	2316	2669	2621	2819	2456	2249
ВВП в долл. США в текущих ценах	1363	1277	1574	1657	1693	1489	1779	2274	2000

Источники: Банк России. Статистика внешнего сектора. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 20.11.2023, 17.06.2024); Мировые финансы. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 17.06.2024).

По итогам двух лет (2022–2023 гг.) совокупные иностранные обязательства снизились на 40% (471 млрд долл. США) (см. табл. 1). Больше половины этого сокращения пришлось на прямые инвестиции. Изъятие ПИИ происходило преимущественно в форме погашения задолженности перед иностранными компаниями и банками. Портфельные инвестиции снижались за счет существенного сокращения покупок российских акций и продажи нерезидентами суверенных ценных бумаг. Отрицательная динамика обязательств по прочим инвестициям (снятие нерезидентами средств в российских банках и снижение кредиторской задолженности) была не столь сильно выражена (см. табл. 1).

По сравнению с пассивами сокращение совокупного объема активов РФ¹ к началу 2024 г. было не таким существенным – на 6% (99 млрд долл.) и, как отмечает Банк России, в значительной степени было обусловлено отрицательной переоценкой финансовых инструментов из-за ослабления валют и редомициляцией ряда компаний в российскую юрисдикцию [2]. Что касается прочих инвестиций за рубеж, то они не только увеличились, но и достигли максимальных значений за последние 9 лет (см. табл. 1), в том числе за счет увеличения торговых кредитов и авансов российскими компаниями и средств на текущих счетах и депозитах за рубежом физическими лицами. Снижение иностранных пассивов привело к рекордному росту чистой международной инвестиционной позиции РФ за 2023 г. – 857 млрд долл. (или больше 40% ВВП) (см. табл. 1).

Увеличение вывоза капитала происходило и по линии частного сектора, о чем говорят данные по текущему экспорту/импорту капитала. После всплеска 2014 г., вызванного первым этапом санкций, положительное сальдо финансовых операций частного сектора² снизилось в абсолютных и относительных размерах (рис. 1, 2). С 2015 по 2021 г. чистый отток капитала в среднем составлял около 45 млрд долл. в год (примерно 3% ВВП), увеличившись в 2022 г. до максимальных за всю историю РФ значений в 217 млрд долл. США (9,5% от ВВП) (рис. 1, 2). Масштабный отток капитала по линии частного сектора происходил на фоне существенного увеличения положительного сальдо *текущего счета* платежного баланса 2022 г. и был обусловлен теми же причинами, которые были обозначены выше. Главными каналами оттока капитала из страны стали:

- предоставление торговых кредитов и авансов³;
- погашение ссуд и займов российскими банками и нефинансовыми компаниями;
- покупка физическими лицами иностранной наличной валюты и открытие валютных счетов в иностранных банках;
- вывод прямых иностранных инвестиций (ПИИ) иностранными инвесторами [3. С.1–2].

¹ Замороженная часть резервных активов по-прежнему отражается в платежном балансе.

² С 2018 г. Банк России изменил терминологию в статистике внешнего сектора: вместо понятия «чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором» используется термин «финансовые операции частного сектора». Положительное сальдо финансовых операций частного сектора соответствует чистому кредитованию, отрицательное – чистому заимствованию.

³ Из-за изменения условий значительная доля импорта стала авансироваться, а кредитование экспорта перешло преимущественно к отечественным банкам.

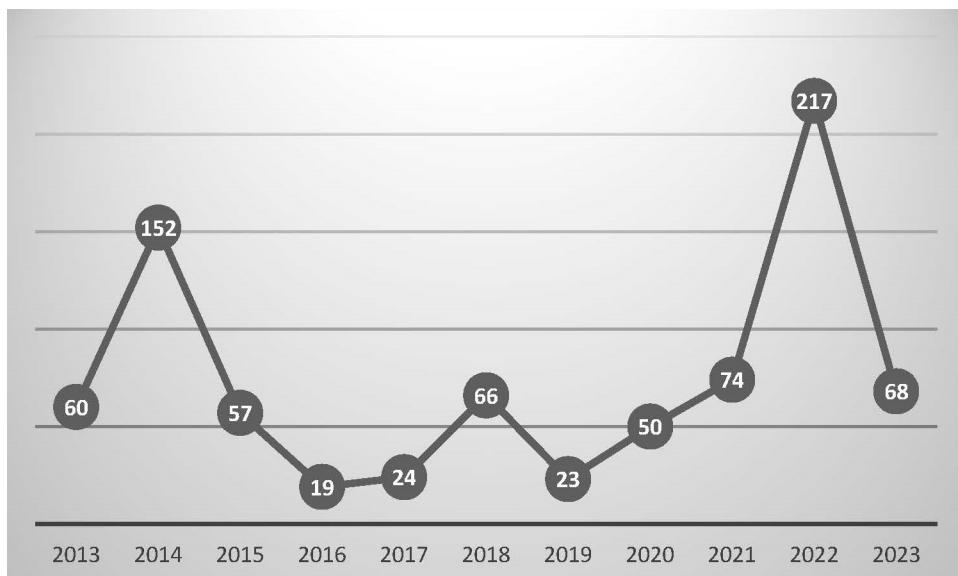

Рис. 1. Чистый отток капитала частного сектора, млрд долл. США

Источник: Доклад о денежно-кредитной политике. № 1(41) февраль 2023. С. 5. Банк России. Статистика внешнего сектора. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 20.12.2023).

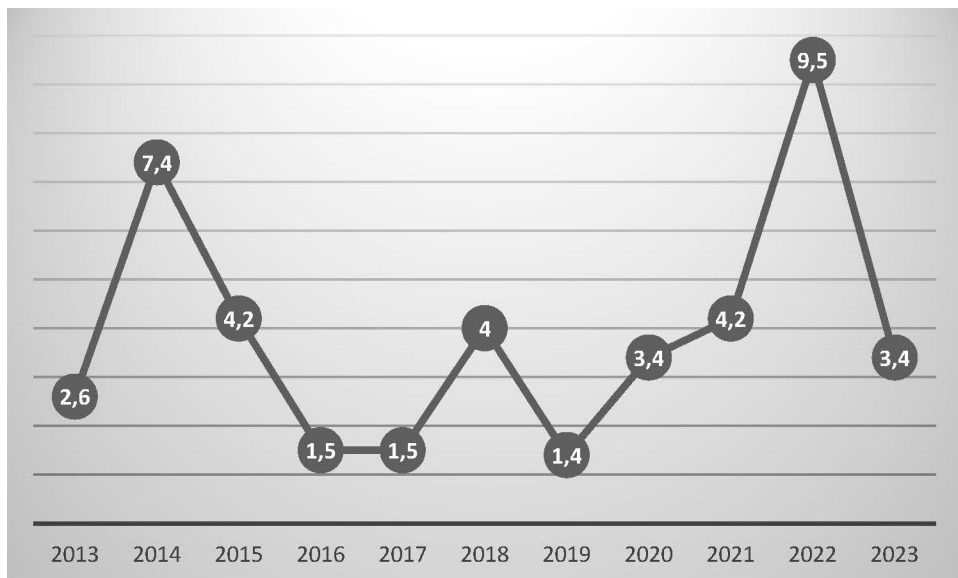

Рис. 2. Чистый отток капитала частного сектора, в % от ВВП

Источники: Статистика внешнего сектора. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 20.12.2023); Мировые финансы. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 17.06.2024).

По мере сокращения сальдо платежного баланса отток капитала по всем перечисленным каналам должен снижаться. Его величина, при отсутствии новых внешнеэкономических шоков, по прогнозу Банка России, упадет к 2025 г.

до 44 млрд долл., т.е. вернется к средним значениям, которые были до введения санкций [4. С. 5].

В 2023 г. сальдо текущего и финансового счета уже сократилось, соответственно, в 4 и 5 раз по сравнению с предыдущим годом. Со стороны обязательств имело место кратное замедление сокращения прямых и портфельных инвестиций, а отток прочих инвестиций сменился их притоком. В российских инвестициях за рубежом наблюдался рост ПИИ (после спада 2022 г.), сохранилась положительная динамика в части прочих инвестиций, а отток портфельных вложений сократился в 2 раза [5]. По предварительной оценке, в первом полугодии 2024 г. продолжилось снижение внешних обязательств экономики (6,4 млрд долл. США), что в основном обусловлено сокращением задолженности по привлеченным кредитам, в том числе в рамках отношений прямого инвестирования, а также по выплате дивидендов. Иностранные активы выросли на 41,0 млрд долл. США, в том числе в связи с увеличением лагов в расчетах по внешнеэкономической деятельности и ростом прочих инвестиций [6].

Ответные меры и адаптация к западным санкциям

Введенные западными странами (в широком смысле) санкции против российского финансового сектора имели целью отрезать государство, бизнес и отчасти физических лиц от их зарубежных активов, лишить российские компании и отрасли доступа к получению новых инвестиций и займов, ограничить получение капитала на западных финансовых площадках для всех участников внешнеэкономической деятельности, подтолкнуть уже действующие в РФ ТНК к пересмотру стратегии [1, 7].

Большая часть замороженных российских суверенных активов находится на территории Европейского союза – около 226 млрд долл. США, из которых 206 млрд – на счетах бельгийского депозитария Euroclear. Еще около 5 млрд заблокировано в США [8. С. 53]. По оценкам Банка России, объем заблокированных активов российских юридических и физических лиц (без учета государственных средств) на конец 2022 г. составил 5,7 трлн руб., из которых 20% принадлежали частным лицам [9].

Заморозка российских активов сопровождалась введением ограничений на инвестиции в РФ: США сразу наложили запрет на новые инвестиции во все сектора российской экономики. Страны ЕС с принятием новых пакетов поэтапно расширяют инвестиционные санкции и распространяют их на новые сектора и производства, делая при этом некоторые исключения. Секторальные ограничения недружественных государств дополняются санкциями против отдельных компаний и их владельцев. За 2022 г. число российских компаний под санкциями выросло почти в два раза – до 2,9 тыс., а к началу 2024 г. еще раз удвоилось – до 6,8 тыс. [10]. Продолжением и составной частью финансовых санкций стали ограничения против Санкт-Петербургской биржи (СПБ) и Национального расчетного депозитария (НРД). К весне 2024 г. под самыми строгими санкциями SDN находилось более 40 российских банков, аккумулирующих 90% банковского капитала страны [11]. По мере исчерпания имеющегося спектра санкций акцент смещается в сторону контроля над их исполнением и введением вторичных санкций, под них подпадают и иностранные компании, и финансовые

организации. Так, после ужесточения (с конца 2023 г.) режима вторичных санкций банки дружественных стран резко увеличили число отказов в проведении платежей, связанных с Россией, увеличились сроки платежей, размер комиссии и объем запрашиваемой документации [11]. В то же время возможны и решения об исключении тех или иных позиций из санкционных списков. Так сделали США в отношении некоторых банков по сделкам в сфере энергетики.

Ответные меры, предпринятые Центральным Банком и Правительством РФ, позволили стабилизировать финансовую ситуацию, не допустить обвала рубля, обесценения активов, бегства капитала и кризиса банковской системы. В их числе были: резкое повышение ключевой ставки, валютное регулирование (с введением обязательной продажи выручки экспортерами), перевод части расчетов в рубли и валюты дружественных стран, ограничения на движение капитала. Жесткие ограничения на перемещение капитала, введенные изначально, по мере стабилизации ситуации были частично пересмотрены в сторону смягчения [1. С. 689–690].

В ситуации, когда большая часть крупных российских банков оказалась под санкциями, обслуживание внешнеэкономической деятельности перешло к мелким и средним банкам, а также к дочерним структурам иностранных банков. С начала СВО численность иностранных финансовых организаций в РФ снизилась, равно как и доля в общем уставном капитале российских банков, с 10,73% (на 1 января 2022 г.) до 6,95% (на 1 января 2024 г.) [12]. Процесс выхода иностранцев из российской банковской системы контролируется государством. В частности, с 2022 г. действует распоряжение Президента РФ о перечне российских кредитных организаций, в отношении которых установлен запрет на сделки (операции) с акциями и долями (вкладами), составляющими их уставные капиталы, если не получено специальное разрешение⁴. С другой стороны, для привлечения иностранных инвестиций и упрощения международных расчетов в 2024 г. был снят действовавший с 2013 г. запрет на открытие филиалов иностранных банков в России⁵.

По сравнению с банками доля иностранных инвесторов на российском рынке ценных бумаг была существенно выше. В отдельные периоды в сегменте государственных облигаций на них приходилось до трети рынка, иностранные инвесторы обеспечивали почти половину оборота на рынке корпоративных акций, находящихся в свободном обращении, а с уходом иностранных банков и фондов существенно пострадала ликвидность практически всей линейки производных финансовых инструментов. В свою очередь, российские портфельные инвесторы активно вкладывались в зарубежные ценные бумаги.

Пережив падение, рынок долговых корпоративных бумаг довольно быстро восстановился. Толчок к его росту дали облигации, замещающие выпущенные ранее бумаги российских эмитентов для торговли на западных биржевых площадках. Из-за санкций против отдельных компаний и разрушения моста между Euroclear/Clearstream—НРД был создан правовой механизм, предусматривающий выпуск до конца 2024 г. локальных облигаций вместо евробондов, попавших

⁴ Распоряжение Президента Российской Федерации от 26.10.2022 № 357-рп. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210260006?index=2>

⁵ Банк России. Допуск филиалов иностранных банков. 2024. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/165888/press.pdf>

под блокировку. Согласно данным CBonds, на начало года рынок замещающих облигаций был представлен 15 эмитентами и 49 выпусками общим объемом около 20 млрд долл. До конца года под замещение подпадают и 13 из 14 находящихся в обращении выпусков еврооблигаций Минфина (в общей сложности на 27,43 млрд долл. и 5,25 млрд евро) [13].

Ситуация на российском фондовом рынке выглядит менее благополучной. С 30.01.2022 по 17.09.2024 индекс Мосбиржи снизился более чем на 20%, долларový РТС — на 33%. «Голубые фишки» так и не смогли восстановиться после февральского падения. На российском фондовом рынке пока не появились крупные отечественные институциональные игроки. Приход российских физических лиц на смену иностранным инвесторам, с одной стороны, усилил базу отечественного капитала на рынке, но с другой — увеличил риски, «поскольку физические лица зачастую не являются профессиональными инвесторами» [14. С. 12]. Решение экономического блока правительства об обязательном размещении на бирже части пакета акций (10–20%) российским покупателем иностранной компании, покидающей российский рынок, должно создать новые инструменты и повысить ликвидность рынка. В этом же направлении действует закон о конвертации депозитарных расписок отечественных эмитентов в российские акции. Весной 2024 г. российской стороной в отношении физических лиц была запущена процедура обмена замороженными активами. В рамках ее первого этапа иностранные инвесторы выкупили четверть бумаг из заявленных к продаже российскими резидентами иностранных активов.

В сложившихся условиях российские портфельные инвесторы столкнулись с необходимостью поиска более безопасных зарубежных рынков как для вложения капитала, так и для получения финансовых средств. В Индии и Китае стали действовать филиалы Сбера и ВТБ. УК «Альфа-Капитал» первой из российских инвестиционных компаний получила разрешение на работу в Индии. Кроме Китая (Гонконга) и Индии, российские инвесторы изучают возможность работы на биржевых площадках других стран. При этом следует иметь в виду, что наиболее перспективные компании из самих развивающихся стран стремятся выйти на западные фондовые рынки. С активизацией национальных портфельных инвесторов связано и восстановление торговли некоторыми производными инструментами. Дедолларизация финансовых и торговых отношений стимулирует спрос на производные финансовые инструменты в валютах дружественных стран, прежде всего в юанях [15. С. 82].

Накануне начала СВО, по данным ЮНКТАД, Россия входила в десятку крупнейших мировых импортеров и экспортеров ПИИ, занимая соответственно 9-е (38 млрд долл.) и 8-е (64 млрд долл.) места [16. Р. 9, 21]. В результате санкций и принятых ответных мер, как уже отмечалось, произошло существенное сокращение как накопленных, так и текущих трансграничных прямых инвестиций (табл. 2). Помимо факторов, связанных с переоценкой стоимости активов, существенную роль в этом процессе сыграла остановка деятельности, перенос бизнеса или его продажа иностранными собственниками. Если говорить об уходе иностранных компаний с российского рынка, то причинами остановки работы международных корпораций стали не только санкции и угроза их расширения,

но и имиджевые соображения, а также общая неопределенность экономической ситуации в стране. Оценки масштабов выхода иностранного бизнеса из РФ отличаются в силу отсутствия статистики и растянутости этого процесса во времени⁶. В любом случае можно констатировать, что большая часть компаний осталась на российском рынке.

Таблица 2

Ввоз и вывоз ПИИ в 2016–2023 гг.
(млрд долл. США)

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Россия								
Ввоз	37	26	13	32	10	39	–15	8
Вывоз	27	34	36	22	7	64	12	29
Мир в целом								
Ввоз	2019	1651	1376	1729	985	1622	1356	1332
Вывоз	1529	1598	1611	1445	780	1882	1575	1551

Источник: ЮНКТАД. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения: 7.10.2024).

Основной стратегией выхода иностранных инвесторов стала продажа или бесплатная передача активов российским юридическим лицам. В ее рамках иногда с российским партнером или менеджментом заключался опцион на обратный выкуп в случае изменения ситуации. Некоторые компании объявили о разрыве отношений с материнской структурой и остались на российском рынке в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов [1. С. 692]. Многие бренды (прежде всего в сфере ретейла и общепита) сменили владельцев и продолжили работать под новыми названиями. Довольно популярной стала стратегия релокации в дружественные страны, ее используют как российские, так и зарубежные МНК.

В страновом разрезе подавляющее большинство компаний, покинувших РФ, имеют североамериканское происхождение или относятся к странам Северной Европы (Британия, Финляндия, Германия, Дания). В Швейцарии, Австрии и Италии доля сохраняющих российский бизнес компаний значительно выше. Это объясняется как структурой собственности (публичные компании больше подвержены внешнему давлению, чем семейные бизнесы), так и отраслевой спецификой. В первую очередь уходили фирмы, чья продукция или контрагенты попали под санкции. Среди отраслей промышленности по абсолютным показателям среднесписочной численности компаний и выручки, заявивших об уходе из России, наиболее выделяется производство автотранспортных средств, бумаги

⁶ По оценкам Университета Йеля, в 2022 г. реально покинули РФ 25,6% иностранных компаний [11]. Примерно схожие цифры называет Центр стратегических разработок (ЦСР), говоря о 15% крупнейших иностранных компаний, которые решили покинуть страну через передачу новому собственнику местного подразделения и 7%, которые заявили о полном уходе с рынка без продажи бизнеса [10]. По расчетам агентства Bloomberg, покинувшие в 2022 г. РФ иностранные компании продали активы на 15–20 млрд долл. Агентство АК&М оценивало объем таких продаж в 16,3 млрд долл. [13].

и бумажных изделий, табачных изделий [17. С. 3]. На противоположном полюсе оказался бизнес, связанный с медицинской сферой и отчасти производством средств гигиены и продовольствия. Что касается топливно-энергетического комплекса и финансового сектора, то здесь сработали административные ограничительные меры.

Приостановка работы и уход иностранных компаний из РФ стали определенным шоком для российской экономики, так как затронули некоторые стратегические производства, сложившиеся цепочки поставок, коснулись значительного числа занятых и пр. Определенное давление в связи с продажей и выводом средств за рубеж испытывала и российская валюта. В этой связи был предпринят комплекс мер, направленный на ограничение прав иностранных инвесторов из недружественных стран.

Продажа долей инвесторов из недружественных юрисдикций в стратегически значимых предприятиях ТЭК и финансового сектора стала возможна только по специальному разрешению президента. Такое согласие, в частности, было получено при продаже «Shell» доли в «Сахалин-2» российской компании «НОВАТЭК». Выход иностранных владельцев из других активов требует одобрения правительственной комиссии Минфина по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ. При продаже иностранный владелец должен предоставить покупателю 50%-ный дисконт от рыночной стоимости актива и внести 15%-ный взнос в бюджет. С октября 2024 г. стоимость выхода увеличилась: 60% – дисконт и 35% – взнос в бюджет, что означает, что бывшие собственники получают 5% от рыночной стоимости своего актива. Сделки стоимостью свыше 50 млрд руб. требуют согласия президента. Был также сокращен срок действия опциона на обратный выкуп компании с 6 до 2 лет. Введение статуса экономически значимой организации (ЭЗО) позволяет ее российским бенефициарам через суд получить акции и доли такой организации в прямое владение, исключив из цепочки собственников иностранные холдинговые компании (ИХК). Впервые судебный механизм приостановки иностранного участия в компании был использован в отношении «X5 Retail Group», а всего он уже действует в отношении 9 организаций [18]. Указ «О временном управлении некоторым имуществом» позволяет вводить внешнее управление над российскими активами иностранных инвесторов и является, по словам Д. Пескова, «ответной мерой на агрессивные действия недружественных стран, которые направлены у них на создание нормативной базы для изъятия российских компаний за рубежом»⁷. Под действие указа попали энергетические компании «Фортум» (Финляндия) и «Юнипро» (Германия), продовольственные «Danone» (Франция) и «Carlsberg» (Дания). В результате предпринятых мер отток средств прямых иностранных инвесторов замедлился (см. табл. 2). Количество сделок с участием иностранного капитала, по данным АК&М, сократилось в 2023 г. по сравнению с 2022 г. со 109 до 97, а их объем уменьшился с 16,3 млрд долл. до 11,1 млрд долл. [19].

Одновременно с уходом иностранных западных компаний наблюдается встречное движение: приход на российский рынок компаний из дружественных

⁷ Песков назвал цель указа об ответном изъятии иностранных активов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/04/2023/6448f73d9a794769ad915df7>

юрисдикций, а также продажа и перегруппировка активов российского бизнеса, их возврат из офшорных юрисдикций. По версии Forbes, рейтинг 50 крупнейших иностранных компаний в РФ обновился наполовину: из него выбыли 22 западные компании, а их места заняли новые участники из Китая, Турции, Казахстана, Белоруссии и Таиланда⁸. Китайским инвесторам, в частности, интересны простаивающие мощности, оставленные в РФ автомобильными компаниями Запада, Японии, Южной Кореи. К локализации производства их могут подталкивать предоставляемые государством льготы и возможность претендовать на поставки автомобилей государственным организациям. Однако в целом, в условиях геополитической неопределенности и санкционных рисков, бизнес из дружественных стран будет отдавать предпочтение поставкам готовой продукции, а не капиталовложениям в создание производственных мощностей на территории РФ.

Накануне обострения войны санкций Запада с Россией ученые уже открыто писали не только о необходимости формального страхования российских зарубежных инвестиций, но и о росте рисков экспроприации ПИИ в современных геополитических условиях [20. С. 38]. С введением санкций ситуация еще больше осложнилась: зарубежные компании столкнулись с заморозкой банковских счетов, риском конфискации, сложностями в выплате и переводе доходов, в получении бухгалтерских, юридических и др. услуг. Крупнейшие российские компании («Сбер», «ЛУКОЙЛ», «Росатом», «Газпром», «Мечел» и др.) вынуждены были реформатировать свои активы. По данным агентства АК&М, в 2023 г. было заключено 23 сделки по продаже российских зарубежных активов иностранцам на общую сумму в 3,5 млрд долл., а в I квартале 2024 г. — 4 сделки на 1,1 млрд долл. [21]. Параллельно с распродажей активов российский бизнес приобретает новые в дружественных странах и открывает там филиалы, а также в рамках редомициляции переносит свои иностранные компании в специальные административные районы (САР) на территории РФ. По оценкам Минэкономики, за 2022 г. численность компаний, переехавших в Приморский край и Калининградскую область, увеличилась с 27 до 130, а к середине 2024 достигла 426⁹. Указанные процессы движения прямых инвестиций в и из Российской Федерации отчасти (с поправкой на курсовую разницу и преобладание во входящих ПИИ реинвестированных доходов) находят отражение в годовой статистике (см. табл. 2).

Особенностью участия России в трансграничном движении капитала является превышение валового вывоза капитала из РФ над его ввозом. Если до начала СВО основными каналами оттока были: наращивание государственных золотовалютных резервов, отток прямых инвестиций из нефинансового сектора, сокращение объемов внешней задолженности, хранение валюты резидентами

⁸ «Леруа Мерлен» возглавила рейтинг крупнейших иностранных компаний, по версии Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/497011-lerua-merlen-vozglavila-rejting-krupnejsih-inostrannyh-kompanij-po-versii-forbes> (дата обращения: 12.11.2023).

⁹ Крючкова Е. В Госдуме рассчитали корпоративную скидку // «Коммерсантъ» № 231, 13.12.2022, с. 2; Минэк назвал сумму налоговых выплат от резидентов «русских офшоров» // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/09/04/1059995-minek-nazval-summu> (дата обращения 6.10.2024,

вне банковской системы, то после введения санкций и принятия ответных мер главными каналами вывоза капитала стали: изъятие всех видов инвестиций из РФ, увеличение торговых кредитов и авансов за рубеж российскими юридическими лицами, покупка иностранной наличной валюты населением и открытие физическими лицами валютных депозитов в иностранных банках.

Признавая своевременность и эффективность регуляторных мер, принятых для преодоления внешних шоков, хочется обозначить некоторые последствия и риски, вызванные обоюдными ограничениями на трансграничные потоки капитала. После введенных ограничений на движение капитала влияние финансового счета на курс валюты существенно снижается, а основным фактором, определяющим динамику курса, становится торговый баланс, вследствие чего риски колебания рубля увеличиваются. В этих условиях, наряду с повышением ключевой ставки, государство вынуждено использовать такой инструмент, как обязательная продажа экспортерами части валютной выручки.

Сокращение иностранного присутствия отрицательно сказывается на российском рынке ценных бумаг, их ликвидности и волатильности. Внесение российских биржевых площадок в американский блокирующий лист, а также вероятность попадания под вторичные санкции отпугивают инвесторов, в том числе из дружественных стран, от работы с российским фондовым рынком. В этом же направлении действует и ответная мера Минфина и ЦБ в виде блокировки иностранных активов на счетах типа С. В то же время сужение внешних возможностей заимствования для государства и компаний стимулирует (и это является положительным эффектом введения санкций) развитие внутреннего финансового рынка путем создания на нем новых инструментов и привлечения новых игроков. Сложившиеся реалии подталкивают российских портфельных инвесторов и эмитентов ценных бумаг к поиску новых кредитных рынков, освоению биржевых площадок в дружественных странах.

Точных оценок масштабов и последствий выхода иностранных прямых инвесторов из российских активов пока не существует (в силу сложности и длительности данного процесса, закрытости некоторых статистических данных и нежелания компаний из-за санкций публиковать сведения о трансграничных операциях). После ухода части зарубежных компаний освободились новые ниши для российского бизнеса, а также для инвесторов из других стран. Средства, используемые ранее для реализации сделок по трансграничному слиянию и поглощению, в значительной степени перетекли на внутренний рынок. Иностранные компании, которые остались на нашем рынке, оказываются в более благоприятном положении и извлекают дополнительную прибыль из-за снижения конкуренции. Вместе с тем приобретение иностранных активов (преимущественно с привлечением заемных средств) увеличивало долговую нагрузку на российский корпоративный сектор¹⁰, а вывод средств за рубеж продавцами активов негативно сказывался на курсе рубля. Принятые в последнее время регуляторные поправки направлены на снятие этих проблем.

¹⁰ Подобные сделки, как правило, финансируются за счет банковских кредитов покупателям, в то время как сами проданные компании лишаются финансирования от материнских структур-нерезидентов.

Новые администраторы и владельцы далеко не так успешно управляют компаниями, как это делали иностранные собственники, о чем свидетельствует серия перепродаж приобретенных активов. Наметившиеся сдвиги в географии ПИИ в пользу государств глобального Юга, по мнению экспертов, совершенно не способны компенсировать последствия резкого ухудшения отношений России со странами «коллективного Запада» [20. С. 39]. Что касается перемещения производственных мощностей и бизнеса на территорию дружественных стран, то такая стратегия способствует освоению новых внешних рынков и наполнению российского необходимыми товарами, но при этом все преимущества ПИИ, связанные прежде всего с получением новых технологий и компетенций, остаются у принимающей стороны [1. С. 693–694]. В последнее время предпринимаются определенные шаги по открытию российского финансового рынка и привлечению иностранных инвестиций в экономику. Речь идет, в частности, о праве «новых» инвесторов из любых стран, вкладывающих сейчас деньги, на получение дивидендов без ограничений; о разблокировке и обмене активов физических лиц (объявлен второй этап); о планах Минфина привлечь к 2030 г. на российский фондовый рынок 1 трлн руб. от иностранцев, о создании благоприятных экономических зон для всех частных инвесторов и др.

Литература

1. *Квашнина И.А.* Трансформация мировых потоков капитала // *Международная экономика*, 2022. № 10. С. 688–698.
2. Банк России. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации в 2022 году. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/ (дата обращения: 20.11.2023).
3. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). Тезис 9. Об оттоке капитала. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2023/TT2023_9.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
4. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. №1(41), февраль 2023.
5. Платежный баланс Российской Федерации (аналитическое представление). URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 31.07.2024).
6. Оценка ключевых агрегатов платежного баланса Российской Федерации. Июль 2024. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/bop-eval/ (дата обращения: 31.07.2024).
7. *Квашнина И.А.* Ограничения по трансграничным потокам капитала в условиях внешних санкций и ответных мер России // *Общество и экономика*, 2022. № 7. С.52–63.
8. *Шевцов А.Л.* Возможная конфискация российских государственных активов на Западе: правовой и политический цугцванг // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2024. № 3. С. 47–60.
9. ЦБ оценил объем заблокированных активов на 30 ноября в 5,7 трлн рублей. URL: <https://www.interfax.ru/business/883940/> (дата обращения: 12.08.2024).
10. Число российских лиц под санкциями выросло более чем вдвое за 2023 год. URL: <https://www.interfax.ru/russia/939405/> (дата обращения: 26.08.2024).
11. Костин рассказал о росте отказов в платежах от дружественных банков. URL: <https://www.rbc.ru/finances/11/04/2024/6617cbb19a7947c8c6001f9c> (дата обращения: 12.09.2024).
12. Банк России. URL: <http://cbr.ru/press/event/?id=14546> (дата обращения: 10.10.2023); <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18421> (дата обращения: 12.09.2024).
13. *Кухарчук Г. Копытина О.* Замещающие облигации: как получить выплаты по замороженным евробондам. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6352b95b9a7947fc6625d2c3> (дата обращения: 16.09.2024)

14. Головин М. Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 7–20.
15. Перцева С. Россия в международном движении портфельных инвестиций и производных финансовых инструментов // Мировое и национальное хозяйство. 2023. № 4. С. 80–83.
16. World Investment Report 2022 – International Tax Reforms and Sustainable Investment. N.Y. and Geneva: UNCTAD, 2022.
17. Место уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов России // Доклад РЭУ им. Плеханова. 2023, Выпуск 1.
18. В перечень экономически значимых организаций РФ включили еще три компании. URL: <https://www.interfax.ru/business/965430> (дата обращения: 2.10.2024).
19. Евдовина Т. Что они там наинвестировали // Коммерсантъ. 21.05.2024.
20. Кузнецов А. Экспорт и импорт прямых инвестиций: история крупных российских потерь с начала XX века // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 32–41.
21. Мордовина М. Продажи российских активов за рубежом выросли в 7 раз и превысили 1 млрд долл. URL: <https://www.rbc.ru/finances/15/05/2024/66433ec19a79476f535c7287> (дата обращения: 5.10.2024).

Irina Kvashnina (e-mail: irina.kvashnina@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Leading Scientific Associate,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

RUSSIA IN THE INTERNATIONAL MOVEMENT OF CAPITAL: ADAPTATION TO NEW CONDITIONS

The article examines the impact of external sanctions and the Russian Federation's response measures on cross-border capital flows. An analysis of the international investment position shows that after a record capital outflow through all channels in 2022, this process is slowing down, while other investments are seeing an inflow. Positive dynamics are also observed in Russian investments abroad. Despite increased external pressure, including through secondary sanctions, all participants in foreign economic activity are adapting to the new conditions. The governing bodies have formed a set of measures that allow for fairly effective control and regulation of capital flows. Most foreign companies in various forms remain in the Russian Federation or transfer production to friendly countries while maintaining the Russian market. Russian businesses are restructuring their assets, transferring them to other jurisdictions, buying companies abandoned by foreign owners, and looking for new markets and stock exchanges. At the same time, the adoption of mutual restrictions on cross-border capital flows has negative consequences and risks for the Russian economy. These include: increased volatility of the ruble due to the reduced influence of the financial account, increased debt burden; falling stock market liquidity; problems with enterprise management after the transition to Russian owners, technological backwardness, etc.

Keywords: capital movement, balance of payment, sanctions, foreign direct investment.

DOI: 10.31857/S0207367624110058

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

© 2024

УДК: 339.7; 339.9

Екатерина Романчук

аспирант, младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

ВЛИЯНИЕ ВСЕМИРНОГО БАНКА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В данной статье рассмотрен феномен экономического развития Узбекистана в последние годы: увеличение активности международных финансовых организаций на территории республики обеспечило высокие темпы экономического роста за счет либерализации внешнего сектора страны, но не сделало этот рост более инклюзивным и устойчивым. На примере Узбекистана показано, что влияние Всемирного банка на экономическую политику развивающихся государств является ограниченным. Оно увеличивается по мере того как правительство страны, испытывая нехватку внутренних финансовых ресурсов для стимулирования экономического роста, обращается за заемным финансированием к международным организациям. Всемирный банк может настоять на проведении реформ для увеличения интеграции экономики в мировое хозяйство и на осуществлении преобразований в отдельных секторах национальной экономики. Однако структурные преобразования в экономике возможны только в условиях продвижения соответствующего курса руководством страны.

Ключевые слова: Узбекистан, Всемирный банк, проекты, кредиты МАР, займы МБРР, экономические реформы.

DOI: 10.31857/S0207367624110069

С середины 2010-х годов международные организации проявляют все больший интерес к Узбекистану, активно кредитует правительство этой страны. На начало 2024 г. около половины внешнего государственного долга республики, равного 29,6 млрд долл., приходилось на обязательства перед двумя международными финансовыми институтами – Всемирным банком и Азиатским банком развития (по 6,6 и 6,4 млрд долл.) [1. Р. 120–121].

Примечателен тот факт, что большая часть средств (около 40%) была заимствована Правительством Республики Узбекистан (далее – РУ) на цели бюджетной поддержки, т.е. для осуществления в стране экономических и институциональных преобразований. При поддержке Всемирного банка за последние 7 лет были проведены важнейшие экономические реформы: либерализован валютный курс узбекского сума, отменен контроль над ценами внутри страны, инициированы реформы государственных предприятий, упрощено миграционное законодательство и осуществлены прочие преобразования, направленные на повышение открытости торговли страны и либерализацию ее финансового сектора.

С 2017 по 2023 г. экономика Узбекистана росла в среднем на 5,33% в год¹. Основываясь на показателях рейтинга Всемирного банка с 2016 по 2023 г. среди

¹ Рассчитано автором на основе данных МВФ [2].

74 государств, которым предоставляются кредиты Международной ассоциации развития (далее – МАР)²³, мы видим, что в Узбекистане произошли существенные изменения. По итогам 2023 г. у республики один из самых высоких показателей в рейтинге МАР (3,8 из 6), особенно в сравнении с соседними центральноазиатскими республиками – Киргизией и Таджикистаном (рис. 1).

По оценкам другой международной организации – Европейского банка реконструкции и развития, с 2016 по 2023 г. экономика республики стала менее интегрированной, менее «зеленой» и менее устойчивой. Более того, по показателям, входящим в индекс международной организации, Узбекистан отстает от соседнего Казахстана на 0,2–2,0 п. п. (рис. 2). Показатели РУ в части инклюзивности и устойчивости экономики на 0,4–0,6 п. п. ниже, чем у Киргизии.

Следовательно, несмотря на большие объемы финансовой помощи Правительству РУ, результативность работы Всемирного банка на территории республики остается недостаточно высокой с точки зрения конкурентоспособности экономики, инклюзивности и устойчивости экономического роста. В данной статье на основе изучения отчетов Всемирного банка и анализа макроэкономических показателей РУ предпринята попытка найти объяснение данному феномену.

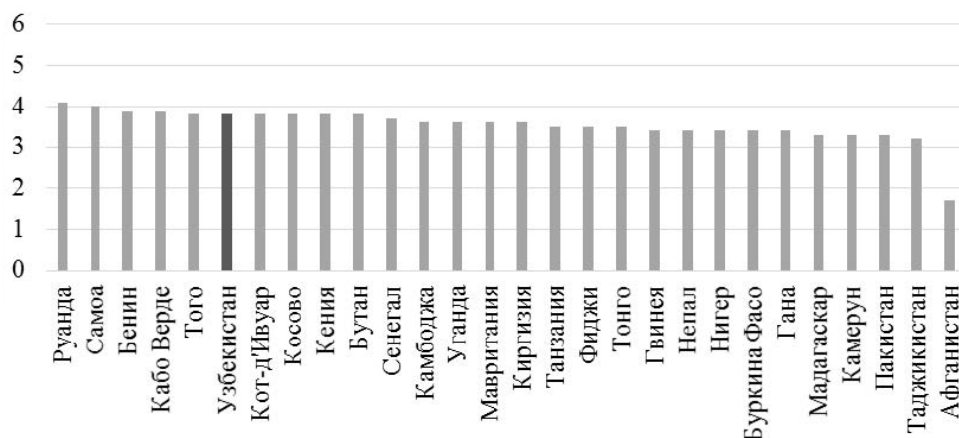

Рис. 1. Рейтинг стран МАР в 2023 г.

Источник: Всемирный банк [4].

² Всемирный банк ежегодно составляет рейтинг государств, основываясь на проводимой им оценке в стране экономической политики в части стимулирования экономического роста, эффективности работы институтов и сокращения бедности, а также качества действующего проектного портфеля. Качество экономической политики и эффективности функционирования институтов оценивается с помощью 16 критериев, сгруппированных в четыре группы: (а) управление экономикой; (б) структурная политика; (с) политика социальной интеграции и равенства; (д) управление государственным сектором и учреждениями. Итоговый показатель рейтинга страны рассчитывается как сумма трех переменных: (1) оценки страновой политики в разделах а–с с весом 0,24; (2) оценки страновой политики в разделе d с весом 0,68 и (3) рейтинга эффективности портфеля с весом 0,08. Впоследствии на основе этого рейтинга МАР распределяет имеющиеся у нее ресурсы [3. Р. 120–121].

³ Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка [4, 5].

Рис. 2. Показатели качества экономических систем стран Центральной Азии⁴

Источник: составлено автором на основе данных Европейского банка реконструкции и развития [7. Р. 105].

Влияние международных организаций, как предложили М. Бауэр и Н. Насиритусси, следует рассматривать через аспект «оспаривание—интеграция» [8]. Оспаривание проявляется при выставлении организациями рейтингов и условий оказания помощи, тогда как интеграция находит воплощение посредством таких процессов, как членство страны в международном институте и ее взаимодействия с ним. Как показал Пу Сяоюй на примере Китая, страны социализируются в международной среде лишь в той части, которая не противоречит выбранному их правительствами курсу [9]. Опыт сотрудничества Узбекистана со Всемирным банком подтверждает выводы китайского ученого и показывает, насколько ограниченным

⁴ Европейский банк реконструкции и развития оценивает страны по 6 показателям: (1) конкурентоспособность экономики (качество работы рынка и способность создавать добавленную стоимость); (2) эффективное управление в экономике на государственном и корпоративном уровне; (3) ориентированность на «зеленый» рост, т.е. осуществление мероприятий, направленных на смягчение последствий изменения климата и адаптацию экономики к нему; (4) инклюзивность, которая предусматривает уровень развития человеческого капитала, наличие доступа к финансовым ресурсам; (5) устойчивость экономики, измеряемая с помощью показателей финансовой стабильности и устойчивости энергетического сектора; (6) интегрированность экономики как внутри страны, так и в мировую экономику, в том числе открытость торговли и инвестиций [6].

является влияние международной организации на экономические и политические процессы внутри государства.

1990-е годы

Узбекистан стал членом МБРР и МАР в сентябре 1992 г. Эти две организации образуют Всемирный банк: в них действуют единые стандарты подготовки проектов и работает один и тот же персонал. Разница между МБРР и МАР состоит прежде всего в порядке формирования их капитала, составе органов, принимающих решения о выдаче кредитных средств, и в условиях заимствования для государств-членов. МБРР выдает займы правительствам стран со средним уровнем дохода на душу населения и кредитоспособным государствам с низким уровнем дохода на душу населения, тогда как МАР предоставляет беспроцентные кредиты беднейшим странам, не имеющим возможности заимствовать на международном рынке капитала.

В 1990-х годах Узбекистан получил право привлекать займы только МБРР⁵. Став участником двух других институтов Группы Всемирного банка: Международной финансовой корпорации (далее – МФК) и Международного агентства гарантирования инвестиций (далее – МАГИ), страна могла рассчитывать на их финансовую и консультативную поддержку.

В 1994 г. при финансовой помощи Всемирного банка и МВФ Правительство РУ запустило комплексную программу экономических реформ, которая предусматривала поэтапное открытие торговли и либерализацию финансовой сферы, а также структурные преобразования экономики, включая приватизацию и реструктуризацию средних и крупных предприятий. Однако меньше, чем через два года, когда по счету текущих операций платежного баланса страны стал нарастать дефицит, а цены на продовольственные товары начали стремительно расти, Правительство РУ ужесточило ограничения в части импорта товаров и доступа к иностранной валюте, введя систему множественных валютных курсов, а также применило административные меры контроля для сдерживания инфляции. Не достигнув соглашения с МВФ и Всемирным банком о замедлении темпов экономических преобразований и сохранении установленных ограничений, руководство республики вынуждено было отказаться от получения кредитов глобальных финансовых организаций на структурные преобразования экономики.

В отчетах Всемирного банка констатировалось, что в 1990-х годах стратегия реформирования экономики Узбекистана не была успешной, так как интенсивность и темп преобразований вошли в противотечение с политико-экономическими требованиями Правительства РУ [10. Р. 12]. Одновременно с этим отмечались и иные сложности с реализацией проектов на территории республики, как, например, высокая стоимость операций в стране и длительная подготовка

⁵ Руководящими органами Всемирного банка устанавливаются определенные критерии для получения кредитов МАР: (1) низкий уровень доходов на душу населения и (2) сложности с привлечением финансовых ресурсов на международном рынке капитала. Данные критерии пересматриваются при утверждении очередного пополнения капитала МАР.

В последнем десятилетии XX в. из постсоветских государств, ставших членами Всемирного банка, на кредиты МАР могли рассчитывать Армения, Грузия и Таджикистан. Кредиты, выдаваемые Киргизии международной организацией, должны были сочетаться с займами МБРР.

проектов вследствие «многоуровневого процесса принятия решений» на уровне Правительства РУ [Ibid. P. 12–13].

В итоге, к концу XX в. было одобрено выделение займов МБРР на общую сумму 425 млн долл. для реализации 9 проектов общей стоимостью 536,4 млн долл.⁶ В то же время Правительству Киргизской Республики Всемирный банк выделил около 718 млн долл. на реализацию 24 проектов, а Правительству Республики Казахстан – 1 938 млн долл. для реализации 25 проектов.

2000-е годы

В начале XXI в. 25–27% населения Узбекистана было бедным [11]. Если в 2000 г. валовые национальные доходы на душу населения в республике были равны 630 долл., то к 2003 г. этот показатель приблизился к 420 долл., т.е. к уровню наиболее бедных стран Центральной Азии – Таджикистана и Киргизии (рис. 3). Вследствие ухудшения экономического положения республики ей было предоставлено право заимствовать финансовые ресурсы не только у МБРР, но и у МАР.

Поскольку между Всемирным банком и Узбекистаном сохранялись разногласия в отношении темпов проведения экономических преобразований, в качестве компромисса в одобренной в 2002 г. Программе сотрудничества Группы Всемирного банка с Республикой Узбекистан были зафиксированы отдельные целевые показатели для банка и для правительства [12]. Как оказалось впоследствии, этот подход снизил эффективность работы международной финансовой организации в Узбекистане [Ibid]. Как утверждает в отчетах Всемирного банка, наращивать финансовые операции в республике не позволяла слабость действовавших в то время государственных институтов, не обеспечивающих должный контроль

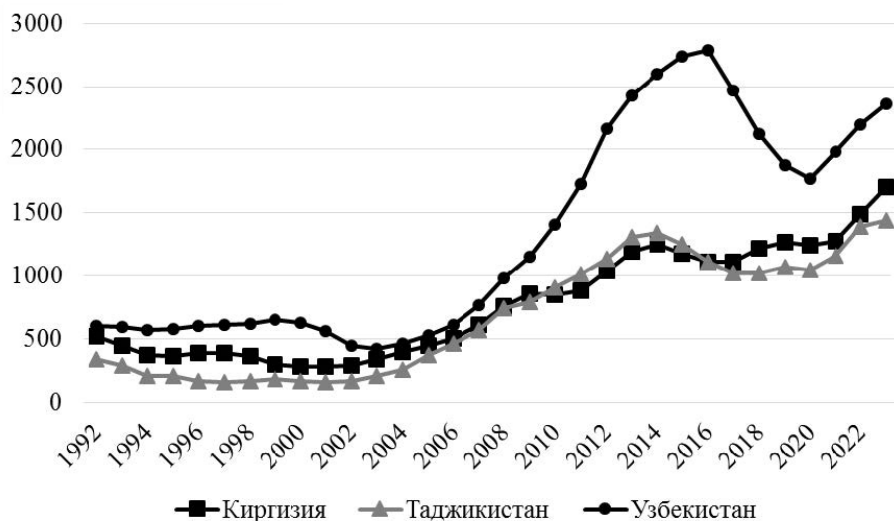

Рис. 3. Динамика валового национального дохода на душу населения стран Центральной Азии (по методу Атласа), в текущих ценах, долл.

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка [11].

⁶ Здесь и далее (если не указано иное) расчеты проведены автором на основе данных Всемирного банка.

государственных финансов, прозрачность в процессе принятия и реализации политических решений [13]. Оценка состояния экономики страны экспертами Всемирного банка была осложнена недостаточно высоким качеством и полнотой данных макроэкономической статистики [Ibid].

В середине первого десятилетия нашего века Департамент оценки операционной деятельности банка (англ. Operation Evaluation Department)⁷ проанализировал результативность взаимодействия Всемирного банка с заемщиком и вынес рекомендацию сократить помощь стране, с тем чтобы «избежать серьезных разногласий в политике» относительно темпов и направления реформ [12]. Рассмотревшие на очередном заседании данный вопрос директора МБРР и МАР отказались утверждать новую программу сотрудничества Узбекистана с Группой Всемирного банка. Они решили свести к минимуму кредитование страны, уделив основное внимание технической помощи [14]. Для возобновления полноценной работы Всемирного банка в Узбекистане Правительство РУ за период 2006–2008 гг. должно было выполнить ряд условий, а именно: обеспечить макроэкономическую стабильность, улучшить показатели проектного портфеля, подготовить Стратегию по борьбе с бедностью, а также предоставить экспертам международной организации доступ к экономическим данным.

К маю 2008 г. первые три из перечисленных условий были выполнены полностью, а последнее условие — частично, но это не помешало директорам Всемирного банка утвердить новую страновую стратегию сотрудничества с Группой Всемирного банка в период до 2011 г. [15]. По завершении действия данного документа Независимая группа по оценке Всемирного банка (англ. Independent Evaluation Group)⁸ констатировала, что прогресс в макроэкономической политике, за исключением бюджетной сферы и сферы финансов, был «весьма ограниченным», вследствие чего присвоил реализации программы рейтинг «умеренно неудовлетворительно» [16. Р. 42–43]. Специалисты Всемирного банка по-прежнему сталкивались со сложностями в оценке текущей экономической ситуации в стране и не могли своевременно дать рекомендации Правительству РУ в части корректировки макроэкономической политики и расстановки приоритетов развития отдельных отраслей экономики.

Необходимо отметить, что и в настоящее время (по состоянию на сентябрь 2024 г.) Узбекистан, в отличие от других постсоветских государств, не представляет в МВФ данные о притоке и оттоке прямых иностранных инвестиций в страновом разрезе. Данные платежного баланса и международной инвестиционной позиции республики на сайте международной организации представлены только с 2005 г. Еще одной проблемой для Всемирного банка стало то, что суммы, которые выделялись республике из средств трастовых фондов, находящихся под управлением международной организации, были небольшими. Их размер в среднем составлял 800 тыс. долл. в год [Ibid. Р. 51]. Значительная их часть поступала от Правительства

⁷ Данное подразделение Всемирного банка оценивает качество управления проектами и долгосрочный вклад международной организации в общее развитие страны. Подразделение напрямую подчиняется Совету исполнительных директоров МБРР и МАР.

⁸ Данная группа оценивает эффективность деятельности Группы Всемирного банка в области развития. Группа подотчетна непосредственно Совету исполнительных директоров МБРР и МАР.

Японии. Финансовая поддержка Узбекистана от международных организаций, за исключением Азиатского банка развития, оставалась небольшой. Следовательно, Правительство РУ вынуждено было изыскивать дополнительные средства на подготовку проектов из внутренних источников.

В первом десятилетии XXI в. количество утвержденных Всемирным банком проектов в Узбекистане немного увеличилось по сравнению с предыдущим периодом, но все равно оставалось небольшим. В этот период было утверждено 13 проектов на общую сумму 609,5 млн долл., включая займы МБРР и кредиты МАР на общую сумму 423,1 млн долл.

Таким образом, при наличии существенных расхождений во взглядах Всемирного банка и Правительства РУ на темпы и масштабы экономических реформ в стране Узбекистан не имел возможности в должной мере использовать внешнее финансирование для развития своей экономики.

2010-е годы по настоящее время

В начале второго десятилетия XXI в. Всемирный банк сосредоточился на поиске точек соприкосновения с руководством Узбекистана и перешел к стратегии двухуровневого сотрудничества. На первом уровне, в вопросах, где наблюдалось совпадение позиций Правительства РУ и экспертов международной организации, — повышение эффективности работы инфраструктуры и улучшение доступа населения к социальным услугам — Всемирный банк предоставлял стране кредиты и оказывал консультационные услуги. На втором уровне, в вопросах государственной программы повышения конкурентоспособности экономики Узбекистана за счет ее диверсификации и большей интеграции в мировое хозяйство, при наличии разных точек зрения, банк ограничился политическим диалогом с руководством страны и технической помощью [17. Р. 2].

Двухуровневый подход, как заключили эксперты Всемирного банка при оценке результативности стратегии по работе в Узбекистане на период с 2012 по 2015 г., «доказал свою эффективность» [Ibid]. С 2011 по 2015 г. было утверждено 17 проектов на общую сумму около 3,7 млрд долл., включая кредиты МАР на сумму, превышающую 1,0 млрд долл., и займы МБРР на сумму более 0,6 млрд долл. Поступление в республику официальной помощи содействия развитию экономики в этот период возросло более чем в 2 раза, составив 451 млн долл. в 2015 г. [11]. По мере того как Всемирный банк готов был наращивать сотрудничество с Узбекистаном, международные доноры также стали проявлять интерес к стране. Это совпало (возможно, и стало следствием) с нормализацией отношений республики с ключевыми торговыми партнерами — ЕС, Японией, Россией, США и КНР.

По нашему мнению, уступки Правительству РУ со стороны Всемирного банка были обусловлены тем, что в условиях медленного реформирования экономики страны в части установления рыночных инструментов ее функционирования темпы роста валового внутреннего продукта (далее — ВВП) республики в конце 2000-х годов уступали среди государств Центральной Азии и Кавказа только темпам роста экономик Азербайджана и Туркменистана (рис. 4).

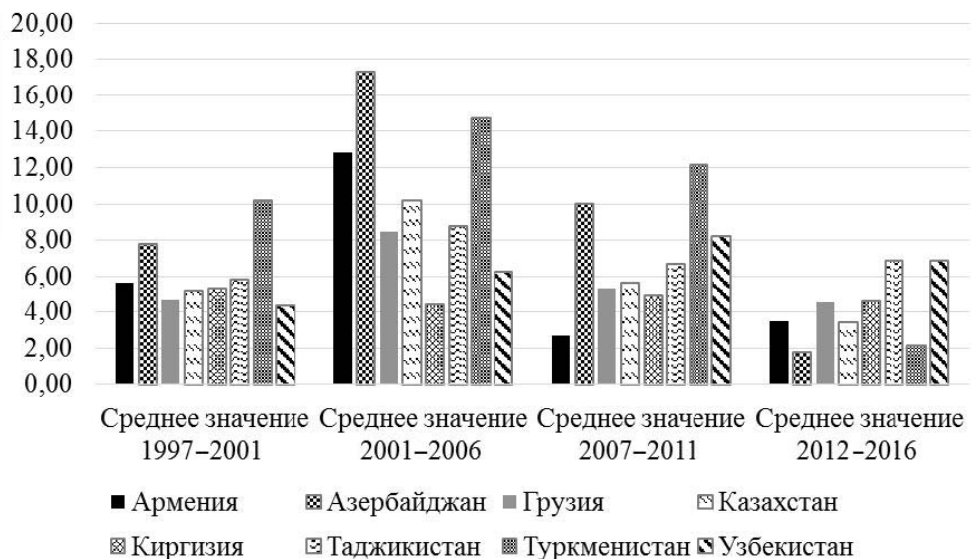

Рис. 4. Прирост ВВП в странах Центральной Азии и Кавказа, в %

Источник: составлено автором по данным МВФ [2].

Макроэкономические показатели Узбекистана начала XXI в. свидетельствовали о том, что экономический рост возможен без хороших институтов⁹. В условиях роста цен на сырьевые товары на мировых рынках республика, сохраняя сырьевую направленность своего экспорта, получала дополнительные доходы, которые позволяли ей увеличивать инвестиции и заработные платы для стимулирования потребления внутри страны.

Однако уже в 2014–2015 гг. Узбекистан столкнулся с серьезным внешним шоком вследствие сокращения экспорта производимых в стране товаров и сумм денежных переводов по статье «вторичные доходы» платежного баланса. Высокие темпы экономического роста страны (6,9–7,2% в год) были сохранены за счет принятия Правительством РУ антициклических мер: увеличения государственных инвестиций, снижения налогов для физических и юридических лиц, а также повышения заработной платы в государственном секторе и пенсий. Наряду с положительными эффектами эти меры привели сокращению бюджетных и внешних ресурсов республики, а также к росту заимствований Правительства РУ. Сальдо консолидированного бюджета сократилось с положительного сальдо в размере 1,9% от ВВП в 2014 г. до примерно 0,3% от ВВП в 2015 г., в то время как положительное сальдо счета текущих операций сократилось с 2,6% от ВВП в 2014 г. до примерно 1% от ВВП в 2015 г. (рис. 5).

⁹ С. Джонсон, Дж.Д. Остри и А. Субраманиян [18] изучили опыт 47 развивающихся государств, у которых после Второй мировой войны наблюдался бурный экономический рост. В большинстве из них меры экономической политики позволили запустить благоприятный цикл роста на фоне слабых институтов. По мере экономического роста институты укрепились, стимулируя дальнейший экономический рост.

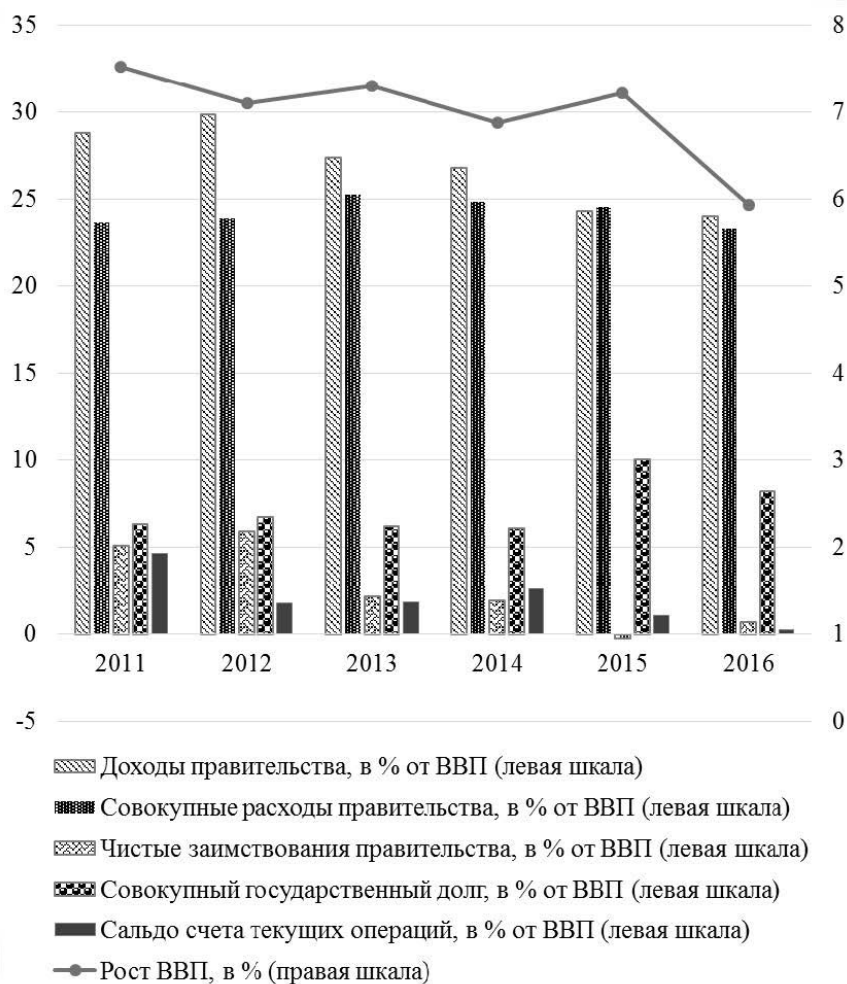

Рис. 5. Основные макроэкономические показатели РУ в первой половине 2010-х годов
 Источник: составлено автором по данным МВФ [2].

В 2016 г. сальдо консолидированного бюджета составило 0,7% от ВВП, а сальдо счета текущих операций было равно 0,25% от ВВП.

Проводимые экспертами Всемирного банка оценки экономического роста Узбекистана на среднесрочную перспективу были пессимистичны: в условиях низких цен на сырьевых товары на мировом рынке при неизменных объемах добычи газа и полезных ископаемых руководству страны было необходимо искать новые стимулы для экономического роста в будущем [19. Р. 1].

Ухудшение ситуации в экономике Узбекистана совпало со сменой Президента РУ в связи со смертью И. Каримова. Новое руководство страны воспользовалось сложившейся ситуацией и согласилось на проведение рыночных преобразований экономики, на которых давно настаивал Всемирный банк.

В 2016 г. были приняты Страновые рамки партнерства МБРР, МАР, МФК и МАГИ для Узбекистана на 2016–2020 финансовые годы. В указанном документе

нашли отражение 10 приоритетов сотрудничества на предстоящий период, сгруппированные в 3 области: (1) развитие частного сектора, в том числе посредством расширения доступа частного сектора к финансированию и финансовым услугам; (2) повышение конкурентоспособности сельского хозяйства и модернизация хлопководческого сектора и (3) улучшение качества предоставляемых населению государственных услуг, в том числе в сфере образования и в сфере здравоохранения [Ibid]. В феврале следующего года Президентом РУ была утверждена стратегия развития страны на период с 2017 по 2021 г., одним из приоритетов которой стала либерализация экономики и наращивание экономического сотрудничества с ведущими международными институтами [20].

Во второй половине 2010-х годов было утверждено к финансированию из средств займов МБРР и кредитов МАР 26 проектов на общую сумму более 5,3 млрд долл. Около 70% из указанной суммы составило привлеченное финансирование Всемирного банка.

В целом, реализация Становых рамок партнерства институтов Группы Всемирного банка с Узбекистаном в 2016–2020 гг. была оценена Независимой группой по оценке как «умеренно удовлетворительная», хотя по направлению «устойчивая трансформация в направлении рыночной экономики» запланированные мероприятия были выполнены частично [21]¹⁰. Не все проекты, на реализацию которых в последние годы было выделено финансирование МАР и МБРР, были успешно реализованы. Так, например, «Проект по наращиванию институционального потенциала», в рамках которого предусматривалось улучшение качества управления государственными финансами и совершенствование работы корпоративного сектора, в мае 2024 г. получил рейтинг «неудовлетворительно» из-за слабого снятия средств и недостижения поставленных целевых ориентиров [22. Р. 5].

Увеличение заимствования Узбекистана у Всемирного банка, наблюдаемое с середины 2010-х годов, связано с кардинальным изменением подходов правительства страны в вопросах финансов, в том числе в сфере государственного долга. Правительство РУ отказалось от политики накопления резервов и стало увеличивать внешние заимствования, целью привлечения которых было снижение негативных социально-экономических эффектов от проводимых в стране преобразований и вложения в инфраструктуру.

С 2018 г. республика активно использовала предлагаемый Всемирным банком инструментарий операций для проведения политики в области развития (англ. Development Policy Operation). Посредством таких операций банк оказывает содействие странам–заемщикам в проведении политических или институциональных реформ, которые должны способствовать экономическому росту и устойчивому сокращению бедности. В рамках этих операций заемщики согласовывают со Всемирным банком

¹⁰ При поддержке Всемирного банка в Узбекистане был либерализован валютный рынок, практически уравниены экспортные цены на хлопок и цены на хлопок для фермеров республики, сокращено время пересечения границы экспортными товарами, улучшен доступ фирм к финансированию коммерческих банков и сокращены посевные площади хлопка и пшеницы. Однако запланированные к реализации мероприятия, среди которых снижение таможенных пошлин и сокращение времени для получения разрешения на строительство, не были реализованы.

набор политических и институциональных мер и после их выполнения получают кредитные ресурсы одним или несколькими траншами [23. Р. 3].

На середину 2024 г. Узбекистану было одобрено предоставление 3,85 млрд долл. на 6 различных операций для проведения политики в области развития. За счет заемных средств Всемирного банка в Узбекистане были проведены преобразования, направленные на реформирование сферы энергетики, совершенствование управления государственными финансами, торговой интеграции, улучшение деловой среды, корректировку действующей в стране системы социальной защиты и др. [24. Р. 26–30; Р. 53–56].

В начале 2020-х годов руководство Узбекистана поставило перед собой достаточно амбициозные цели. В частности, в утвержденных Президентом РУ стратегических документах предусматривается ускоренное развитие экономики республики, с тем чтобы к 2030 г. показатель доходов на душу населения в отношении к ВВП достиг 4 тыс. долл., а бедность сократилась не менее чем в два раза [25, 26]. Однако в Стратегических рамках странового сотрудничества МБРР, МАР, МФК и МИГА с Республикой Узбекистан на период 2022–2026 гг. констатировалось, что как переход к рынку, так и структурная трансформация экономики РУ «все еще находится на ранней стадии» [27. Р. 5]. Для достижения поставленных Президентом РУ целевых ориентиров экономика республики должна расти ежегодно на 10% и развиваться в сторону большей инклюзивности и устойчивости с ведущей ролью частного сектора [Ibid. Р. 6].

На основе анализа текстов программных документов Всемирного банка можно заключить, что международная организация готова и дальше наращивать финансовую активность на территории РУ. В программном документе сотрудничества институтов Группы Всемирного банка с Узбекистаном на период с 2022 по 2026 г. были определены 4 приоритетные сферы: (1) развитие частного сектора; (2) снижение роли государства в экономике; (3) инвестиции в человеческий капитал; (4) более эффективное использование природных ресурсов [Ibid]. К примеру, в конце 2023 г. директорами МБРР и МАР было одобрено предоставление заемных средств в общей сумме на 800 млн долл. в рамках «Первой операции, направленной на осуществление политики развития инклюзивной и устойчивой рыночной экономики» [24]¹¹. В настоящее время на стадии подготовки находится «Вторая операция, направленная на осуществление политики развития инклюзивной и устойчивой рыночной экономики» с той же планируемой суммой [28].

Однако показатели количества утверждаемых в год проектов на территории РУ и сумм выделяемых на эти цели кредитов МАР и займов МБРР свидетельствуют о том, что темп экономических реформ в ближайшем будущем будет замедляться, а масштабы преобразований станут не столь большими, как в предшествующие годы. С 2021 по середину 2024 г. было утверждено выделение 3,5 млрд долл. в виде кредитов МАР и займов МБРР на 16 проектов общей стоимостью 3,8 млрд долл.

¹¹ За счет этих средств Всемирный банк согласился помочь Правительству РУ в проведении реформ в трех областях: создание рынков; улучшение управления фискальными рисками и осуществления государственных закупок; решение проблем в социальной сфере и развитие «зеленой» экономики.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что объемы софинансирования проектов со стороны Правительства РУ и местных органов власти снижаются (рис. 6).

Таким образом, становится очевидным, что по мере достижения компромисса в отношении темпов и масштабов экономических преобразований Всемирный банк наращивает объемы финансовой помощи стране. Однако в наиболее чувствительных вопросах, таких как структурная перестройка экономики, руководство государства, декларируя в стратегических документах свою приверженность реформам, стремится сократить масштабы влияния международной организации на внутривнутриполитические процессы посредством сокращения сумм заимствований.

Результаты сотрудничества Всемирного банка с Узбекистаном в последние годы

Сотрудничество Всемирного банка с Узбекистаном в последние годы было взаимовыгодным. Глобальная финансовая организация смогла настоять на проведении в стране реформ, направленных на повышение открытости торговли и либерализации финансового сектора, тогда как республика получила дополнительные ресурсы за счет большей интеграции в мировую экономику.

По мере того как Всемирный банк увеличивал свою активность в Узбекистане, в экономику страны стали вкладывать иные международные доноры и иностранные государства. Ежегодные суммы официальной помощи развитию республики с 2016 по 2022 г. возросли в 3 раза до 1,7 млрд долл. преимущественно за счет льготных кредитов (рис. 7).

До трети средств в указанные годы на цели развития предоставила МАР, еще около 20% – Япония, 11% – США и 12% – Азиатский банк развития, в котором указанные страны являются основными акционерами (рис. 8).

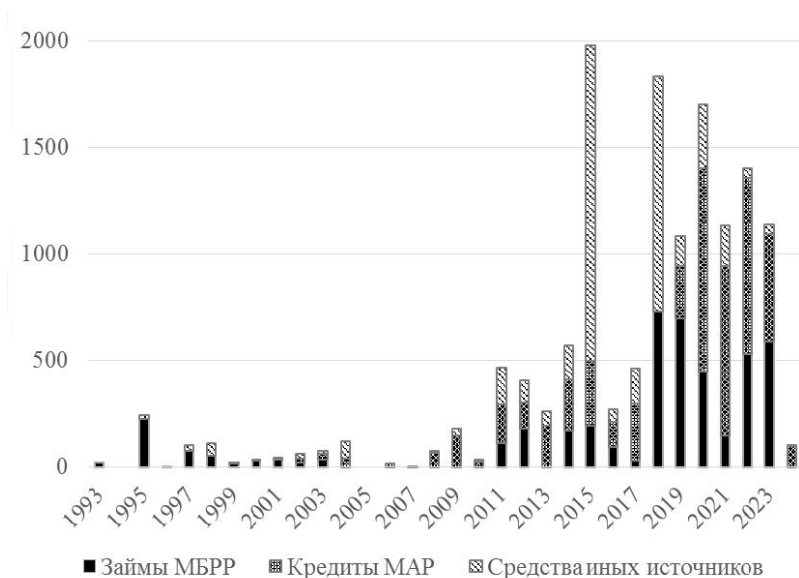

Рис. 6. Источники и суммы финансирования утвержденных Всемирным банком проектов на территории РУ, млн долл.

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

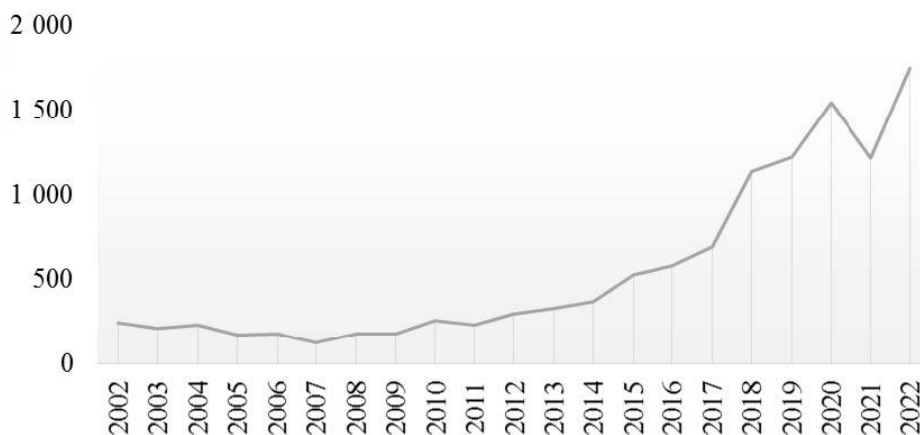

Рис. 7. Суммы поступивших в Узбекистан средств на цели содействия экономическому развитию страны, в постоянных ценах, млн долл.

Источник: составлено автором по данным Организации экономического сотрудничества [29].

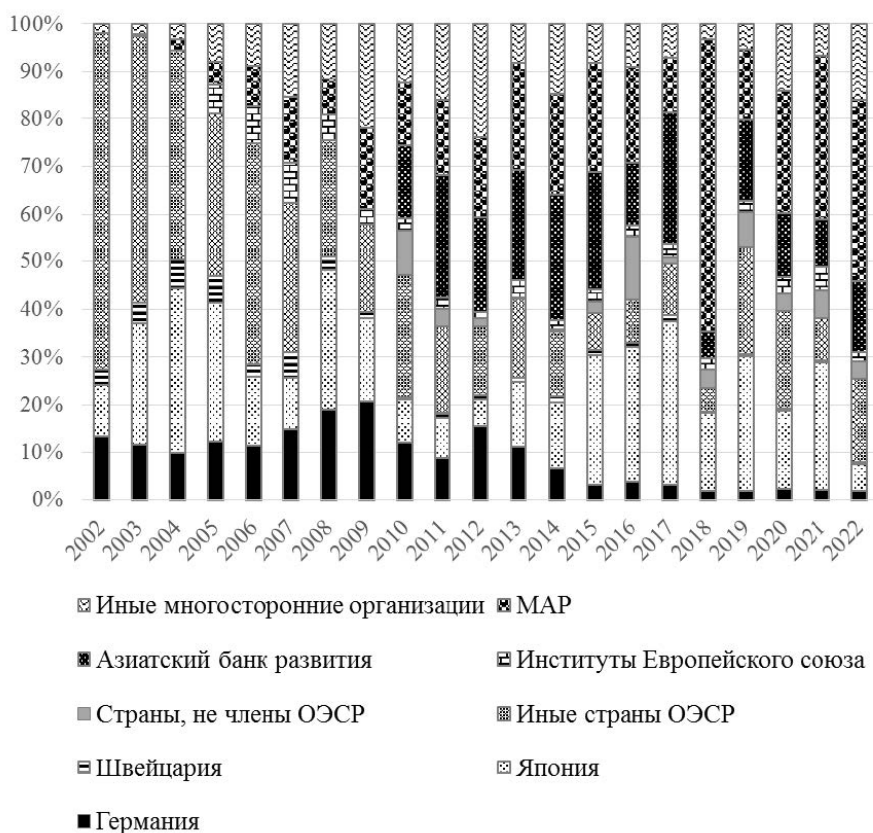

Рис. 8. Доли доноров в объемах поступивших в республику средств на цели содействия экономическому развитию страны

Источник: составлено автором по данным Организации экономического сотрудничества [31].

По настоянию Всемирного банка руководство РУ активизировало сотрудничество с другими международными финансовыми организациями. В частности, с 2019 г. Азиатский банк развития помогает Министерству финансов РУ, содействуя переходу государственных предприятий на финансовую отчетность по международным стандартам [30. Р. 32]. Также в страну стали инвестироваться значительные суммы средств трастовых фондов, администрируемых Всемирным банком. К примеру, летом 2023 г. Узбекистану был предоставлен грант в сумме 46,25 млн долл. из средств Механизма преобразования углеродных активов (англ. Transformative Carbon Asset Facility) [31]¹².

Увеличились суммы поступающих в республику прямых иностранных инвестиций с 1,7 млрд долл. в 2016 г. до 2,2 млрд долл. в 2023 г.¹³ Внешний долг страны за 6 лет вырос более чем в 3 раза и достиг показателя в 4,9 млрд долл. (рис. 9). Большую его часть составляли государственные и гарантированные государством обязательства. При этом доля долгосрочных обязательств во внешнем долге Узбекистана продолжала оставаться значительной, не опускаясь ниже 90%.

Вследствие роста финансовых поступлений в страну и под влиянием проводимых реформ существенные изменения произошли в остальных показателях платежного баланса Узбекистана. Сальдо счета текущих операций стало отрицательным. Экспорт товаров и услуг вырос менее чем в 2,4 раза, тогда как импорт товаров и услуг

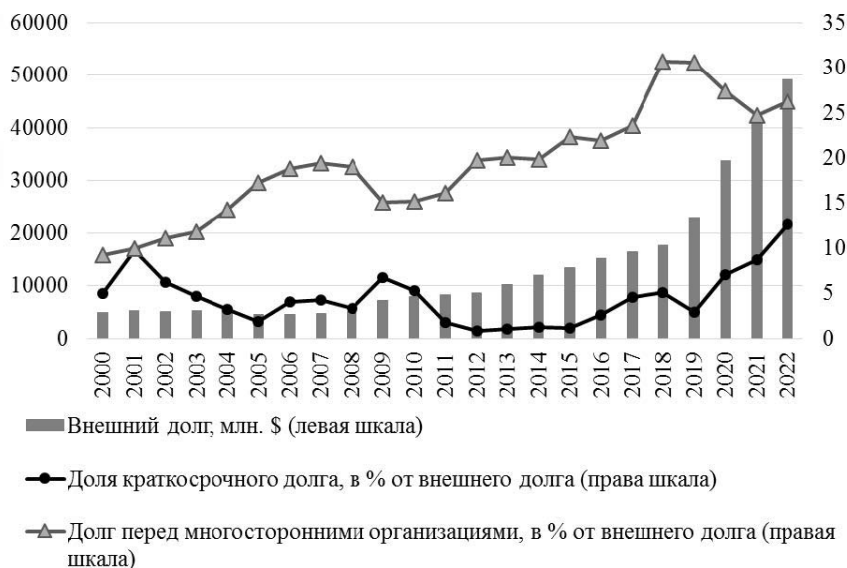

Рис. 9. Внешний долг Узбекистана

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка [32].

¹² Этот механизм был образован Германией, Норвегией, Швецией и Швейцарией по итогам прошедшей в 2015 г. в Париже конференции по изменению климата. Впоследствии к механизму присоединились Канада и Соединенное Королевство. Фонд помогает развивающимся странам создать и внедрить рыночные механизмы смягчения последствий изменения климата.

¹³ Объем ПИИ в расчете на душу населения в последние годы не превышал 70 млн долл., тогда как в Казахстане этот показатель был равен от 164 до 471 млн долл. [11].

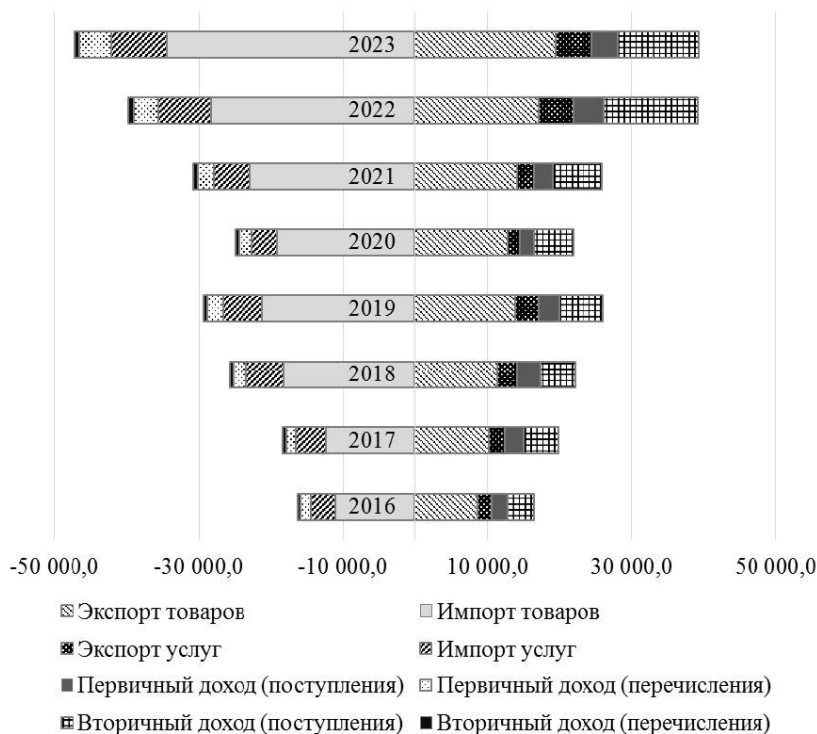

Рис. 10. Аналитическое представление счета текущих операций платежного баланса РУ
 Источник: составлено автором по данным МВФ [33].

увеличился в 3 раза (рис. 10). В 2023 г. сальдо счета текущих операций составляло $-4,27\%$ от ВВП. Поступление иностранной валюты по статьям «первичные доходы» и «вторичные доходы» выросло в 1,6 и 3,0 раза соответственно.

Повышение открытости торговли в Узбекистане и либерализация финансовой сферы страны не привели к качественным преобразованиям в части включенности республики в международное разделение труда в качестве поставщика ресурсов. В товарной структуре экспорта Узбекистана, как и в прежние годы, продолжает превалировать сырье: на долю немонетарного золота и природного газа в 2017–2023 гг. приходилось от 25% до 48% всей вывозимой из страны продукции (рис. 11).

Примечателен тот факт, что показатели Узбекистана в упомянутом в начале статьи рейтинге МАР свидетельствуют о необходимости улучшения работы финансового сектора страны и государственного управления, соблюдения прав собственности и гендерного равенства, а также в сфере управления государственным сектором и работы институтов (рис. 12).

Отмечаемые международной организацией корректировки в части повышения открытости и подотчетности государственного сектора, торговли, улучшения регуляторной среды для бизнеса привели к повышению степени экономической свободы в Узбекистане. Вместе с тем показатель «фискального благополучия»

Рис. 11. Товарная структура экспорта из Узбекистана

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД [34].

в 2022 и 2023 г. заметно ухудшился. По данным американского исследовательского института «Heritage Foundation», в части прав собственности и свободы предпринимательства улучшения были только в 2017–2021 гг. (рис. 13).

Примерно в это же время Правительство РУ активно привлекало финансовые ресурсы МАР и МБРР (рис. 14). Так, в 2018–2020 гг. суммы снятых по одобренным кредитам и займам средств составляли более 12,6 млрд долл., тогда как за предыдущие 3 года в страну поступило средств на сумму 3,5 млрд долл. Доля кредитных средств МАР и МБРР в общем объеме составила 23% (против 14% за 2015–2017 гг.).

Таким образом, результативность работы Всемирного банка на территории РУ с точки зрения структурной трансформации экономики страны остается небольшой. Продвигаемые международной организацией реформы, направленные на либерализацию внешней сферы, позволили Узбекистану привлечь дополнительное финансирование с международного рынка капитала. Однако данные преобразования не оказали значительного воздействия на уровень экономической свободы в республике и работу институтов.

Сотрудничество Всемирного банка с Узбекистаном прошло несколько этапов. На первом из них международная организация не смогла выстроить конструктивного диалога с руководством страны, вследствие чего помощь стране

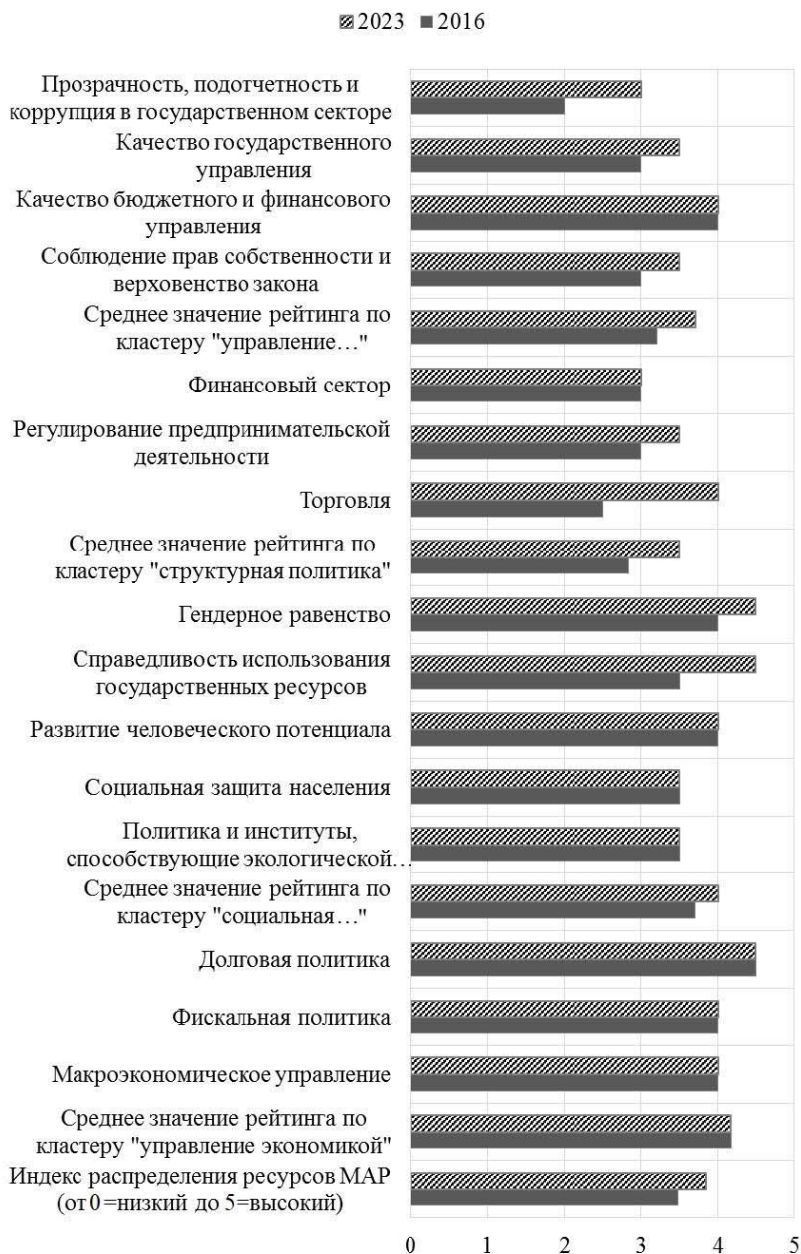

Рис. 12. Сравнение показателей Узбекистана в рейтинге МАР за 2016 и 2023 гг.

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка [4, 5].

была сведена к минимуму, ограничиваясь консультативной поддержкой. После нескольких лет поиска точек соприкосновения в наиболее существенных вопросах преобразования экономики республики обе стороны пошли на уступки: на фоне ухудшающихся макроэкономических показателей Правительство РУ инициировало проведение реформ, направленных на большую интеграцию

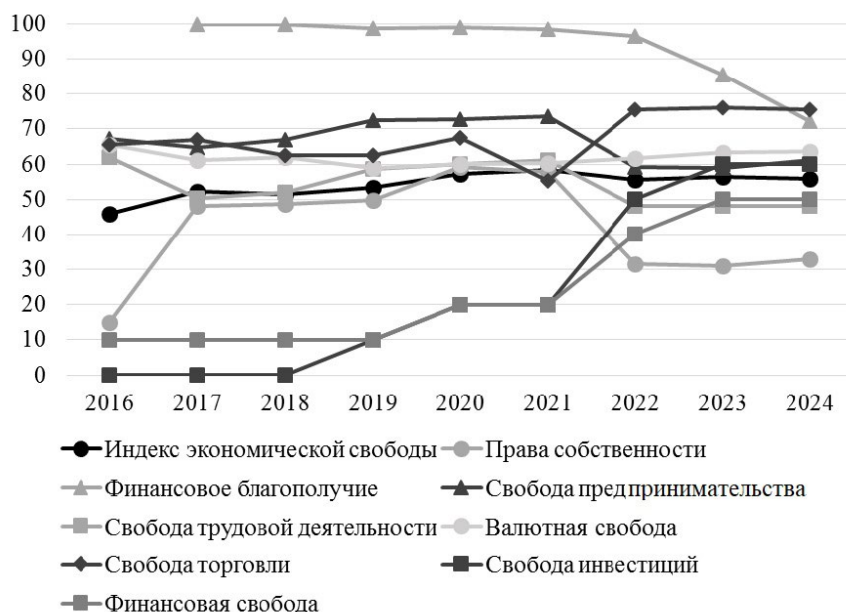

Рис. 13. Индекс экономических свобод в Узбекистане

Источник: составлено автором по данным Heritage Foundation [35].

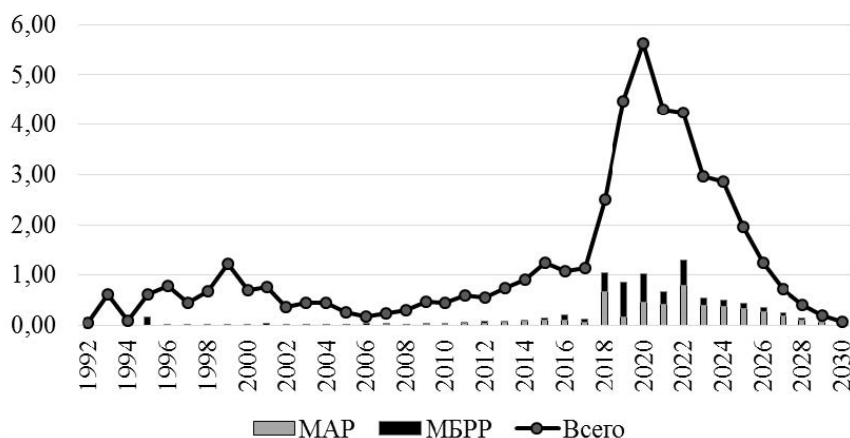

Рис. 14. Снятие средств по внешнему государственному и гарантированному государством долгу, млрд долл.

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка [32].

экономики страны в мировое хозяйство, а Всемирный банк создал условия, при которых нивелировались негативные социально-экономические эффекты, сопровождающие реформы.

Как показывает опыт взаимодействия РУ со Всемирным банком, влияние международной организации возрастало в те периоды, когда на фоне ухудшения макроэкономических показателей возникает нехватка внутренних финансовых ресурсов государства для стимулирования экономического роста. Такая ситуация

сложилась в Узбекистане в середине 2010-х годов, вынудив руководство страны согласиться на проведение либеральных экономических реформ, на которых с момента получения республикой независимости настаивали глобальные финансовые институты. При этом Всемирный банк выделил существенные суммы кредитных ресурсов для осуществления необходимых преобразований в Узбекистане и сокращения негативного социально-экономического эффекта.

Примечательно, что активизация сотрудничества Всемирного банка с Узбекистаном привела к тому, что совместными усилиями сторонам удалось сделать экономику государства более открытой и поддержать высокие темпы ее роста, но не привела к структурной трансформации, не сделала ее инклюзивной и устойчивой. Более того, экономика республики все еще нуждается в структурных преобразованиях, в том числе для сокращения сырьевой направленности ее экспорта и привлечения дополнительных иностранных инвестиций в страну.

Литература

1. Davlat maqsadi jamg'armalari budjetlarining 2023-yil ijrosi yuzasidan hisoboti. Ministry of Economy and Finance of the Republic of Uzbekistan, 2023. URL: https://api.mf.uz/media/menu_attachments/2023-yil-ijrosi-hisobot.pdf
2. World Economic Outlook database: April 2024. Official web-site of the IMF, 2024. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April/weo-report?c=927,&s=NGDP_RPCH,&sy=2003&ey=2029&ssm=0&scsm=1&sc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=&br=1
3. Report from the Executive Directors of the International Development Association to the Board of Governors. Additions to IDA Resources: Twentieth Replenishment. Building Back Better from the Crisis: Toward a Green, Resilient and Inclusive Future. Approved by the Executive Directors of IDA on February 17, 2022. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/163861645554924417/pdf/IDA20-Building-Back-Better-from-the-Crisis-Toward-a-Green-Resilient-and-Inclusive-Future.pdf?_gl=1*1ofy7kf*_gcl_au*MTA1ODMyMDc2MS4xNzE2MTQwNjQ2
4. 2023 Country Policy And Institutional Assessments. Official web-site of the World Bank, 2024. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/cd96aa92da05af2dbd1f1d9a-7fa0839c-0290012024/original/ida2023cpia.pdf?_gl=1*tpn9xn*_gcl_au*MTA1ODMyMDc2MS4xNzE2MTQwNjQ2
5. Country Performance Rating. Official web-site of the World Bank, 2018. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/f10a97a89d9e0039e6041cbb4e104772-0410012020/original/cpr_2015-2018.pdf?_gl=1*1rzjc2x*_gcl_au*MTA1ODMyMDc2MS4xNzE2MTQwNjQ2
6. Methodological notes. Transition Report 2023-2024. European Bank for Reconstruction and Development, 2024. URL: <https://2023.tr-ebrd.com/>
7. Transition Report 2023-24. Transition big and small. London: EBRD, 2024. 112 p.
8. *Bauhr M., Nasiritousi N.* How Do International Organizations Promote Quality of Government? Contestation, Integration, and the Limits of IO Power // *International Studies Review*. 2012. Vol. 14. P. 541–566.
9. *Pu Xiaoyu.* Socialisation as a Two-way Process: Emerging Powers and the Diffusion of International Norms. // *The Chinese Journal of International Politics*, 2012. Vol. 5 (4). P. 341–367.
10. Memorandum of the President of the International Bank for Reconstruction and Development and the International Finance Corporation to the Executive Directors on a Country Assistance Strategy for the Republic of Uzbekistan (Report No. 17376 UZ). World Bank official web-site, 1998. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/87286146831833378/pdf/multi-page.pdf>
11. Indicators. World Bank Official Web-site (DataBank). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?view=chart>

12. Uzbekistan Country Assistance Strategy Completion Report Review. World Bank Official Web-site, 2003. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/967631597342041315/pdf/Uzbekistan-Country-assistance-strategy-CAS-completion-report-review.pdf>
13. Memorandum of the President of the International Bank for Reconstruction and Development to the International Development Association and the International Finance Corporation to the Executive Directors on a Country Assistance Strategy for the Republic of Uzbekistan. World Bank Official Web-Site, 2002. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/549631468781155676/text/multi0page.txt>
14. Uzbekistan: Interim Strategy Note. Chairman's Concluding Remarks. World Bank Official Web-Site, 2006. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/975651468125971098/pdf/36909rev.pdf>
15. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association and International Finance Corporation Country Assistance Strategy for the Republic of Uzbekistan for the Period FY08-FY11. World Bank Official Web-Site, 2008. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/251591468127802223/pdf/433850REVISED01PUBLIC10R20081010513.pdf>
16. CAS Completion Report (CASC), FY08-11 / in International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association, Multilateral Investment Guarantee Agency and International Finance Corporation Country Partnership Strategy for the Republic of Uzbekistan for the Period FY12-FY15. World Bank Official Web-Site, 2011. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/592641468133154484/pdf/650280CAS0R-201003030MIGA0R201100076.pdf>
17. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association, Multilateral Investment Guarantee Agency and International Finance Corporation Country Partnership Strategy Progress Report for the Republic Of Uzbekistan for the Period FY12-FY15. World Bank Official Web-site, 2014. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/718761468126271650/pdf/849540CPS0P149050Box385211B00OUO090.pdf>
18. Johnson S., Ostry J., Subramanian A. Les leviers de la croissance : savoir tirer les leçons des périodes d'essor dans les pays en développement // Finances & développement, Mars 2006. P. 28-31.
19. International Bank for Reconstruction And Development, International Development Association, International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency Country Partnership Framework for Uzbekistan for the Period FY16-FY20. World Bank Official Web-site, 2016. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/537091467993490904/pdf/Uzbekistan-Country-partnership-framework-for-the-period-FY16-20.pdf>
20. Указ Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 № УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». Официальный интернет-портал нормативно-правовых актов Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3107042>
21. Independent Evaluation Group. Completion and Learning Review Uzbekistan. FY16-FY21 Country Partnership Framework. World Bank Official Web-Site, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/296821653594456765/pdf/Uzbekistan-Completion-and-Learning-Review-IEG-Review.pdf>
22. Implementation Status & Results Report. Institutional Capacity Building Project (P168180). World Bank Official Web-Site, 2024. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099050724065036042/pdf/P1681801f65d9703019d8119cff8cfe8929.pdf>
23. Bank Policy. Development Policy Financing. World Bank Official Web-Site, 2017. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/5d498da46c4ef93546fe86ffbef20cd9-0290032024/original/DPFPolicy.pdf>
24. International Bank for Reconstruction and Development and International Development Association Program Document for a Proposed IBRD Loan in the Amount of \$300 Million, a Proposed IDA Credit in the Amount of \$160 Million, a Proposed IDA Shorter-Maturity Loan Credit in the Amount of \$240 Million and a Proposed IDA Scale-Up Window Credit in the Amount of \$100 Million to the Republic of Uzbekistan for a First Inclusive and Resilient Market Economy Development Policy Operation. World Bank Official Web-Site, 2023. URL: <https://>

- documents1.worldbank.org/curated/en/099111323165528759/pdf/BOSIB0dc0144a402b0b-4f3033199a425c7f.pdf
25. Указ Президента Республики Узбекистан от 28.01.2022 № УП-60 «О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы». Официальный интернет-портал нормативно-правовых актов Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5841077>
 26. Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158 «О стратегии «Узбекистан – 2030». Официальный интернет-портал нормативно-правовых актов Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/uz/docs/6600404>
 27. International Bank For Reconstruction And Development, International Development Association, International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency Country Partnership Framework for the Republic of Uzbekistan for the Period FY2022–FY2026. World Bank Official Web-Site, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/558271653576525839/pdf/Uzbekistan-Country-Partnership-Framework-for-the-Period-FY2022-FY2026.pdf>
 28. International Development Association Project Appraisal Document on a Proposed Credit in The Amount of Us\$15 Million to the Republic of Uzbekistan for a Uzbekistan Financial Sector Reform Project. World Bank Official Web-Site, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/341821651843155856/pdf/Uzbekistan-Financial-Sector-Reform-Project.pdf>
 29. International Bank for Reconstruction and Development Project Appraisal Document on a Proposed Grant in the Amount of Us\$46.25 Million to the Republic of Uzbekistan for the Innovative Carbon Resource Application For Energy Transition Project. World Bank Official Web-Site, 2023. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062723101015596/pdf/P18043202a5c110109330043ce5985bae0.pdf?_gl=1*d94iiq*_gcl_au*MTA1ODMyMD-c2MS4xNzE2MTQwNjQ2
 30. Second Inclusive and Resilient Market Economy Development Policy Operation (P501037). Program Information Document (PID). World Bank Official Web-Site. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099081924062529920/pdf/P5010371352bff021b96a13ec1b-0829c0a.pdf?_gl=1*17twtwm*_gcl_au*NjE2OTM2OTc1LjE3MjQxMzk3MDQ
 31. Creditor Reporting System. OECD Data Explorer, 2024. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?df\[ds\]=DisseminateFinalBoost&df\[id\]=DSD_CRS%40DF_CRS&df\[ag\]=OECD.DCD.FSD&dq=90TH020%2B90TH019%2B90TH021%2B90TH023%2B90TH018%2B90TH012%2B90TH013%2B90TH015%2B90TH016%2B90TH017%2B90TH011%2B90TH009%2B90TH006%2B90TH024%2B90TH005%2B90TH004%2B90TH003%2B90TH002%2B90TH001%2B90TH0%2B5WBG0%2B5WB0%2B5WBG002%2B5WB001%2B5WB002%2B1UN0%2B5RDB011%2B5RDB009%2B5RDB008%2B5RDB007%2B5RDB006%2B5RDB005%2B5RDB004%2B5RDB003%2B5RDB002%2B5RDB001%2B5ASDB0%2B5RDB0%2B5IMF02%2B5IMF0%2BALLM%2BARE%2BTUR%2BTLS%2BTHA%2BSAU%2BROU%2BQAT%2BMC0%2BMLT%2BLIE%2BLVA%2BKWT%2BKAZ%2BISR%2BCYP%2BHRV%2BTWN%2BBGR%2BAZE%2BWXDAC%2BUSA%2BGBR%2BCHE%2BISL%2BJPN%2BKOR%2BNZL%2BNOR%2BDACEU_EC%2BLTU%2BITA%2BIRL%2BHU-N%2BGRC%2BDEU%2BFRA%2BLUX%2BNLD%2BPRT%2BPOL%2BESP%2BSVK%2BSVN%2BSWE%2B4EU001%2B9PRIV0%2BCAN%2BCZE%2BDNK%2BEST%2BFIN%2BBEL%2BAUT%2BAUS%2BALLD%2BDAC.UZB.1000.100._T._T.D.Q._T._&pd=1995%2C2023&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?df[ds]=DisseminateFinalBoost&df[id]=DSD_CRS%40DF_CRS&df[ag]=OECD.DCD.FSD&dq=90TH020%2B90TH019%2B90TH021%2B90TH023%2B90TH018%2B90TH012%2B90TH013%2B90TH015%2B90TH016%2B90TH017%2B90TH011%2B90TH009%2B90TH006%2B90TH024%2B90TH005%2B90TH004%2B90TH003%2B90TH002%2B90TH001%2B90TH0%2B5WBG0%2B5WB0%2B5WBG002%2B5WB001%2B5WB002%2B1UN0%2B5RDB011%2B5RDB009%2B5RDB008%2B5RDB007%2B5RDB006%2B5RDB005%2B5RDB004%2B5RDB003%2B5RDB002%2B5RDB001%2B5ASDB0%2B5RDB0%2B5IMF02%2B5IMF0%2BALLM%2BARE%2BTUR%2BTLS%2BTHA%2BSAU%2BROU%2BQAT%2BMC0%2BMLT%2BLIE%2BLVA%2BKWT%2BKAZ%2BISR%2BCYP%2BHRV%2BTWN%2BBGR%2BAZE%2BWXDAC%2BUSA%2BGBR%2BCHE%2BISL%2BJPN%2BKOR%2BNZL%2BNOR%2BDACEU_EC%2BLTU%2BITA%2BIRL%2BHU-N%2BGRC%2BDEU%2BFRA%2BLUX%2BNLD%2BPRT%2BPOL%2BESP%2BSVK%2BSVN%2BSWE%2B4EU001%2B9PRIV0%2BCAN%2BCZE%2BDNK%2BEST%2BFIN%2BBEL%2BAUT%2BAUS%2BALLD%2BDAC.UZB.1000.100._T._T.D.Q._T._&pd=1995%2C2023&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb)
 32. International Debt Statistics. World Bank Official Web-Site, 2024. URL: <https://databank.worldbank.org/source/international-debt-statistics#>
 33. Balance of Payments. IMF Official Web-Site, 2024. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>
 34. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual. Official web-site of UNCTAD, 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix>
 35. Economic Freedom Country Profile. Uzbekistan. Heritage Foundation, 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/country-pages/uzbekistan>

Yekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

Postgraduate Student, Junior Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

THE INFLUENCE OF THE WORLD BANK ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

This article examines the phenomenon of economic development in Uzbekistan in recent years: increased activity of international financial organizations in the republic has ensured high rates of economic growth due to liberalization of the country's external sector, but has not made this growth more inclusive and sustainable. The example of Uzbekistan shows that the influence of the World Bank on the economic policy of developing countries is limited. It increases when their governments turn to international organizations for loan financing while experiencing shortages of domestic financial resources to stimulate economic growth. The World Bank can insist on reforms to increase the integration of their economies into the global economy and on transforming some particular sectors. However, structural transformation of the economy is possible only if the appropriate policy is followed by the government.

Keywords: Uzbekistan, the World Bank, projects, IDA credits, IBRD loans, economic reforms.

DOI: 10.31857/S0207367624110069

© 2024

УДК: 339.56.055

Максим Бороденко

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: borodenko_max@mail.ru)

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ГРУЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

С 2008 г. между Россией и Грузией нет дипломатических отношений, а Тбилиси в течение многих лет был одним из самых активных сторонников евроинтеграционного курса на постсоветском пространстве вместе с Украиной и Молдовой. Вместе с тем, вопреки ожиданиям, после начала Специальной военной операции ВС РФ на Украине Грузия не пошла по пути милитаризации и еще большего углубления отношений с Западом, не стала рвать связи с Россией, как это сделал Кишинев, а начала проводить конструктивную и прагматичную внешнеполитическую линию. Это, в свою очередь, привело к тому, что начались трения в отношениях между Тбилиси и Брюсселем, что серьезно, так как ЕС является важным торгово-экономическим партнером республики. В данной статье проанализируем и сравним, как менялись внешнеторговые связи Грузии в условиях текущей геополитической турбулентности.

Ключевые слова: торговля, экспорт, импорт, Грузия, Россия, Турция, Евросоюз.

DOI: 10.31857/S0207367624110072

Непростое становление независимости

Грузия имеет крайне выгодное транспортно-географическое положение, находясь на стыке Европы и Азии, с выходом к Черному морю, располагаясь между Россией и Турцией — крупными рынками. Именно эти факторы оказали значительное влияние на экономическое развитие страны после периода трансформационного спада 1990-х годов. Однако есть и определенные ограничения: небольшая территория, сложный рельеф, отсутствие больших залежей полезных ископаемых и плодородных почв, сравнительно малая численность населения. Все это накладывает большой отпечаток на экономическое развитие республики.

Еще в советские времена ГССР была глубоко дотационной. Так, даже в период упадка СССР, в 1988 г. размер финансирования Грузии составил 2,8 млрд долл. США [4]. Другой слабой стороной грузинской экономики в советский период стал высокий уровень зависимости от рынка СССР. Так, 93,2% экспорта и 80,1% импорта Грузии приходилось на союзные республики [1]. Таким образом, фактически все промышленное и сельскохозяйственное производство и сфера услуг обслуживали общесоюзные нужды, в то время как доля республики во внешней торговле Советского Союза была крайне мала [1].

Еще острее географический фактор Грузии начал чувствоваться после распада СССР, из-за которого республика утратила свой ключевой рынок сбыта, оставшись с небольшим собственным рынком, для которого такое количество предприятий стало просто не нужно. Отметим, что до получения независимости Грузия имела самую развитую промышленность по сравнению с другими закавказскими республиками.

Это не могло не отразиться на грузинской экономике. Так, к примеру, в 1993 г. ВВП республики составил 28,6% от уровня ВВП 1989 г., а годовая инфляция в 1994 г. превысила 7 840%. Безработица достигла 30%. По данным грузинских статистических органов, в 2000 г. 75% предприятий бездействовали, а действующие фабрики и заводы были загружены только на 20% мощностей. В 2002–2003 гг. 52–55% населения Грузии имели доход ниже прожиточного минимума. Дефицит торгового баланса стал хроническим явлением [1].

Еще одним важным событием после распада СССР стал конфликт с Абхазией и Южной Осетией, который обернулся утратой части и без того небольшой территории, ресурсов и людей, а также неизбежными тяжелыми последствиями для экономики.

Закрытие нерентабельных в новых условиях предприятий, утрата ключевого рынка, неспособность грузинских производителей обеспечить потребности бизнеса и населения собственными ресурсами привели к тому, что республика столкнулась с регулярным и серьезным торговым дефицитом. Из 110 стран, с которыми Грузия вела активную внешнеэкономическую деятельность, республика имела положительное сальдо только с 22. Самые высокие показатели грузинская экономика имела с 4 странами – Конго, Арменией, Сирией и Таджикистаном.

Как правило, постоянный значительный торговый дефицит приводит к регулярному росту уровня внешней задолженности, что еще больше усугубляет социально-экономические проблемы государства, поэтому легкого выхода из сложившейся ситуации не было. Проблема усугублялась тем, что социально-экономический кризис провоцировал политическую нестабильность, которая в итоге переросла в «революцию роз» и смену власти в 2003 г.

Грузинский «НЭП» XXI века

В сложившейся ситуации было очевидно, что нужно выстраивать новую экономическую политику, которая в принципе не могла допустить какого-либо протекционизма и опоры на собственные силы. Другим важным аспектом также было привлечение иностранных инвесторов.

В 2003 г. руководство республики начинает проводить большое количество различных преобразований: антикоррупционную реформу, реформу правоохранительной структуры, уголовного законодательства, государственного сектора, судебной системы, системы исполнения наказаний, образования, здравоохранения, сферы социальной защиты, военную реформу и прочее.

В значительной мере изменения коснулись и экономической системы, так как также были проведены: налоговая реформа, таможенная реформа, внутриэкономическая либерализация, либерализация внешнеэкономической деятельности, приватизация, реформа лицензирования и выдачи разрешений на открытие бизнеса, реформа электроэнергетики, газового сектора.

В рамках либерализации внешнеэкономической деятельности почти полностью были обнулены таможенные пошлины (от них были освобождены 90% товаров). Кроме того, были введены единые ставки акцизного сбора и НДС на импортные и местные товары. Кроме того, были полностью упразднены количественные ограничения и нетарифные барьеры (с тех пор технические нормы EU/OECD и СНГ приравниваются в Грузии к национальным техническим требованиям).

Кроме того, были отменены все транзитные пошлины, квоты и другие барьеры при автодорожной транспортировке товаров по территории республики, была проведена либерализация железнодорожной тарифной политики, отменены любые ограничения на частоту полетов, направлений и количество пассажиров в грузинском воздушном пространстве.

Были также созданы «свободные индустриальные зоны», на территории которых предусматриваются существенные льготы, а именно: предприятия в свободных индустриальных зонах освобождаются от налога на прибыль; ввоз иностранных товаров в свободную индустриальную зону не облагается налогом на добавленную стоимость; операции, осуществляемые в свободной индустриальной зоне, не облагаются налогом на добавленную стоимость, и др. Сегодня в Грузии действуют две индустриальные зоны, расположенные в Поти и Кутаиси.

Для привлечения инвесторов власти республики сняли ограничения для работы на территории Грузии иностранных банков с рейтингом А+ и выше, отменили ограничения на владение городской недвижимостью, земель, в том числе сельскохозяйственного назначения для нерезидентов.

Это лишь часть из тех мер, которые принимало грузинское руководство в течение многих лет для существенной перестройки экономической системы государства. Также Тбилиси вел активную работу в поиске новых внешнеторговых партнеров и в углублении взаимодействия с уже имевшимися. Были заключены договоры о зонах свободной торговли практически со всеми своими важнейшими партнерами. Так, Грузия подписала соглашения о свободной торговле с рядом стран СНГ, включая Украину, Беларусь, Молдову, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Армению и Азербайджан, также подобный документ есть с Турцией.

В 2014 г. было заключено и ратифицировано Соглашение об ассоциации с ЕС, а в июле 2016 г. Грузией было ратифицировано и официально вступило в силу Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли, которое открыло доступ грузинским предприятиям к внутреннему рынку Евросоюза в отдельных секторах и дало европейским инвесторам в этих отраслях в Грузии ту же регуляторную среду, что и в ЕС.

В 2016 г. республика подписала Соглашение о свободной торговле со странами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), в результате которого грузинские предприятия получили беспошлинный доступ к рынкам Лихтенштейна, Исландии, Швейцарии и Норвегии. В этом же году было подписано соглашение о зоне свободной торговли с КНР, согласно которому около 94% грузинской продукции было освобождено от таможенных пошлин в Китае.

Таким образом, за довольно длительный период Грузия стала государством с очень открытой экономикой, которое стремится максимально диверсифицировать внешнеэкономическую и торговую деятельность.

Другим следствием реформ стало то, что за период независимости произошло радикальное изменение отраслевой структуры экономики Грузии: от аграрно-индустриальной страны республика перешла в разряд государств с преимущественно транзитно-сервисной экономикой. Если в 1992 г. на долю сельского хозяйства приходилось 55% валового производства, 22% на промышленный

сектор, на сферу услуг 23%, то в 2019 г. на сельское хозяйство приходилось уже всего лишь 8%, на промышленность 10%, а на сферу услуг уже 60% [3].

Грузино-российские отношения: прагматизм вопреки сложностям

По нашему мнению, без понимания экономических и политических реалий Грузии с момента обретения независимости трудно проанализировать и понять, почему Тбилиси сегодня проводит именно такой внешнеполитический курс.

А курс этот на редкость прагматичен. Это особенно заметно, если провести сравнительный анализ с прошлыми годами. После «революции роз» Грузия стала одним из наиболее антироссийски и прозападно настроенных государств постсоветского пространства. Тбилиси проводил агрессивную политику в отношении РФ, которая в итоге закончилась войной 2008 г., окончательной утратой Абхазии и Южной Осетии, а также разрывом дипломатических отношений, которые не восстановлены и по сей день.

Тем не менее война и полный разрыв политических отношений не привели к прекращению торгово-экономических связей между Грузией и Россией, что подтверждает рис. 1.

Как видно на рис. 1, с 2006 г. наблюдался существенный спад во взаимной торговле между странами. С 2006 по 2009 г. объем экспорта грузинской продукции в РФ упал более чем втрое с 75,3 млн долл. США до 21,1 млн долл. США. Российский экспорт в Грузию снизился практически вдвое, с 555,3 млн долл. США в 2006 г. до 290 млн долл. США в 2009. На эти показатели влияли несколько факторов.

Во-первых, между Москвой и Тбилиси было общее ухудшение политических отношений. Во-вторых, Грузия на этом фоне старалась диверсифицировать импортные поставки энергоносителей и зерна. В-третьих, на 2008–2009 гг. пришелся пик международного финансово-экономического кризиса, который негативно сказался на глобальной торговле, что повлияло и на торгово-экономические отношения между Россией и Грузией.

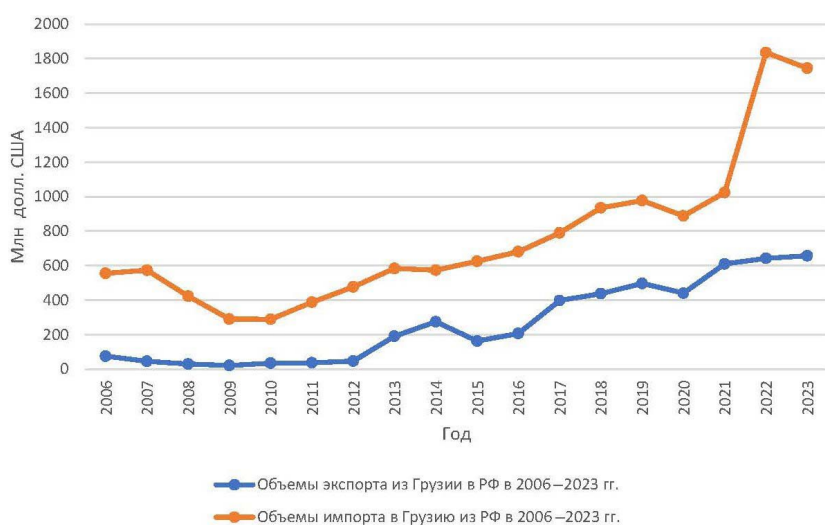

Рис. 1. Объемы экспортно-импортных операций между Грузией и Россией в 2006–2023 гг. Источник: [5].

В-четвертых, одной из главных причин было то, что в 2006 г. РФ ввела запрет на ввоз грузинских вин, минеральной воды и сельскохозяйственной продукции. После этого российская доля в экспорте грузинских товаров стабильно сокращалась и упала с 17,8% в 2005 г. до 1,9% в 2012 г. [2]. Активного прироста продаж грузинской продукции в РФ не было до 2013 г., весной которого Москва сняла торговое эмбарго на импорт грузинского вина и минеральной воды¹, что сразу привело к взрывному росту экспорта товаров из Грузии в Россию с 46,8 млн долл. США в 2012 г. до 190,6 млн долл. США в 2013 [5].

Позитивные тенденции продолжились в следующем году. С 9 июля 2014 г. Россия сняла эмбарго на поставки репчатого лука, свеклы, моркови, перца, дыни и арбузов из Грузии². Это также привело к существенному росту объемов экспорта грузинских товаров на российский рынок с 190,6 млн долл. США в 2013 до 274,7 млн долл. США [5].

Сокращение объемов экспорта наблюдалось в 2015 г. — с 274,7 млн долл. США в 2014 г. до 162,8 млн долл. США в 2015-м. Но связано оно во многом было не с санкциями или украинскими событиями, а с девальвацией рубля, из-за которой, к примеру, поставки грузинского вина, одного из главных экспортных продуктов Грузии, на российский рынок за 10 месяцев 2015 г. уменьшились в 2,2 раза — до 14 млн 661 тыс. бутылок³. В 2020 г. наблюдалось падение с 496,6 млн долл. США до 440,6 млн долл. США, что было связано также с коронакризисом.

Вместе с тем с 2008 по 2023 г. объем экспорта грузинской продукции на российский рынок в целом вырос более чем в 20 раз — с 29,7 млн долл. США до 657 млн долл. США. Рост продаж товаров из России в Грузию вырос не так стремительно, но тоже существенно: в 4 раза — с 423 млн долл. США до 1 744,60 млн долл. США.

Эта позитивная динамика наблюдалась, несмотря на геополитические потрясения на постсоветском пространстве — такие как украинский кризис, возврат Крыма и Севастополя в состав РФ, СВО, а также вопреки наличию неурегулированных территориальных споров и полному отсутствию дипломатических отношений. При этом кризисные ситуации между Москвой и Тбилиси случались даже на фоне полного отсутствия прямого взаимодействия.

Грузинская сторона отказывалась присоединяться практически ко всем западным санкциям в отношении России, даже несмотря на свой политический курс, который предполагал максимальное сближение с Европейским союзом. Исключение составили лишь ограничительные меры в отношении Крыма и Севастополя — Тбилиси поддержал ограничительные меры Брюсселя в отношении регионов, вернувшихся в состав РФ, но каких-либо масштабных двусторонних санкций против России и российских предприятий так и не ввел.

Грузия как «санкционный мост»

После начала Специальной военной операции ВС РФ на Украине в феврале 2022 г. казалось, что в этот раз Тбилиси точно присоединится к вводимым пакет

¹ TKS.RU. С «минералки», наконец, сняли эмбарго. URL: <https://www.tks.ru/reviews/2013/05/21/01/?ysclid=m2oi3svo24851421277> (дата обращения 27.09.2024 г.).

² Коммерсантъ. В отношении с Грузией добавили перца. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2524882?ysclid=m2oi2tib1406642091> (дата обращения: 10.10.2024 г.).

³ Rambler.ru. Экспорт из Грузии в РФ за год сократился почти вдвое, импорт вырос на 6,8%. URL: <https://news.rambler.ru/caucasus/32023849-eksport-iz-gruzii-v-rf-za-god-sokratilsya-pochti-vdvoe-import-vyros-na-6-8/?ysclid=m21pgbh6bl460797444>; (дата обращения 25.09.2024 г.).

за пакетом антироссийских санкций со стороны Евросоюза, США, Украины, Японии и других стран. И Вашингтон, и Брюссель, и Киев оказывали открытое давление на грузинское правительство с требованием присоединиться к международному экономическому давлению на Москву. Однако результатом стало лишь заявление грузинского президента Саломе Зурабишвили в эфире телеканала CNN о том, что Тбилиси поддерживает международные финансовые санкции против Москвы⁴. При этом никакие двусторонние ограничения на торгово-экономическое взаимодействие с Россией после начала СВО правительством Грузии введены не были. В результате уже в 2022 г. Грузия (наряду с Арменией) получила наибольший экономический эффект от наращивания торговых, инвестиционных и миграционных связей с Россией [6].

Мало того что республика не стала присоединяться к антироссийским санкциям, некоторые косвенные признаки в статистике грузинской внешней торговли последних двух лет показывают, что Грузия активно используется для обхода западных рестрикций.

В 2023 и 2024 г. наблюдается взрывной рост во внешней торговле между Грузией и странами Центральной Азии. В особенности это касается экспорта грузинских товаров в Казахстан и Кыргызстан: только за первое полугодие 2023 г. экспорт из Грузии в Кыргызстан увеличился на 1360,1%, в Казахстан – на 280,4%⁵. На рис. 2 показана динамика экспорта грузинских товаров в Казахстан и Кыргызстан в 2018–2023 гг.

Как видно на рис. 2, экспорт грузинских товаров в Казахстан и в Кыргызстан до 2022 г. находился на невысоком уровне и не достигал и 200 млн долл. США

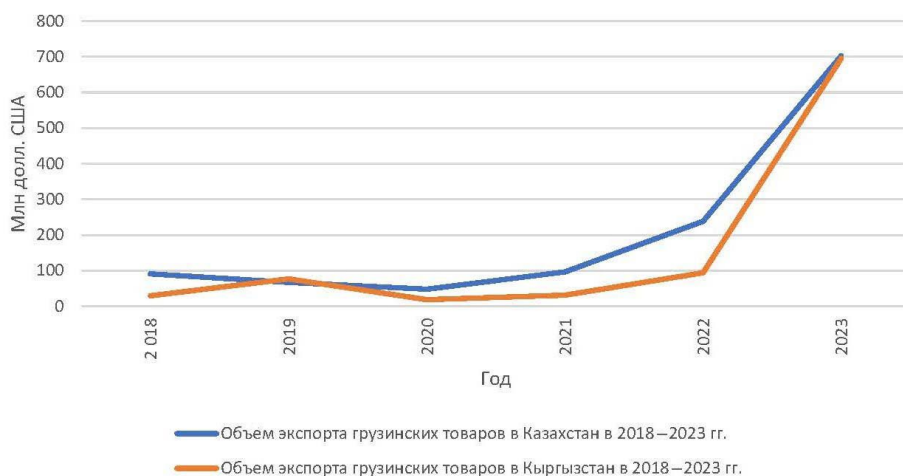

Рис. 2. Динамика экспорта грузинских товаров в Казахстан и Кыргызстан в 2018–2023 гг.
Источник: [5].

⁴ Commersant.ge. Импорт из США в Грузию значительно вырос. URL: <https://commersant.ge/ru/news/economics/import-iz-ssa-v-gruziiu-znacitelno-vyros-9784>; (дата обращения 29.09.2024 г.).

⁵ Финансовое издание Экономист. Экспорт из Грузии в КР увеличился на 1360,1%. Чем обусловлен рост? URL: <https://economist.kg/ekonomika/2023/07/25/eksport-iz-gruzii-v-kr-uvielichilsia-na-1360-1-chiem-obuslovljen-rost/?ysclid=m2adbnh3mq930266256>; (дата обращения 02.10.2024 г.).

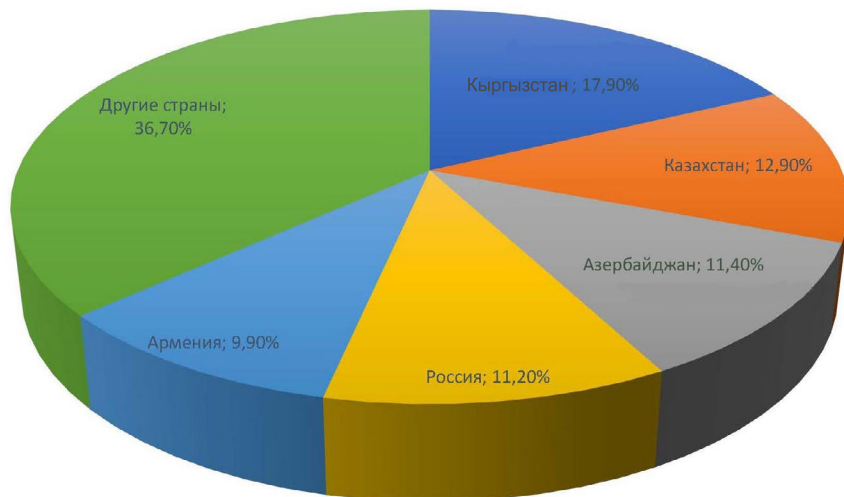

Рис. 3. Географическая структура экспорта грузинских товаров в январе–августе 2024 г.
Источник: [5].

в год. Однако в 2022 г. объем продаж продукции из Грузии в Казахстан вырос почти в 2,5 раза с 96,1 млн долл. США до 238,1 млн долл. США, а в Кыргызстан – более чем в три раза: с 30,7 до 93,7 млн долл. США. Но наибольший прирост произошел в 2023 г.: экспорт в Казахстан вырос до 703,1 млн долл. США, а в Кыргызстан до 695,6 млн долл. США.

Более того, в текущем году тенденция сохранилась. По данным Национальной службы статистики Грузии, за восемь месяцев 2024 г. (с января по август) в Казахстан грузинские предприятия экспортировали продукции на 538,2 млн долл. США, что превышает показатели за аналогичный период прошлого года, когда выручка от продаж за январь – август составила 427,9 млн долл. США [5].

Еще более впечатляющий прирост произошел в этом году в экспорте грузинских товаров в Кыргызстан. За январь–август их было продано на 745,4 млн долл. США, что уже превышает объем экспорта в Кыргызстан за весь прошлый год.

Данные процессы уже привели к значительному изменению географической структуры экспорта грузинских товаров за первые восемь месяцев 2024 г. На рис. 3 показаны главные рынки сбыта продукции из Грузии за январь–август текущего года.

Как видно на рис. 3, главными рынками сбыта грузинских товаров по итогам первых восьми месяцев этого года стали центральноазиатские Кыргызстан и Казахстан, доля которых составила 17,9% и 12,9% соответственно. Они обошли даже соседей республики: Азербайджан (с показателем 11,4%), Россию (11,2%) и Армению (9,9%).

С чем связан такой резкий всплеск торговли Грузии с Казахстаном и Кыргызстаном? По данным грузинской службы статистики, в 2023 г. основными экспортными товарами в Казахстан стали легковые автомобили (продано на 591 млн долл. США), минеральные и газированные воды (на 24,7 млн долл. США) и вино

(9 млн долл. США)⁶. Казахстан занял первое место по числу купленных в Грузии транспортных средств — почти 40 тыс. машин (39 896), что составляет около 37% от общего числа проданных здесь авто⁷.

Практически аналогичная ситуация наблюдается в структуре продаж грузинской продукции в Кыргызстан. Главным экспортным товаром также стали легковые автомобили. Только за май 2023 г. в Кыргызстан было экспортировано 1 288 автомобилей⁸, а за 7 месяцев 2024 г., по сравнению с аналогичным периодом 2023 г., экспорт автомобилей из Грузии в Кыргызстан вырос на 80%⁹.

Учитывая, что Грузия не является производителем автомобилей, возникает логичный вопрос, откуда сама республика их получает. В открытых источниках довольно сложно найти такую информацию, однако можно попробовать вычислить страны, с которыми у Грузии произошел взрывной рост импорта товаров. Таковых удалось найти четыре: США, Япония, Германия и Турция.

По данным грузинской службы статистики, объем импорта товаров из Соединенных Штатов в 2021 г. составлял 648,2 млн долл. США, в 2022 г. он вырос до 1,013 млрд долл. США, а в 2023 г. он еще удвоился до 2,05 млрд долл. США. Грузинские СМИ в 2023 г. сообщали о том, что основным импортным товаром были как раз легковые автомобили. Так, за январь—июль из США в республику было ввезено 75 312 машин на сумму 912,6 млн долларов США¹⁰.

Импорт из Японии за последние годы также существенно вырос. В 2021 г. объем составил 186,7 млн долл. США, в 2022 показатель поднялся до 301,5 млн долл. США. А в прошлом году он вырос еще более чем в два раза и составил 615,7 млн долл. США [5].

Импорт из ФРГ в 2023 г. вырос более чем в 2 раза по сравнению с 2021 г. Если в 2021 г. объем импорта немецких товаров составил 481,4 млн долл. США, то в 2023 г. он увеличился до 974,1 млн долл. США [5].

Таким образом, мы видим, что Грузия не только отказалась от присоединения к западным антироссийским санкциям, но и стала одним из ключевых маршрутов по их обходу по части завоза новых автомобилей на российский рынок.

Грузия как страна-мост на постсоветском пространстве

Длительное время Грузия проводила внешнюю политику, схожую с Украиной, Молдовой и Беларусью — пыталась не ссориться ни с Западом, ни с РФ и получать выгоды от взаимодействия с обеими сторонами. В случае с Россией сложности наблюдались лишь в период с 2006 по 2013 г., но, даже несмотря на войну в Южной Осетии и разрыв дипломатических отношений с Москвой, торговля сохранялась и Тбилиси не решался идти на разрыв, что подтверждается приведенными выше цифрами.

⁶ Cronos Central Asia. Сотрудничество Грузии и Казахстана набирает обороты. URL: <https://cronos.asia/ekonomika/sotrudnichestvo-gruzii-i-kazahstana-nabiraet-oboroty>; (дата обращения 08.10.2024 г.).

⁷ Cronos Central Asia. Сотрудничество Грузии и Казахстана набирает обороты. URL: <https://cronos.asia/ekonomika/sotrudnichestvo-gruzii-i-kazahstana-nabiraet-oboroty>; (дата обращения 08.10.2024 г.).

⁸ Финансовое издание Экономист. Экспорт из Грузии в КР увеличился на 1360,1%. Чем обусловлен рост? URL: <https://economist.kg/ekonomika/2023/07/25/eksport-iz-gruzii-v-kr-uvielichilsia-na-1360-1-chiem-obuslovljen-rost/?ysclid=m2adbnh3mq930266256>; (дата обращения 02.10.2024 г.).

⁹ Smartpress. Грузия продала автомобилей больше, чем на миллиард долларов. URL: <https://spress.ge/60240/>; (дата обращения: 03.10.2024 г.).

¹⁰ Kommersant.ge. Импорт из США в Грузию значительно вырос. URL: <https://kommersant.ge/ru/news/economics/import-iz-ssa-v-gruziiu-znacitelno-vyros-9784>; (дата обращения 29.09.2024 г.).

Взаимодействие с Европейским союзом также активно развивается после 2008 г. На рис. 4 показана динамика торгово-экономических отношений между Грузией и Евросоюзом в 2008–2023 гг.

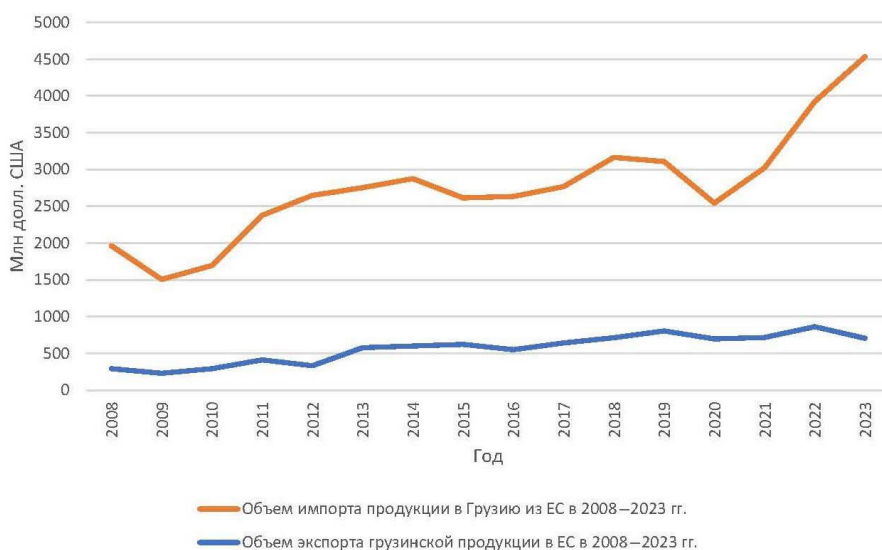

Рис. 4. Динамика торгово-экономических отношений между Грузией и ЕС в 2008–2023 гг.

Источник: [5].

Как видно на рис. 3, в торговле между Грузией и ЕС наблюдается, в целом, положительная динамика. Отметим, что экспорт грузинских товаров на европейский рынок за 15 лет увеличился сравнительно слабо – лишь почти в два с половиной раза: с 291,5 до 704,4 млн долл. США. Импорт европейской продукции в Грузию также вырос примерно в 2,5 раза, но за счет более высокого изначального показателя цифра здесь будет больше. Рост составил с 1,6 млрд долл. США до 3,8 млрд долл. США.

Очевидно, Тбилиси продолжил торгово-экономическое взаимодействие и с Россией, и с Европейским союзом, несмотря на геополитическую обстановку.

Отметим, что у Грузии есть и другие важные торговые партнеры. К их числу относятся соседние Армения, Азербайджан и Турция, а также США, Китай. Таким образом, можно утверждать, что грузинская внешняя торговля в немалой степени диверсифицирована и Грузия не так подвержена внешнеэкономическому давлению, как Украина и Молдова.

Выводы

Грузия, пожалуй, тяжелее всех остальных советских республик пережила распад СССР. У страны сравнительно небольшая территория и низкая численность населения, которая не позволяет сформировать большой внутренний рынок. Одной из главных проблем Грузии после распада СССР была полная зависимость республики от одного рынка сбыта, который был потерян в одночасье. По этим причинам республика крайне заинтересована в развитии международной торговли и в выходе на внешние рынки.

Для преодоления тяжелейших последствий пришлось проводить полную перестройку экономики. Одной из ключевых задач реформ была диверсификация внешней торговли, чтобы уйти от высокого уровня зависимости от одного партнера.

В результате был сформирован набор внешнеторговых партнеров, с которыми Тбилиси выстроил прочные торгово-экономические связи. Грузинское руководство проводит политику и принимает решения исходя из приоритета экономических вопросов над политическими. Поэтому были сохранены торгово-экономические связи с Россией, даже несмотря на вооруженный конфликт в 2008 г. и разрыв дипотношений.

И по этой же причине Грузия так и не присоединилась к антироссийским санкциям после начала СВО, следуя своим экономическим интересам. Более того, республика стала одним из важных каналов для обхода ограничений в отношении РФ, что позволяет ей получить дополнительный доход на значительных объемах реэкспорта подсанкционных автомобилей.

Грузия благодаря немалому числу торговых партнеров более устойчива к внешнему давлению, чем Молдова и Украина, поэтому Тбилиси может себе позволить проводить более независимый внешнеполитический и внешнеэкономический курс, что явно устраивает текущее грузинское правительство. По этой причине оно не будет поддаваться западному давлению и разрывать торгово-экономическое сотрудничество с РФ, чтобы не нести экономические убытки и не ставить себя в более уязвимое положение из-за потери важного торгового партнера.

Однако нельзя исключать и политический фактор. В случае смены правительства на радикально прозападное Тбилиси может пойти по пути Молдовы и начать разрывать торгово-экономическое сотрудничество с РФ, несмотря на губительность такого курса. В этом случае экономика республики будет нести немалые убытки, что неизбежно негативно скажется на социально-экономической ситуации в ней.

Литература

1. *Андропова И.В., Катамадзе А.* Трансформация экономической политики Грузии // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 2. С. 212–223.
2. *Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Соколова Т.В.* Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 41–42.
3. *Мигранян А.А.* Социально-экономическая ситуация в странах Южного Кавказа в период пандемии коронавируса // Постсоветский материк. 2021. Т. 31. № 3. С. 68–81.
4. Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и Статистика. 1991.
5. Официальный сайт Национальной службы статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>
6. *Пылин А.Г.* Влияние антироссийских санкций на экономику стран Южного Кавказа: неожиданные эффекты и их последствия // Общество и экономика. 2022. № 11. С. 56–65.

Maxim Borodenko (e-mail: borodenko_max@mail.ru)

Junior Research Fellow,

Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

GEORGIA'S FOREIGN ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL TURBULENCE

Since 2008, there have been no diplomatic relations between Russia and Georgia, and Tbilisi has been one of the most active supporters of the European integration course in the post-Soviet space for many years, along with Ukraine and Moldova. At the same time, contrary to expectations, after the start of the special military operation of the Russian Armed Forces in Ukraine, Georgia did not follow the path of militarization and further deepening of relations with the West, did not sever ties with Russia, as Chisinau did, but began to pursue a constructive and pragmatic foreign policy line. This, in turn, deteriorated the relations between Brussels and Tbilisi, despite the important role of the EU as a trade and economic partner of the Georgian Republic. In this article, the author shows how Georgia's foreign trade relations have changed in the context of the current geopolitical turbulence.

Keywords: trade, export, import, Georgia, Russia, Türkiye, European Union.

DOI: 10.31857/S0207367624110072

РЕТРАКЦИЯ

© 2024

Отзыв статьи

На заседании редакции журнала от 07.11.2024 в отношении статьи Байбобоевой Ф.Н. «О факторах, угрожающих экономической безопасности предприятий легкой промышленности», опубликованной в выпуске научного журнала «Общество и экономика» РАН в 2023 г. в № 7 журнала, принято решение о ее отзыве (ретракции).

Отзыв вызван неправомерным заимствованием автором в недопустимом объеме результатов научных исследований из статьи Т.В. Сергеевич «Экономическая безопасность предприятия легкой промышленности в контексте роботизации» / Экономическая наука сегодня: сб. научн. ст. БНТУ. Минск. 2020. Вып. 11.

Дата выявления нарушения: 11.10.2024.

Выходные данные ретрагируемой статьи: <https://doi.org/10.31857/S020736760026576-2>

Разъяснения от Байбобоевой Ф.Н. присланы 23 октября с.г.

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться сведения об авторе (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);

2) в меню «Мои публикации» станет активной кнопка «Добавление публикации», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Сохранить и отправить».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. На электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/>;

2. Через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати xx.xx.2024 г.

Дата выхода в свет: xx.xx.2024 г.

Тираж 150 экз. Зак. 14/7а. Цена свободная
70*100/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.